

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

Сливкова Юлия Викторовна

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ТЮРЕМ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ ТРАВМАТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук
Карабыков Антон Владимирович

Симферополь

2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Концептуальные основы музеефикации травматического наследия	13
1.1. Травматическое наследие в контексте культуры памяти.....	13
1.2. Формы коммеморации травматического наследия.....	23
1.3. Тенденции музеефикации культурного наследия.....	34
1.3.1. Музеи в условиях социально-экономических трансформаций....	37
1.3.2. Функциональная эволюция и классификация музеев.....	41
1.3.3. Политико-идеологические факторы.....	45
Выводы.....	51
Глава 2. Теоретические и практические аспекты музеефикации тюрем	54
2.1. Российский и международный опыт музеефикации бывших тюрем.....	54
2.2. Критерии классификации тюрем-музеев.....	69
2.3. Стратегии и формы музеефикации тюрем.....	80
2.4. Музеефицированная тюрьма как культурный феномен.....	86
Выводы.....	92
Глава 3. Тюрьма-музей в культурном пространстве региона (на примере Западной Сибири)	94
3.1. Музеефикация «травматического» наследия в тюремных музеях Западной Сибири.....	94
3.1.1. Мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» (г. Томск).....	100
3.1.2. Музей Сибирской каторги и ссылки (г. Тобольск).....	107
3.1.3. Церковно-исторический музей при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви русской (пос. Ложок, Новосибирская область)	115

3.2. Проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы	
(г. Тюкалинск, Омская область).....	119
Выводы	126
Заключение	129
Список литературы	134

Введение

Актуальность темы исследования

Высокие темпы технического прогресса и динамика социально-культурных изменений обострили проблему сохранения культурного наследия. Его традиционное понимание как совокупности подлежащих государственной охране объектов постепенно сделалось недостаточным. Многоаспектность понятия культурного наследия и междисциплинарный характер посвящённых ему работ привели к расширению поля исследований. Так, в последней трети XX века началось осмысление трудностей, связанных с сохранением материальных свидетельств трагических событий. Исследования этого типа образовали в итоге особое направление – *trauma studies*. В его рамках был разработан свой концептуальный аппарат и методология, обеспечившие возможность изучать травматический опыт как составляющую культурной реальности. Так как понятие коллективной исторической травмы предполагает единство события и памяти о нём, область *trauma studies* неизбежно пересекается с полем науки о культурном наследии. Всё это делает актуальными исследовательские проекты, которые посвящены сохранению и репрезентации наследия, связанного с негативным социальным опытом.

Особое место среди объектов, причастных к травматическому наследию, занимают тюрьмы. В них воплощается несколько граней рассматриваемого понятия. Во-первых, многие тюрьмы являются местами гибели людей; во-вторых, как хранители памяти о наказании, они выполняют роль свидетелей жестокости преступников и/или мучений жертв. В центральных районах многих российских городов до сих пор расположены действующие тюрьмы. Большинство из них помнит все политические режимы последних полутора столетий и давно подлежит музеефикации. Заметим, что эта проблема стоит не только в областных центрах, вроде Владимира, Екатеринбурга, Астрахани или Чебоксар, но и в городах

федерального значения. В связи с Москвой можно упомянуть Бутырскую тюрьму и Матросскую тишину, в связи с Санкт-Петербургом – Кресты. Важно и то, что целый ряд учреждений этого рода располагается в тюремных замках с вековой историей. Чаще всего условия содержания заключённых в таких технически устаревших зданиях уже давно являются ненадлежащими. Историки и представители пенитенциарной системы, как правило, солидарны в том, что на фоне отсутствия в России отлаженных механизмов трансформации закрытых тюрем и колоний в иные социальные или коммерческие заведения, музеефикация этих объектов представляется наиболее логичной.

Говоря обобщённо, музеефикация служит одной из самых действенных мер, позволяющих предотвратить разрушение объектов историко-культурного наследия. В настоящее время вкупе с ростом интереса к практико-ориентированным исследованиям различных музейных институтов уделяется всё больше внимания использованию историко-культурного потенциала регионов. Как следствие, наблюдается увеличение инициатив, направленных на обеспечение сохранности самых разных исторических объектов, включая бывшие тюрьмы. При этом отличительной чертой последних является их идеолого-символическая многогранность, эстетическая проблематичность и воспитательная амбивалентность, что служит причиной неоднозначного, порой конфликтного отношения к ним в обществе.

Соответственным образом, **проблема диссертационного исследования** в научно-теоретическом плане определена назревшей необходимостью провести комплексный анализ музеефикации бывших тюрем в контексте меняющихся политических, идеологических, экономических и других условий, а в научно-практическом плане – очевидной нехваткой обоснованных, эмпирически проверенных методик и рекомендаций в сфере управления этим процессом и его оптимизации.

Степень научной разработанности темы.

Сложность и междисциплинарный характер проблем музеефикации травматического наследия потребовали обращения к широкому спектру работ, содержащих результаты культурологических, музееведческих, социолого-политологических, исторических и философских изысканий. Мы не могли ограничиться только культурологическими наработками, поскольку в них проблема музеефикации тюрем и прочих пенитенциарных учреждений изучена лишь фрагментарно (см. работы О.В. Беззубовой, Н.В. Самовер, В.С. Стафа, А.Ю. Сериковой, Д. А. Хлевнюк).

Практики сохранения и использования культурного наследия являются естественным продолжением изучения мемориальной культуры, теоретическую основу которого составляют парадигмальные труды Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Рикёра, П. Нора, П. Хаттона.

Понятие мемориальной культуры непосредственно связано с концептами исторической коммуникации и культурного опыта, значительный вклад в разработку которых внёс А.Я. Флиер, Л.Н. Коган, Г.М. Маклюэн, А.Н. Леонтьев. Обращение к интересующей нас проблематике активизируется в рамках музееведения. Оно исследуется в работах В.Г. Ананьева, М.Б. Гнедовского, Е.Н. Мастеницы, О.С. Сапанжи. Не подлежит сомнению, что музеи занимают важное место в системе социальной памяти современного общества. Хотя эта роль их ещё до конца не изучена, мы многим обязаны здесь идеям В. Беньямина, Т. Беннета, Г. Люббе, Ю.М. Лотмана, М.Л. Шуб, З.А. Бонами.

Специфика и нюансы музеефикации тюрем остаются почти не изученными в отечественной науке. Чаще всего тюрьмы-музеи анализируются как места памяти жертв политических репрессий или места заключения известных культурных и общественно-политических деятелей. Так, например, история Омского острога чаще всего затрагивается в работах, посвящённых Ф.М. Достоевскому. При этом в настоящее время происходит

подъём исследований, в которых тюрьмы-музеи изучаются как объекты туризма, что вызвано трендами в сфере музейной политики. Масштабный анализ такого рода был проведён канадскими учёными Дж. Пише и К. Валби. Они изучили 45 тюремных музеев Канады. Помимо стратегий музеефикации и структуры экспозиций ими были исследованы социально-экономические условия создания тюрем-музеев, различия в репрезентации заключённых и сотрудников тюрьмы, впечатления экскурсантов. Первостепенной для нашей темы также явилась книга М. Уэлша «Побег в тюрьму» (2015), ставшая для нас своеобразным «путеводителем». Она ценна богатством фактического материала и новаторским использованием идей Э. Дюркгейма и М. Фуко в анализе современных тюремных музеев. Отдельного упоминания заслуживает монография российского учёного Н. Эппле «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах» (2020). Изучая опыт проработки травматического прошлого в нескольких культурах, Эппле справедливо критикует современные коммеморативные практики, которые, на его взгляд, мало способствуют осознанию чудовищных преступлений XX века.

Разнообразие практических форм музеефикации тюрем говорит о необходимости изучать контекст, мотивы и механизмы производства и сохранения этого вида культурного наследия, которые всё ещё ожидают своих исследователей.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить процесс музеефикации тюрем и функционирование тюрем-музеев в качестве формы культурной интеграции травматического наследия.

Для реализации поставленной цели выдвигаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть современные тенденции в области музеефикации культурного наследия;
- 2) выявить специфику травматического наследия и провести анализ связанных с ним форм коммеморации;

3) на основе анализа российского и международного опыта музеефикации тюрем разработать критерии оптимальной классификации тюрем-музеев;

4) изучить стратегии и формы музеефикации бывших тюремных объектов, а также факторы, её обуславливающие;

5) рассмотреть своеобразие российского и, в частности, сибирского социокультурного контекста, влияющего на музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев;

б) исследовать кейсы трёх тюремных музеев, расположенных в Западной Сибири, и проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы, описав историю их создания, дав классификационную характеристику и проведя анализ посетительского восприятия и истолкования травматического наследия, представленного в них.

Объект исследования: процесс музеефикации бывших тюремных объектов и его результат – тюрьмы-музеи.

Предмет исследования: социокультурные факторы, влияющие на музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев; в отношении процесса музеефикации – его стратегии и формы; в отношении тюрем-музеев – их типологические признаки и критерии классификации.

Теоретическая и практическая значимость диссертации в первую очередь определяется тем, что, принадлежа сфере междисциплинарных исследований, анализ воздействия социокультурного контекста на музеефикацию тюрем и функционирование тюрем-музеев вносит вклад в развитие таких актуальных культурологических направлений, как *trauma studies*, история наказаний и пенитенциарной системы, изучение мемориальной культуры, а также в музеологию и изучение туристической индустрии. Ключевые положения диссертации способствуют более глубокому пониманию проблем сохранения тюрем как объектов травматического наследия и могут быть использованы для создания теоретических курсов, спецкурсов учебно-методических пособий по

культурологии, музеологии и индустрии туризма. Кроме того, результаты исследования будут полезны при разработке проектов музеефикации пенитенциарных учреждений и создании экспозиций в тюрьмах-музеях.

Методология и методы исследования

Методологическая база диссертации вбирает в себя соединение общенаучных методов *формальной (дедукция и индукция) и диалектической логики, типологии и систематизации*, которые используются в изучении эмпирического материала и выработке теоретических положений. *Историко-теоретический* метод применяется при анализе научной литературы, электронных каталогов и баз данных по исследуемой проблематике. С помощью *компаративного метода* осуществлен детальный анализ международного опыта музеефикации тюремных объектов. *Функциональный анализ* тюремных музеев позволил создать целостное представление о данном феномене современной мемориальной культуры.

Источниковую базу исследования составили:

1. Теоретические и практические исследования в области музеефикации объектов культурного наследия.
2. Коллекции музеев, фото и видео-материалы о коллекциях, сайты музеев, виртуальные туры и экскурсии.

Научная новизна исследования

Настоящая работа являет собой попытку создать целостное представление об обширной группе явлений, которые очень часто рассматриваются изолированно друг от друга. Такой подход обеспечил возможность сформировать целостное понимание феномена тюрьмы-музея путём комплексного рассмотрения различных аспектов его формы, содержания и прагматики, а также специфики функционирования, факторов и условий интеграции в культурное пространство региона. Проблемы, сопутствующие музеефикации тюрем, изучены в динамическом контексте происходящих социокультурных изменений. Осуществлён анализ процессов реставрации и преобразования бывших мест заключения; изучены

особенности организации экскурсионной деятельности в музеях данного типа с учётом посетительских впечатлений и трактовок. Разработаны критерии для новой, более оптимальной, классификации тюрем-музеев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Наиболее приемлемыми формами коммеморации травматического наследия служат сакрализация и музеефикация, которые способны органично дополнять друг друга. Фокусируясь на жертвах трагических событий, сакральная коммеморация уделяет косвенное внимание вопросам ответственности за случившееся и, как правило, предшествует другим коммеморативным формам, включая музеефикацию. Этим первенством она обязана своему свойству смягчать негативный эмоциональный фон, который сопутствует травматическому наследию и умышленно нагнетается в тюрьмах-музеях. Ситуация в современной России отличается тем, что далеко не всегда прослеживается чёткая грань между сакрализацией и музеефикацией.

2. Использование классической музееведческой классификации применительно к тюрьмам-музеям представляется недостаточным. Более оптимальная классификация, эскиз которой предложен в работе, должна строиться на основе таких критериев, как ведомственная принадлежность тюрьмы-музея, характер инициаторов и временные рамки его создания, охват исторического отрезка, представленного в экспозиции, общая направленность музея и тип хранимого наследия, расположение и ассортимент предоставляемых музеем услуг. Будучи взаимосвязанными, эти критерии позволяют осмыслить всю многогранность тюрьмы-музея как социального института и культурного феномена.

3. Тюрьма-музей предоставляет широкой публике эксклюзивный доступ к подлинным реалиям тюремного заключения. При этом практика музейного показа предполагает сохранение известной психологической и эстетической дистанции между посетителем и реальным опытом отбывания наказания. Как и политико-идеологическая интерпретация экспозиционных

материалов, эта дистанция может по-разному нюансироваться и варьироваться от музея к музею и даже в пределах одной организации. Так формируется эфемерный личный опыт, рождающий ощущение сопричастности к травматическому наследию, представленному в тюрем-музее.

4. Наиболее распространенной формой музеефикации упразднённых тюрем служит консервация. Вторая стратегия предполагает реставрационные работы, в процессе которых воссоздается интерьер того исторического периода, в который действовала данная тюрьма. Третья стратегия опирается на художественную реконструкцию и используется в бывших местах заключения, где не сохранились камеры, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем. При этом к числу общих факторов, влияющих на процесс музеефикации тюремных объектов, относятся идеолого-политические, эстетические, экологические, инфраструктурно-территориальные, экономические и психологические, а также потребность в обеспечении безопасности, если действующая тюрьма находится в городской черте.

5. Деятельность тюрем-музеев в Западной Сибири обусловлена совокупностью факторов и отчётливой прагматикой, которые определяют их миссию, экспозиционный нарратив, подбор экспонатов и комментарии к ним. Так, исключительно мемориальный характер музея (Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», г. Томск) делает главенствующей роль просветительских функций. Такой музей нередко претендует на роль авторитетного эксперта в соответствующей области исторического знания и предлагает научно-консультационные услуги (вышеназванный томский музей, Музей Сибирской каторги и ссылки, г. Тобольск). Расширение ассортимента услуг и включение рекреационных элементов способствуют быстрой интеграции тюремных музеев в культурное пространство региона, но могут препятствовать осмыслению и оценке трагических событий истории (вышеназванный тобольский музей, Церковно-исторический музей в пос.

Ложок Новосибирской области, проект музеефикации тюрьмы в г. Тюкалинск Омской области).

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях и научно-методологических семинарах кафедр «История, философия и социальная коммуникация» (2016–2020 гг.) и «Туризм, гостиничный и ресторанный бизнес» (2018–2022 гг.) Омского государственного технического университета, озвучивались автором в докладах и выступлениях на российских и международных конференциях: «Современное состояние и потенциал развития туризма в России» (Омск, 2017–2021 гг.), «История как фундамент гуманитарного познания. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке» (Владивосток, 2018 г.), «Дни Ришелье в Гурзуфе» (Гурзуф, 2019 г.), «Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы» (Омск, 2019 г.), «Современное состояние и перспективы развития экологического туризма: российский и зарубежный опыт» (Омск, 2022 г.).

Материалы диссертации были отражены в ряде публикаций автора. По теме диссертационной работы опубликовано 6 статей, в том числе 3 – в журналах, включённых в реестр ВАК МОиН РФ.

Диссертация рассмотрена на заседании кафедры культурологии и социокультурного проектирования Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и рекомендована к защите.

Структура диссертационного исследования.

Объём диссертационного исследования – 147 страниц, работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 116 источников.

Глава 1. Концептуальные основы музеефикации травматического наследия

1.1. Травматическое наследие в контексте культуры памяти

На рубеже XX–XXI вв. произошёл культурный поворот, в результате которого наметились новые подходы в изучении коллективной памяти. В этот период возрастает количество публикаций, посвященных проблемам исторической, коллективной и социальной памяти. Формируются исследовательские школы, занимающиеся теорией культурной памяти. Наиболее значимыми в этой научной области являются труды Э. Дюркгейма, Я. Ассманна, А. Варбурга, П. Рикёра, каждый из которых изучал определённые аспекты формирования и функционирования культурной памяти общества. Будучи сторонником теории Э. Дюркгейма, М. Хальбвакс рассматривал феномен культурной памяти как в социологическом, так и психологическом ключе. Основатель социологии Э. Дюркгейм изучал общество и культуру как единое целое, отдавая приоритет коллективному сознанию, выражающемуся в нормах морали и права, религиозных верованиях и мифах. Согласно теории М. Хальбвакса, память позволяет человеку ориентироваться в обществе благодаря тому, что комплекс воспоминаний способствует самоидентификации¹. При этом любые воспоминания, индивидуальные или социальные, имеют пространственно-временной контекст. Параллельно подчёркивается особая роль языка в передаче и сохранении памяти².

Само понятие культурной памяти ввёл в оборот последователь теории М. Хальбвакса египтолог Я. Ассман. В его книге «Культурная память» этот

¹ Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое изд-во, 2007. – С. 118-119.

² Бегунова, Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №39. – С. 55-56.

феномен определяется как особая форма актуализации ценностей культуры³. Один из ключевых тезисов концепции Ассмана гласит о наличии в памяти каждого человека определённого набора воспоминаний о культуре. Даже если человек их не осознает, именно они и составляют коллективные воспоминания о прошлом. В этом смысле идеи Ассмана перекликаются с психологическими концепциями К. Юнга и М. Элиаде⁴. Еще один приверженец идей М. Хальбвакса французский философ П. Рикёр осмысляет культурную память в историографическом контексте и приходит к выводу об упрощении памяти в результате выборочной архивации документальных свидетельств прошлого⁵. Немецкий искусствовед А. Варбург, рассматривающий произведения искусства как хранилища памяти, считает, что все артефакты являются «изобразительными символами культуры», лежащими в основе социальной и индивидуальной идентичности⁶.

В последнее время сфера изучения культурной памяти расширяется за счёт междисциплинарных исследований исторических, социологических, психологических, философских, правовых, культурных аспектов коллективной исторической травмы.

С точки зрения *trauma studies*, долговременные социокультурные процессы, связанные с коллективной исторической травмой, развиваются подобно последствиям психологической травматизации отдельного индивидуума и аналогичным образом оказывают определяющее влияние на историческую память и самосознание отдельных социальных групп и целых народов. Междисциплинарность *trauma studies* опирается на разнообразие исследовательских инструментов, что даже при условии всесторонней

³ Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 364 с.

⁴ Бегунова, Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №39. – С. 55-56.

⁵ Рикёр, П. Память. История. Забвение. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – С. 675-679

⁶ Варбург, А. Великое переселение образов. – М.: Азбука-классика, 2008. – 416 с.

теоретической и методологической проработки, приводит к «терминологической путанице»⁷.

В медицинском дискурсе внимание сосредоточено на болезненном состоянии личности (и общества), провоцируемом травмой, – посттравматическом стрессовом синдроме. Следует отметить, что психиатры, работавшие над определением симптомов посттравматического стрессового синдрома и способами их лечения, продолжали традицию З. Фрейда, который ставил под вопрос первооснову травматического события, доказывая, что «ею является не опыт сам по себе, действующий травматически, а последующее возвращение в виде воспоминания»⁸.

Выводы фрейдизма были экстраполированы на обсуждение природы социокультурной травмы. В начале 1990-х годов появился термин «историческая травма». В результате в сфере trauma studies был разработан ряд определений и характеристик, которые позволили говорить о травме (травматическом опыте) как о событии социокультурной и исторической реальности⁹. Под термином «социальная травма» подразумевают какое-либо «единовременное событие, которое резко изменило жизнь общества, и одновременно с этим, процесс, который продолжает оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие своего настоящего и будущего»¹⁰.

Понятие коллективной исторической травмы предполагает единство собственно события и памяти о нём. Вследствие этого исследовательское поле trauma studies неизбежно пересекается с полем науки о наследии. Осмысление проблем сохранения материальных свидетельств трагических

⁷ Мороз, О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/1/trauma-studies-istoriya-reprezentacziya-svidetel.html> (дата обращения: 30.07.2020)

⁸ Leys, R. Trauma: A Genealogy. – Chicago: The University of Chicago Press, 2000. – P. 20.

⁹ Мороз, О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/1/trauma-studies-istoriya-reprezentacziya-svidetel.html> (дата обращения: 30.07.2020)

¹⁰ Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 7-9.

событий началось с 1970–1980 гг. Непосредственная связь коллективной памяти с материальными свидетельствами свершившихся событий всесторонне рассмотрена в концепции «мест памяти» (*lieux de mémoire*) Пьера Нора, опубликованной в составе многотомного труда «Франция-Память» (1999). П. Нора не подразумевает под этим понятием исключительно материальные свидетельства. По его убеждению, «места памяти» одновременно должны быть рассмотрены в материальном, символическом и функциональном смысле. По большому счёту П. Нора интересны не события прошлого, а их репрезентации, так как «места памяти» не появляются сами собой – они живут благодаря желанию помнить, присущему определённым сообществам. «Места памяти» – это то, что поддерживает сообщество разными способами, но вместе с тем это сообщество вовлечено в процесс трансформации и обновления: оно ценит больше новое, а не старое, будущее, а не прошлое. Поэтому историческая реконструкция должна двигаться от настоящего в прошлое¹¹.

Как и Нора, пристальное внимание репрезентации прошлого уделяет А. Ассман в своей книге «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика»¹² (2014). Культуролог рассматривает формирование памятного места в ракурсе коллективной травмы и, опираясь на европейскую память о трагедиях Второй мировой войны, оперирует понятием «травматическое место». Также как и у П. Нора, в работе Ассман подчёркивается смысловая неоднородность травматического места. Оно может иметь несколько вариантов прочтения. Среди непосредственных участников травматических событий есть те, для кого памятное место является свидетельством объединяющего опыта. Для потомков участников событий и тех, кто потерял здесь близких, памятное место равноценно кладбищу. Люди, не имеющие непосредственной связи с травматическим

¹¹ Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 27.

¹² Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.

местом, видят перед собой музейно-мемориальный комплекс, являющийся, в сущности, туристическим аттракционом. Представители религиозных сообществ совершают паломничества на место гибели своих выдающихся представителей. Политики выбирают травматические места для декларации идеологических призывов и предостережений. Для историка это по-прежнему объект исследований, материальное свидетельство прошлого¹³.

Фиксация воспоминаний и непосредственного опыта на материальных носителях является основой культурной памяти. Она не существует без кодифицированных знаков и символов, без оформления в виде текстов и визуальных образов. Таким образом, базой культурной памяти являются репрезентации. Но в отличие от нейтральных территорий, где сооружаются те или иные исторические памятники, травматическое место многослойно «покрыто» различными и неоднозначно трактуемыми воспоминаниями. Вместе с тем А. Ассман замечает, что культурный императив памяти о травмах предполагает консервацию и музеефикацию травматических мест. Но эстетическая репрезентация некоторых событий, в частности, зверств Третьего рейха, фактически невозможна, как и их кодировка в виде определённого послания¹⁴.

Развитие описанных идей на стыке *memory* и *trauma studies* постепенно оформилось в отдельное исследовательское направление, центральной проблемой которого служат вопросы сохранения и репрезентации наследия, связанного с негативным социальным опытом, касающимся прежде всего войн, тоталитарных режимов, рабства, геноцида и других социальных катастроф.

Термин «негативное наследие» (*negative heritage*) был предложен антропологом Л. Меселл в статье «Негативное наследие и освоение прошлого в археологии». Она определила его как «конфликтное место,

¹³ Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 134-141.

¹⁴ Там же, С. 147.

которое становится хранилищем отрицательной памяти в коллективном воображении»¹⁵. В этой связи также заслуживает внимания книга С. Мескелл «Стигматизированное пространство: негативное наследие в исторической консервации» (2015), в которой проблематика негативного наследия рассмотрена на примерах репрезентации темы рабства в американских музеях¹⁶. До этого учёные в основном использовали термин «противоречивое наследие» (dissonant heritage), предложенный Дж. Е. Танбриджем и Гр. Дж. Ашвортом¹⁷. Специфика «диссонантного» наследия кроется в его формулировке. Структура понятия позволяет выделить в нём две составляющие: диссонанс и наследие, – которые противостоят друг другу и кажутся манифестацией несовместимого¹⁸.

Теоретическое осмысление особого типа наследия в трудах отечественных авторов началось сравнительно недавно, однако существующие исследования уже можно условно разделить на тематические блоки¹⁹.

Первый блок характеризует концептуальные основы «диссонантного» наследия с точки зрения музеологии. Так, М. Б. Гнедовский пишет, что из-за смены исторического нарратива сформировался новый тип исторического музея – «музей совести»²⁰. До этого музейные экспозиции строились вокруг достижений и побед, объединяющих нацию. Музеи совести преподносят историю с позиции людей, притесняемых и угнетённых, ценою жизни и

¹⁵ Meskell, L. Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology // *Anthropological Quarterly*. – 2002. – Vol. 75, no. 3. – P. 558.

¹⁶ Стаф, В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 428. – С. 183.

¹⁷ Tunbridge, J.E., Ashworth, G.J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. – Chichester, Sussex: John Wiley & Sons Ltd, 1994. – 299 p.

¹⁸ Стаф, В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 428. – С. 183-187.

¹⁹ Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // *Образование и культурное пространство*. – 2021. – №1. – С. 80.

²⁰ Гнедовский, М.Б. Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести») // *Международный мемориал: проект «Уроки истории»*, 2022. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/1194> (дата обращения: 21.01.2022)

благополучия которых достигались в том числе и эти победы. Цель создания музеев совести, по мнению Гнедовского, – «придание гласности, признание события, осмысление и оценка»²¹. Миссия таких музеев – утверждение ценности отдельной человеческой жизни здесь и теперь, в данной стране в данных исторических обстоятельствах.

Музеологический дискурс проблематики «трудного» наследия продолжен З. Бонами в сборнике «Политика аффекта» (2019). Автор анализирует место теории аффекта в современных музейных практиках и происходящий переход музея из института истории в институт памяти²².

В.Г. Ананьев рассматривает появление музеев, посвящённых трагическим страницам истории как результат изменения социальной направленности музеев, основное внимание при этом уделяется формированию Международной коалиции исторических мест совести, её составу²³. Проблематика «музеев памяти» как основной формы репрезентации «трудного» наследия раскрывается в исследовании Д. Хлевнюк²⁴.

Анализируя термины «травматическое», «трудное», «диссонантное» наследие, Н.В. Самовер обращает внимание на главные особенности наследия такого типа, которые являются одновременно и основными проблемами его восприятия и сохранения:

1. Негативный (ужасающий, отталкивающий) характер событий или явлений, с которыми связано это наследие, вполне ожидаемо провоцирует

²¹ Гнедовский, М.Б. Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести») // Международный мемориал: проект «Уроки истории», 2022. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/1194> (дата обращения: 21.01.2022)

²² Бонами, З.А. Музей в дискурсе аффекта // Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 51-78.

²³ Ананьев, В.Г. Международная коалиция исторических мест совести // Музей. – 2016. – № 5. – С. 54-57

²⁴ Хлевнюк, Д.О. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. – М., 2019. – С. 109-110.

сложное и неоднозначное общественное отношение к этим событиям. Периодически ситуация усугубляется политическими факторами.

2. Объекты «травматического» наследия редко обладают привычными для понятия «культурная ценность» характеристиками, что приводит к сложностям в области охраны недвижимого культурного наследия. В России немало примеров этого. Один из них Расстрельный дом в Москве, здание которого получило охранной статус, но долгое время оставалось под угрозой превращения в торгово-развлекательный центр²⁵.

Ещё один пример – Мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» в Томске. Здание, в котором располагалась тюрьма и впоследствии был открыт музей, принадлежало частному владельцу, который стремился занять площади более прибыльными проектами. Ситуация изменилась только после того, как Фонд памяти жертв репрессий выкупил здание. В настоящее время проводится ремонт, экспозиционная площадь существенно увеличится, и музей получит новые возможности для развития.

Второй блок работ посвящён описанию и изучению конкретных музеев России, так или иначе работающих с «трудным» наследием. Следует отметить, что память о ГУЛАГе является главенствующим историческим сюжетом «трудного» наследия России. Можно привести большое количество работ, посвящённых конкретным примерам мемориализации и музеефикации объектов ГУЛАГа²⁶.

Так, С. Чуйкина отмечает преобладание «мягкой памяти» о наследии ГУЛАГа (книги, воспоминания), и почти полное отсутствие «жёсткой памяти» (памятники, мемориалы)²⁷.

²⁵ Самовер, Н.В. «Трудное наследие» как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Института наследия. – 2018. – № 3. – С. 3.

²⁶ Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. – 2021. – №1. – С. 79-86.

²⁷ Чуйкина, С. Как рассказать о ГУЛАГе языком исторической выставки: «право переписки» в московском «Мемориале» // Laboratorium. – 2015. – №7(1). – С. 158-183.

Е. Постная подробно рассматривает опыт Музея истории ГУЛАГа как музея нового типа – музея памяти, делая акцент на социальных практиках музея при работе с посетителями²⁸. Опыт других музеев России по сохранению «трудного» наследия по преимуществу представлен в описательных статьях, посвящённых одному или нескольким примерам. В.С. Стаф рассматривает проблему мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае. В частности, анализируется процесс возникновения единственного в России музея на территории бывшего лагеря системы ГУЛАГ. Речь идёт о Мемориальном комплексе истории политических репрессий в деревне Кучино Пермского края, более известном как «Пермь-36». Среди прочего, учёный описывает сложные общественно-политические обстоятельства, сопутствовавшие возникновению этого музея²⁹.

Специфика второго блока трудов отечественных авторов прослеживается именно в существующем пока «географическом» разделении исследований. Теоретическое осмысление музейного опыта по сохранению памяти о трагических событиях присуще столичным музеям, тогда как региональные заведения склонны уделять внимания практическим аспектам, сосредоточиваясь на описании экспозиции, выставок, фондов, культурно-образовательных программ³⁰.

Труды третьего блока отличаются глубокой теоретической проработкой и вводят в отечественную науку идеи, концепции и подходы зарубежных исследователей. Методология, актуальные подходы к изучению памяти о трагических исторических событиях XX века в Германии

²⁸ Постная, Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // INTER. – 2016. – №12. – С. 68-77.

²⁹ Стаф, В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 183-187.

³⁰ Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. – 2021. – №1. – С. 81.

анализируются Е. И. Махотиной³¹. Е. Рождественская затрагивает проблему репрезентации Холокоста в различных еврейских музеях (Вашингтон, Берлин, Москва). Большое внимание уделяется месту травмы в концепции и экспозиции музеев³². А.В. Фелькер³³ концентрируется на проблематике определений, применяемых в зарубежной историографии относительно мест «диссонантного» культурного наследия – мест, связанных с массовым насилием, а также предлагает анализ конкретных ситуаций в странах Западной и Восточной Европы. Необходимо отметить исследование О.Е. Черкаевой³⁴, в котором подробно раскрываются предпосылки и этапы формирования музейной репрезентации «трудного» наследия национал-социализма в Германии, выделяются новые формы и места музейных интерпретаций³⁵.

Таким образом, «трудное» наследие считается инновационной, формирующейся категорией, под которой следует понимать «материальные и нематериальные свидетельства коллективных травм определённых сообществ, социальных групп»³⁶. Существующие подходы и формы сохранения «диссонантного» наследия являются показателем того, насколько активно происходит процесс рефлексии по отношению к тем или иным трагическим историческим событиям в обществе, стране. В отношении российской действительности можно сказать, что *de facto* в стране отсутствует внятная государственная мемориальная политика.

³¹ Махотина, Е.И. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления *memory studies* в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – С. 75-92.

³² Рождественская, Е. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. – 2017. – №5 (том 27). – С. 87-114.

³³ Фелькер, А.В. «Непростое» наследие: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 93-109.

³⁴ Черкаева, О.Е. Тема национал-социализма в Германии: специфика музейного показа // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 9. – С. 129-133.

³⁵ Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей // Образование и культурное пространство. – 2021. – №1. – С. 83-84.

³⁶ Там же, С. 79.

Данный факт находит отражение в существующих коммеморативных практиках.

1.2. Формы коммеморации травматического наследия

В философских и культурологических трудах коммеморация рассматривается как особый феномен, сочетающий в себе одновременно презентацию прошлого и его репрезентацию. Иными словами, любая коммеморативная практика призвана демонстрировать прошлое в настоящем, актуализируя факты, события и судьбы.

В то же время коммеморация выступает репрезентацией прошлого, поскольку содержит в себе оценочную интерпретацию произошедшего и отношение к нему, обусловленное сложившейся социокультурной ситуацией, решением конкретных значимых общественных или личностных задач, идеологическим контекстом и властным императивом. Подчёркивая эту особенность, П. Нора указывает на то, что коммеморации имеют отношение не к самим фактам, а к их следам, не к событиям, а к их реконструкциям, не к прошлому, а к его модифицированной версии³⁷. Несмотря на разноаспектную теоретическую проработку понятия, смысловые рамки термина «коммеморация» остаются нечеткими. А. Меггил рассматривает коммеморацию как способ единения общества³⁸.

П. Хаттон расширяет трактовку и говорит о политике коммеморации, определяя её как «идентификацию и описание тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения памяти»³⁹.

³⁷ Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.

³⁸ Семенова, Г.В., Векилова С.А., Полферова А.С. Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире // Развитие человека в современном мире. – 2019. – № 3. – С. 40-48.

³⁹ Хаттон, П. История как искусство памяти / Патрик Хаттон; пер. с англ. В.Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: ВладимирДаль, 2003. – С. 98-102.

Термин «коммеморативный» используется для обозначения активных форм социального поведения человека, призванных актуализировать социально и личностно значимые воспоминания, реанимировать и мобилизовать значимые смыслы и культурно значимые ценности. В том случае, когда цели можно считать достигнутыми, коммеморативные практики сопровождающиеся эмоциональным подъёмом, или «отреагированием»⁴⁰.

В отечественной науке серьезный обзор исследований на тему связи исторической памяти и коммеморативных практик предпринят Е.А. Ростовцевым и Д.А. Сосницким. Они утверждают, что российские учёные начали заниматься этой проблемой в 1990-е гг., когда возникла необходимость интегрировать разработки зарубежных исследователей и собственные методологические подходы⁴¹. На данный момент в отечественной науке нет системного описания коммеморации в контексте исторической памяти. В основном проводятся отдельные иллюстративные исследования, предпринимаются попытки описать частные функции коммеморации, проходит изучение конкретных событий, дат, юбилеев, а также изучение практик поминовения в рамках различных географических регионов⁴².

Об отсутствии единого понимания коммеморации говорит М.Л. Шуб, уточняя, что все исследователи солидарны в том, что коммеморация несёт в себе большой ресурс и реализуется в обрядах публичного поминовения личностей или событий прошлого⁴³. Такие практики не просто актуальны,

⁴⁰ Семенова, Г.В., Векилова С.А., Полферова А.С. Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире // Развитие человека в современном мире. – 2019. – № 3. – С. 42.

⁴¹ Ростовцев, Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 106-126.

⁴² Семенова, Г.В., Векилова С.А., Полферова А.С. Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире // Развитие человека в современном мире. – 2019. – № 3. – С. 43.

⁴³ Шуб, М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: диссертация ...доктора культурологии. – Челябинск, 2018. – С. 84-85.

они необходимы современному обществу, поскольку выполняют важные функции. В исследовании М.Л. Шуб перечисляет функции коммеморации и подробно раскрывает содержание каждой из них:

1. *Информационно-накопительная функция* состоит в накоплении необходимых для сообщества фактов о событиях прошлого.

2. Посредством формирования у членов общности чувства сопричастности к событиям прошлого, реализуется *компенсаторная функция*.

3. *Социализирующая функция* не только обеспечивает приобщение индивида к культурной памяти общества, но и объединяет социум.

4. Будучи неотъемлемой частью подавляющего большинства коммеморативных практик, *визуализация* позволяет членам общества наглядно усваивать значимые образы.

5. Коммеморативные практики поминовения предков в конечном итоге направлены на воздаяние справедливости ушедшим⁴⁴.

Коммеморация исторического события, по мнению О.Ю. Малиновой, «опирается на сложившуюся социально-культурную инфраструктуру памяти и вместе с тем предполагает её достраивание»⁴⁵. Это предполагает открытие новых мемориальных комплексов и музеев, установку и демонтаж памятников, выбор соответствующих названий или переименование улиц и площадей, учреждение новых праздников и памятных дней и иных элементов мемориальной инфраструктуры, стимулирующих «коллективное воспоминание и (пере)оценку исторических событий»⁴⁶. Подобные инициативы могут исходить как от государственных, так и от общественных структур. Данная альтернатива указывает на наличие разных

⁴⁴ Шуб, М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: диссертация ...доктора культурологии. – Челябинск, 2018. – С. 255-257.

⁴⁵ Малинова, О.Ю., Ефремова, В.Н. Коммеморация исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – С. 11.

⁴⁶ Там же, С. 14.

уровней коммеморации. Наиболее полно уровни коммеморации и соответствующие им формы описаны у Т.А. Смирновой:

1. На национальном уровне инициируются календарные коммеморативные практики (дни памяти и соответствующие им ритуалы).

Возводятся монументы и мемориальные комплексы.

2. На локальном уровне коммеморативные практики создаются по инициативе участников событий, их друзей и родственников с целью «индивидуализировать и персонифицировать память» о каждом участнике этих событий.

3. На личностном уровне осуществляется публичное обращение к различным источникам памяти, которые создаются свидетелями событий (дневниковые записи, мемуары, письма и т.п.)⁴⁷.

При этом подготовка коммеморации на общегосударственном уровне требует согласования исторического события с идеологическими конструкциями, направленными на легитимацию политического режима и проводимого им курса. Учитывая этот факт, мы можем утверждать, что коммеморации исторических событий – один из удобных инструментов для анализа действующей политики памяти⁴⁸. Коммеморация является периодическим воспоминанием, которое стабилизируется посредством годовщин. Этим оно переносится на неограниченное количество носителей и на любую протяжённость во времени. Стоит отметить, что календарная логика коммемораций далеко не всегда соответствует политической целесообразности: праздники и годовщины подчас актуализируют событие, которое действующая власть предпочла бы не вспоминать⁴⁹.

⁴⁷ Смирнова, Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №4. – С. 95-96.

⁴⁸ Малинова, О.Ю., Ефремова, В.Н. Коммеморация исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – С. 12.

⁴⁹ Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 145.

Рассуждая о мемориальной культуре русского народа, М.Б. Гуров отмечает, что «на протяжении многих сотен лет основной практикой коммеморации была сакральная коммеморация – практика постройки обетных храмов, монастырей и часовен, установка обетных и поклонных крестов»⁵⁰. В русской истории есть огромное количество таких примеров. Это храмы, воздвигнутые в честь военных и других трагических событий, а также постройки поминального характера. Учёный подчёркивает, что «смерть как память – один из наиболее повторяющихся мотивов русской мемориальной культуры на протяжении всей её истории»⁵¹.

С точки зрения современного российского общества, сакрализация и музеефикация являются наиболее и приемлемыми формами коммеморации трудного наследия. Эти две формы коммеморации успешно сочетаются между собой, но зачастую сакральная коммеморация предшествует всем остальным формам. Возведение комплексных сакральных мемориалов служит актом примирения народов и выглядит более предпочтительной практикой, чем установка монументальных памятников. Ведь однозначных исторических персонажей практически нет, тогда как часовни и храмы не могут оскорбить ни память о павших, ни чувства ныне живущих⁵².

Музеефикация также является неоднозначной формой, поскольку допускает различные интерпретации артефактов и культурно-исторического контекста.

В качестве яркой иллюстрации можно привести Бутовский полигон – крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий. Полигон функционировал с 1934 по 1953 год, а в период с августа 1937 по октябрь 1938 года, здесь были расстреляны 20760 человек. Около 1000 человек из числа погребённых в

⁵⁰ Гуров, М.Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации // Культурное наследие России. – 2018. – №1. – С. 55.

⁵¹ Там же, С. 56.

⁵² Там же, С. 59.

Бутово были определены как исповедники православной веры, более 300 из них причислены к лику святых⁵³.

Впервые ворота Бутовского полигона открылись для родственников погибших 7 июня 1993 г. Осенью того же года была установлена мемориальная плита. В 1994 г. по эскизу скульптора Д.М. Шаховского, отец которого иерей Михаил Шик был расстрелян в Бутово, под эгидой Православного Свято-Тихоновского института был сооружён Поклонный крест, и в походном палаточном храме Святых Новомучеников и Исповедников Российских отслужили первую литургию. В 1995 году земля Бутовского полигона была передана Московской Патриархии, и началось сооружение храма. Регулярные богослужения стали проходить с 1996 года в еще недостроенном храме. С каждым годом количество людей, посещающих это место, росло. В 1997 году по заказу Правительства Москвы были подготовлены проектные предложения по созданию мемориального комплекса. Была заново асфальтирована и благоустроена дорога и пущен рейсовый автобус.

После проведенного в 2000 году ремонта первого этажа здания бывшей Школы спецслужб НКВД–КГБ, в зале, служившим прежде кино клубом, стали проводиться выставки, посвященные жертвам Бутовского полигона. 9 августа 2001 г. постановлением Правительства Московской области бывший полигон был объявлен памятником истории и культуры местного значения. В 2002 году по инициативе прихожан храма Новомучеников и Исповедников Российских с целью координации усилий государственных, религиозных и общественных организаций по созданию мемориального комплекса был учреждён Мемориальный центр «Бутово». Прихожане и сотрудники Мемориального центра ведут кропотливую работу по сбору сведений и систематизации данных о жертвах репрессий. На основе этих материалов подготавливаются тематические выставки и

⁵³ Гарькавый, И.В., Головкова, Л.А. Бутовский полигон. – URL: <http://butovo37.ru/poligon.html> (дата обращения: 21.01.2022).

презентации, встречаются с родственниками пострадавших, проводят экскурсии. Были изучены «расстрельные» дела, подготовлены и опубликованы 8 томов книги памяти «Бутовский полигон»⁵⁴. В 2004 году был заложен новый каменный двухэтажный храм-памятник.

Другой пример непосредственного участия Церкви в деле увековечивания памяти жертв репрессий – возведение на территории Сретенского монастыря монументального Храма новомучеников и исповедников российских на Лубянке. Фактически он располагается на месте общежития для сотрудников НКВД. В период с 1927 по 1930 гг. было снесено большинство зданий монастыря, а на его территории приводились в исполнение приговоры к высшей мере наказания. Расстрелянных хоронили здесь же, в безымянных братских могилах. В память о них в 1995 году был установлен поклонный крест, освященный Патриархом Алексием II.

Неоспоримым символом ГУЛАГа является Соловецкий монастырь. В Сибирском федеральном округе – это храм в пос. Ложок в Новосибирской области, построенный на месте штрафного Искитимлага. В цокольном этаже храма расположена музейная экспозиция Церковно-исторического музея, подробный анализ деятельности которого представлен в третьей главе диссертационного исследования.

Непростую историю, непосредственно связанную с памятью о ГУЛАГе, имеет Ачаирский женский монастырь в Омской области. История монастыря начинается с появления небольшой Богородице-Михайлово-Архангельской женской общины вблизи поселка Ачаир в 1890 году. В 1912 году община превратилась в женский монастырь, который просуществовал недолго, – в 1919 году настоятельница монастыря была арестована, а церковное имущество было конфисковано или разграблено. Сохранившиеся монастырские постройки перешли в ведение НКВД. Со второй половины 1930-х годов и до 1953 года на территории Ачаирского монастыря была

⁵⁴ Гарькавый, И.В., Головова, Л.А. Бутовский полигон. – URL: <http://butovo37.ru/poligon.html> (дата обращения: 21.01.2022)

организована Исправительно-трудовая колония (далее ИТК) № 8 ГУЛАГа. Восстановление монастыря началось в 1992 году с установления закладного креста на том месте, где был сад и сельскохозяйственные поля колонии. Сегодня Ачаирский женский монастырь во имя Животворящего Креста Господня крупнейший в Западной Сибири храмовый комплекс, посвящённый святым, в земле Российской просиявшим. В крипте главного монастырского храма, – Успенского собора, – захоронены останки умерших в колонии безымянных заключённых. Монастырь называют «Сибирской Голгофой», ведь на протяжении 16 лет здесь от тяжелой работы в невыносимых условиях умирали тысячи заключённых. Точные данные о количестве погибших отсутствуют, но по предположениям историков, их было не менее 200 тысяч⁵⁵.

Стоит сказать и о других коммеморативных практиках инициированных Церковью. К ним относятся:

- установление церковных праздников в память о жертвах религиозных гонений;

- создание соответствующих икон (В 2000 году была написана икона «Собор новомучеников и исповедников Российских за Христа пострадавших, явленных и неявленных»);

- создание мемориальных комплексов по адресам, где осуществлялись репрессии в отношении духовенства и верующих мирян;

- участие в восстановлении монастырей и храмов, разрушенных в годы советской власти⁵⁶.

30 октября 2007 г. в День памяти жертв политических репрессий на расстрельном полигоне в Бутово впервые отчётливо прозвучало осуждение

⁵⁵ Корнеева, Н. Сибирская Голгофа. История колонии №8 – история Ачаирского монастыря // Еженедельник «Аргументы и факты». – 2019. – № 45. – URL: https://omsk.aif.ru/society/sibirskaya_golgofa_istoriya_kolonii_8_istoriya_achairskogo_monastyrua (дата обращения 31.05.2022)

⁵⁶ Батищев, Р.Ю., Беляев, Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // Studia Humanitatis. – 2018. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-kak-aktor-sovremennoy-politiki-pamyati-diskurs-kanonizatsii> (дата обращения: 11.04.2022).

государственного террора из уст президента Российской Федерации. Н. Эппле комментирует этот факт так: «Не имея собственного внятного языка описания Большого террора, государство предпочло «примкнуть» к инфраструктуре памяти о терроре, разработанной Церковью»⁵⁷.

В подтверждение мысли Н. Эппле можно сослаться на исследование В. Дорман, являющееся итогом непосредственного участия автора в мемориальных мероприятиях, приуроченных к 70-ой годовщине апогея сталинских репрессий. Анализируя деятельность Русской православной церкви по сохранению памяти о советских репрессиях, В. Дорман приходит к следующему выводу: «Сегодня российское общество относится к Церкви с гораздо меньшим недоверием, чем к государству (написано в 2019 г. – Ю.С.), и, поскольку последнее медлит с официальным признанием жертв сталинизма, многие предпочитают поручить поминовение этих жертв Церкви»⁵⁸.

История мемориального комплекса в Бутово является иллюстрацией определяющего влияния Церкви как агента коммеморации. Возведение сначала деревянной часовни, а потом каменного храма привело к возникновению места паломничества и в конечном счёте стало «колыбелью» религиозной памяти, превосходящей память одних мучеников⁵⁹. Не умаляя роли Церкви в коммеморации репрессий, В. Дорман говорит о «тенденции приватизации этой памяти». Другими словами, «эти вопросы интересуют в первую очередь тех, кого воспоминания о репрессиях затрагивают напрямую», а Бутовский полигон представляет собой мемориал «не общедуховный, но сугубо православный»⁶⁰. В значительной степени тому способствует массовая канонизация мучеников.

⁵⁷ Эппле, Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: «НЛЮ», 2020. – С. 45

⁵⁸ Дорман, В. От Соловков до Бутово: русская православная Церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. – 2010. – №2. – С. 337.

⁵⁹ Там же, С. 335.

⁶⁰ Там же, С. 337.

Некоторые активисты высказывают мнение о том, что исключительно православное поминовение жертв ГУЛАГа является недостаточным, а массовая канонизация мучеников, по сути, представляет собой «передачу функции хранения памяти государством Православной церкви»⁶¹. Нивелировать подобные противоречия могла бы параллельная музеефикация наследия ГУЛАГа. Однако одной из характерных черт музеефикации является «намеренная нейтральность экспозиций, рассказ о трагедиях ведется параллельно рассказу о достижениях науки, промышленности успехах»⁶². Следствием такой нейтральности в итоге становится недопустимая, с моральной позиции, нормализация советского террора. Масштаб преступлений сталинского режима пытаются нейтрализовать успехами советской индустриализации.

Н. Эппле назвал эту практику «концепцией уравнивания преступлений успехами», которая позволяет современной российской власти «законсервировать потенциально взрывоопасный конфликт» в ситуации, когда молчать о советском терроре больше нельзя, но и деятельно его осуждать не получается⁶³.

В какой-то мере противопоставить российской ситуации можно немецкий опыт работы с негативным наследием. За частным примером обратимся к ранее упоминавшейся работе А. Ассман, которая рассказывает о музеефикации Центральной следственной тюрьмы Министерства госбезопасности Хоэншенхаузен в Берлине. Этот «особенный» мемориал был создан в 1990 году по настоянию бывших заключённых. В 1992 году тюрьма была взята под охрану в статусе исторического памятника, а в 1994 – стала открыта для посещений. Параллельно здесь ведутся исследования по истории тюрьмы Хоэншенхаузен в период с 1945 по 1989 гг. На примере

⁶¹ Дорман, В. От Соловков до Бутово: русская православная Церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. – 2010. – №2. – С. 335.

⁶² Эппле, Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: «НЛЮ», 2020. – С. 48.

⁶³ Там же.

этой тюрьмы рассказывается о системе политической юстиции и о политических репрессиях, которые проводились коммунистической диктатурой. А. Ассман указывает на принципиальное отличие этого мемориала от других (в частности, от мемориалов Холокоста), потому что он иллюстрирует борьбу за право трактовать историю. Дело в том, «что преступники, служившие в ГДР доносчиками или работавшие в системе юстиции, не только не скрывают своего прошлого, но и активно протестуют против обвинений в свой адрес»⁶⁴.

Тюрьмы вообще занимают особое место среди объектов, относящихся к травматическому наследию. Они совмещают в себе несколько граней этого понятия. Во-первых, многие из них являются местами гибели людей; во-вторых, как хранители памяти о наказаниях, они берут на себя роль свидетеля жестокости преступников и мучений жертвы. Многие действующие тюрьмы помнят разные политические режимы и давно подлежат музеефикации. Практику музеефикации тюрем нельзя считать устоявшейся, несмотря на большое количество тюремных музеев. Хотя в своих экспозициях они не только могли бы предупредить об опасности тоталитарных режимов, но и напомнить о ценности человеческого достоинства и свободы.

Чтобы тот или иной объект стал местом памяти недостаточно просто не забыть его или нанести на карту – он должен быть признан местом памяти определённой группой. Это могут быть историки, непосредственные участники событий или их потомки, которые входят в своего рода экспертные сообщества в области мемориальной культуры. Именно экспертные сообщества сыграли значительную роль в привлечении внимания к проблеме увековечивания памяти жертв политических репрессий. Не подлежит сомнению, что музеи занимают важное место в системе социальной памяти современного общества. При этом, на наш

⁶⁴ Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 138

взгляд, политика памяти, воплощаемая в музейной практике, содержит в себе ряд противоречий, которые будут служить предметом дальнейшего рассмотрения. Кроме того, оценивая роль российских музеев в системе коммеморативной культуры, мы можем отметить, что потенциал музея в этой области используется не в полной мере.

1.3. Тенденции музеефикации культурного наследия

В современном динамичном мире все меньше постоянства. Ускорение темпов технического прогресса и нарастающие потоки информации запускают новые культурные процессы, увеличивается скорость устаревания предметов и идей. Изменения происходят во всех сферах человеческой жизни. Они особенно ощутимы в области музееведения и сохранения культурного наследия. Классическая музейная концепция, предназначенная в первую очередь для образовательных целей, постепенно уступила место новым формату и прагматике. Очевидно, что музей перестает быть только хранилищем экспонатов. К музейному делу начинают относиться как к перспективному направлению малого бизнеса, способному повысить инвестиционную привлекательность региона. Посещение музея теперь рассматривается как конкурентоспособный социально-культурный продукт, ставший общедоступным, благодаря цифровым технологиям.

Несмотря ни на что, миссия музея остается прежней. Это актуализация и трансляция исторической памяти, чего не скажешь о функциях музея, поскольку они трансформируются. Старые музеи сами по себе становятся памятниками, а новые совмещает в себе выставочные пространства, мастерские, зрительные залы. Все происходящее ставит под сомнение устоявшиеся подходы к классификации музеев, и потому требует тщательного анализа.

Предваряя анализ современных тенденций музеефикации культурного наследия, мы должны обратиться к понятийному аппарату. Базовое определение, введённое в международный оборот Конвенцией ЮНЕСКО в 1972 году, «Об охране всемирного культурного и природного наследия», предлагает рассматривать культурное наследие как совокупность предметов материальной культуры, обладающих исторической, художественной, этнографической или иной ценностью, а также имеющих научное и общественное значение⁶⁵. Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества (Конвенция Фаро), принятая 27 октября 2005 г., существенно дополнила определение культурного наследия, включив в него «все аспекты окружающей среды, которые возникли в результате взаимодействия между людьми и пространством в ходе исторического развития»⁶⁶.

Многоаспектность понятия и междисциплинарный характер связанных с ним исследований привели к расширению проблематики и появлению разнообразных подходов, характеризующих различные аспекты культурного наследия. Согласно концепции, предложенной Ю.А. Ведениным и П.М. Шульгиным, существуют следующие подходы к осмыслению культурного наследия:

1. Генетический подход рассматривает наследие, как носитель исторической памяти, определяющий сохранение самобытности национальной или региональной культуры.

2. Экологический подход, в рамках которого наследие является основой устойчивого развития общества и биосферы.

⁶⁵ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО от 16 апреля 1972 г. // Документы ООН: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 20.10.2021).

⁶⁶ Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества // Сайт Совета Европы: [сайт]. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatyid=199> (дата обращения: 23.10.2021).

3. Географический подход определяет наследие как основу сохранения культурного и природного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения⁶⁷.

В последнее время чаще говорят о необходимости рассмотрения культурного наследия как экономического ресурса для развития региона. Теоретические вопросы осмысления культурного наследия неотделимы от изучения реализации практических мер по его сохранению, одной из которых является музеефикация. В связи с этим следует обратиться к музееведческой терминологии.

В соответствии с последней редакцией ФЗ РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», «музей – это некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включённых в состав Музейного фонда Российской Федерации, а также для достижения иных целей, определённых настоящим Федеральным законом»⁶⁸.

Также этим нормативным актом закреплены цели создания музеев, в числе которых выделяются следующие:

- осуществление просветительной, научно-исследовательской и образовательной деятельности;
- хранение музейных предметов и музейных коллекций;
- выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций;
- изучение музейных предметов и музейных коллекций⁶⁹.

В Российской музейной энциклопедии приведено следующее определение музеефикации: «Музеефикация – направление музейной

⁶⁷ Веденин, Ю.А. Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием // Наследие и современность: информ. сб. – М.: Изд-во Ин-та культ. и прир. наследия, 2002. – Вып. 10. – С. 9-25.

⁶⁸ ФЗ РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9425> (дата обращения: 18.05.2022).

⁶⁹ Там же, статья 27.

деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности»⁷⁰. Многие исследователи солидарны в том, что такое определение нельзя считать достаточным, так как круг объектов музеефикации существенно расширился. В настоящее время к ним относят «памятные места, не имеющие официального статуса, культурные и природные объекты, а также нематериальные объекты наследия»⁷¹.

В связи с этим М.Е. Каулен предлагает понимать музеефикацию более широко: как «музейное использование любого объекта, движимого или недвижимого, который изымается из среды бытования и помещается в особую, искусственную культурно-историческую среду, создаваемую музеем»⁷². В нашем исследовании мы опираемся именно на такое понимание, позволяющее учесть все многообразие проявлений музейной культуры.

1.3.1. Музеи в условиях социально-экономических трансформаций

Первоначально музеи создавались для развития естествознания, эстетики, искусствоведения⁷³. Классический музей был призван объединить в коллекцию экспонаты, необходимые для науки и образования, поскольку его основной аудиторией являлись ученые и учащиеся. Эта модель работала примерно до середины прошлого века. Постепенно устаревая, музейная деятельность пришла упадок. Центром проведения научных исследований стали университеты, а музеи изящных искусств уступили место художественным галереям. Излишний традиционализм сделал музеи

⁷⁰ Российская музейная энциклопедия. Т. 1–2. М., 2001; 2-е изд. М., 2005.

⁷¹ Каулен, М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Эстерна, 2012. – С. 45.

⁷² Там же, С. 43.

⁷³ Findlen, P. Possessing nature: museums, collecting, and scientific culture in early modern Italy / P. Findlen. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1996. – 449 p.

неинтересными и для широкой публики, и для ученых, и тем более для инвесторов. В разное время этот процесс наблюдался по всему миру. В качестве примера рассмотрим французский опыт: здесь музейный кризис случился в 60-е гг. XX века. В это время многие музеи по разным причинам перестали работать. Среди прочих из-за обветшавшей кровли была закрыта Большая галерея легендарного парижского Музея естественной истории, а ее экспонаты оказались недоступны публике на 25 лет. Ситуация начала меняться после майских выступлений 1968 года. Появилось немало сторонников возрождения музеев, которые утверждали, что их нужно отремонтировать, переоборудовать и открыть для публики. После восстановления и пересмотра коллекций музей должен был снова стать местом народного просвещения⁷⁴.

Необходимость изменений заявила о себе в появлении новых подходов к сценографии выставок. Истинным новатором того времени стал основатель Национального музея народного искусства и традиций (Париж, Франция) этнограф и музеолог Ж.А. Ривьер. Сценография, названная Ривьером контекстуальной, отменила привычную классификацию экспонатов, теперь они демонстрируются так, как их можно было найти в окружающей среде⁷⁵. Новая сценография потребовала архитектурных изменений, поскольку для того чтобы музей стал посещаемым, его нужно было сделать видимым со стороны. Хорошим примером служит стеклянная пирамида Лувра, открытие которой состоялось 29 марта 1989 г. Пирамида, во-первых, обеспечила достаточное естественное освещение подземному вестибюлю, а, во-вторых, стало понятно, где находится главный вход в

⁷⁴ Chaverou, É. Comment les musées sont devenus de «nouvelles cathedrales» / É. Chaverou. – URL: <https://www.franceculture.fr/societe/comment-les-musees-sont-devenus-de-nouvelles-cathedrales> (дата обращения: 20.09.2021).

⁷⁵ Ананьев, В.Г. История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты. – М.: Памятники исторической мысли, 2018. – 392 с.

музей⁷⁶. Несмотря на противоречивые мнения об уместности луврской пирамиды, теперь каждая реновация музея начинается с вопросов: где находится вход в музей, и как сделать его заметным?

В России музейный кризис проявился наиболее остро после распада СССР. Если раньше посещение музеев было обязательным, так как являлось частью патриотического и, шире, идеологического воспитания, то после смены власти многие учреждения оказались в плачевном состоянии из-за сокращения, а в некоторых случаях и полного прекращения государственного финансирования. Сложившаяся ситуация привела к необходимости поиска альтернативных источников поступления средств и, как следствие, к коммерциализации музеев.

Коммерциализация ожидаемо вела к ослаблению идеологической составляющей экспозиций, в силу чего музей из статичного «накопителя памяти» зачастую превращался в учреждение сферы социально-культурного сервиса, предлагающее различные услуги. Сложилось так, что посещение музея воспринимается нередко как товар, обладающий рыночными характеристиками (соотношение цены и качества, имидж, конкурентоспособность). Музей рассматривается как одно из актуальных направлений малого бизнеса, к числу преимуществ которого относятся свобода от лицензирования деятельности, небольшая численность персонала и низкие первоначальные вложения (при наличии частной коллекции).

Невысокий входной барьер в отрасль способствует росту количества частных музеев, особенно в регионах с развитой туристской инфраструктурой. В 2019 году по инициативе Ассоциации частных и народных музеев России был создан Каталог музейного фонда «Частные

⁷⁶ 30 лет скандальной пирамиде Лувра: Надругательство над историей или эстетика гармонии // Ежедневный интернет-журнал «Культурология.ру». – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/220519/43183/> (дата обращения: 01.10.2021).

музеи России. Самородки России», в который было включено 470 музеев.⁷⁷ Анализ данных первого выпуска Каталога позволил сделать следующие выводы:

1. Пик роста количества частных музеев в Российской Федерации приходится на период с 2010 по 2017 гг. – 115 учреждений. Для сравнения за период с 2002 по 2009 гг. – 26 учреждений. При этом необходимо отметить, что на момент издания каталога более 700 учреждений ожидали включения.

2. Самыми многочисленными среди российских частных музеев являются музеи исторической и историко-этнографической направленности.

Таблица 1

Посещаемость российских частных музеев

Количество посещений в год	Количество музеев
до 500	9
500–1000	11
1000–2000	9
2000–3000	10
3000–5000	27
5000–10000	23
более 10000	35

3. Частные музеи пользуются популярностью среди населения.

Исследователи отмечают несовершенство музейной статистики: обязательные ежегодные данные предоставляют только музеи, выставочные залы и галереи, являющиеся юридическими лицами, поэтому подавляющее большинство частных музеев официальным статистическим учётом не охвачены⁷⁸. Несмотря на то, что статистика посещений ведётся не во всех

⁷⁷ Каталог «Частные музеи России. Самородки России» / под. ред. А.Ю. Шабурова. – Москва, 2019. – Выпуск 1.

⁷⁸ Юренева, Т.Ю. Музеи России в контексте европейских статистических измерений // Культура и искусство. – 2018. – № 7. – С. 8–20.

частных музеях каталога, анализ данных позволяет провести хотя бы приблизительную оценку их посещаемости (см. таблица 1). Закономерным представляется тот факт, что количество музеев и их посещаемость выше в регионах с развитой туристской инфраструктурой. Лидерами традиционно является центральная Россия и Северо-западный округ.

С экономической точки зрения, развитие музейного дела (независимо от ведомственной принадлежности организационно-правовой формы) рассматривается как потенциальный генератор дохода для региона. Музеи создают так называемый туристический трафик, и даже если посещение выставки является бесплатным, турист тратит деньги в магазинах и ресторанах города. В результате повышается инвестиционная привлекательность региона. Однако далеко не все музеи способны вписаться в новую экономическую среду. Некоторым из них придётся пересмотреть его основополагающие функции и, в конечном счете, миссию.

1.3.2. Функциональная эволюция и классификация музеев

В работе «Рождение музея: история, теория, политика» (1995) известный культуролог Т. Беннет делает попытку проследить эволюцию современного музея и, исходя из принципов его развития, описать основные функции. Его анализ сконцентрирован на становлении музейного дела в Великобритании, Австралии и Северной Америки, происходившем в XIX и XX вв. Опираясь на исследования М. Фуко, Беннет находит параллели между генеалогией музея и генеалогией тюрьмы. На раннем этапе их развития оба учреждения, как правило, располагались в центре города, служа воплощением государственной власти. Следуя логике Фуко и подчёркивая главенствующую роль дисциплинарной функции музеев, Беннет концептуализирует музей как место синтеза культуры и государственной власти. Культурная власть не только регулирует социальное поведение, но и наделяет индивидов способностями к

самоконтролю и моральной сдержанности, – не так ли в идеале выглядит миссия исправительных учреждений?⁷⁹

Традиционно в качестве основных функций музея называют научно-исследовательскую, фондовую, экспозиционную и реставрационную, образовательную и воспитательную (дисциплинарную)⁸⁰. Законодательно закреплены цели и основные виды деятельности музеев на территории РФ, к которым, как было показано выше, относится хранение, публикация, обеспечение сохранности и безопасности музейных коллекций, а также учёт⁸¹. Миссия любого музея – это актуализация и трансляция исторической памяти. Можно предположить, что при реализации этой миссии на разных этапах существования музея акцент может смещаться с одной функции на другую. Музей больше не должен оставаться всецело хранилищем экспонатов. Безусловно, наличие постоянной базовой коллекции придаёт музею особую исключительность в мире, где все стремительно устаревает и исчезает. Однако все чаще коллекции не хранят в музее. К примеру, для хранения коллекций Большой галереи Музея естественной истории (Париж, Франция) было построено пятиэтажное хранилище. Объединённые коллекции музеев городов Нанси и Марселя размещены в хранилище, расположенном в другом квартале города. В результате освобождается место для новых экспозиций и приёма публики в красивом здании музея, расположенном в центре города⁸².

Таким образом, старые музеи сами по себе становятся памятниками, а новые проектируются с учётом всех функций, возлагаемых на них в настоящее время. В качестве примера можно назвать Музей Гуггенхайма в

⁷⁹ Bennett, T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics* / Bennett, T. – London: Routledge, 1995 – P. 17-21.

⁸⁰ Тельчаров, А. Д. *Музееведение*. – М.: Научный мир, 2011. – С. 9-11.

⁸¹ ФЗ РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9425> (дата обращения: 18.05.2022).

⁸² Chaverou, É. *Comment les musées sont devenus de «nouvelles cathedrals»* / É. Chaverou. – URL: <https://www.franceculture.fr/societe/comment-les-musees-sont-devenus-de-nouvelles-cathedrales> (дата обращения: 20.09.2021).

Бильбао (Испания). Музей совмещает в себе выставочные пространства, мастерские, зрительные залы, а вокруг самого здания, которое нередко называют символом города, сформировался особый архитектурный ансамбль. Подобным образом центральным объектом архитектурного ансамбля городов раньше становились соборы и церкви. Все вышесказанное даёт основания для условного сравнения музея и храма: помимо сходства их архитектурного значения, имеет место и концептуальное сближение. Наше время характеризуется устареванием предметов еще до того, как они будут физически непригодны. Но, так же как и храмы, музеи существуют как бы вне времени, словно в другом измерении, передавая следующим поколениям самые древние экспонаты, которые будут завещаны им наподобие заповедей.

Итак, современная музейная реальность представлена многообразием учреждений различного масштаба и ведомственной принадлежности. Чем больше новых музеев открывается, тем большую актуальность приобретает вопрос их классификации. Долгое время основными классификационными признаками считались административная принадлежность учреждения и профильная направленность. По первому признаку выделялись государственные, частные и общественные музеи, по второму – исторические, художественные, естественнонаучные, отраслевые, комплексные и прочие музеи. Внутри каждой профильной группы насчитывается до десятка подгрупп. Вне профильных групп, определённых какой-либо областью знания, оказались краеведческие и мемориальные музеи. Область специализации этих музеев не укладывается в рамки одной сферы знаний, и поэтому профильная классификация требует коррекции⁸³.

Последние тенденции заставляют предположить, что с течением времени «чистые» в классификационном плане типы музеев будут встречаться всё реже. Так, под вопросом оказалась классификация музеев

⁸³ Сапанжа, О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии. – № 1(5). – 2012. – С. 3-5.

по роду деятельности. В основу подхода положен принцип определения доминирующего направления деятельности музея (научно-исследовательское, научно-просветительское и учебное).

На практике преобладают научно-просветительские музеи, но в то же время они весьма неоднородны, особенно если принять во внимание характер коммуникации с посетителем. Наиболее востребованы сегодня сложные музейные конфигурации, объединяющие традиционную экспозицию с интерактивными формами взаимодействия. Таким образом, привычные классификационные схемы постепенно утрачивают своё значение, равно как и отжившие типы музеев. Актуальная классификация должна формироваться на основе анализа современного состояния отрасли, а значит вместо профильных принципов и административной принадлежности, следует обратить внимание на ресурсную составляющую музеев, определяющую стратегию их развития⁸⁴.

Тем временем культурная динамика провоцирует возникновение тренда на «музеефикацию повседневности»⁸⁵. Этим объясняется появление большого количества частных музеев, экспонирующих кухонную утварь, игрушки, устаревшую технику и предметы быта, не обладающие привычными для культурной ценности характеристиками. Зато такие музеи органично включаются в туристскую инфраструктуру городов и положительно влияют на региональный доход. Отношение к музею как к бизнесу привлекло в эту сферу цифровые технологии, в силу чего появились принципиально новые музейные продукты. При этом по-прежнему остается открытым вопрос, должны ли музеи руководствоваться

⁸⁴ Сапанжа, О.С. Феномен малого музея и микро-музея в современном культурном пространстве // Музей. Памятник. Наследие. – 2018. – № 1(3). – С. 10.

⁸⁵ Сапанжа, О.С. Советская повседневная культура как объект наследия: опыт музеефикации и актуализации // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Улан-Удэ, 18 апреля 2019 г. – Улан-Удэ: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2019. – С. 9.

только экспертными мнениями о содержании экспозиции или же принимать во внимание мнение широкой общественности?

1.3.3. Политико-идеологические факторы

Во все времена главным достоинством музейной коллекции была подлинность экспонатов. По словам искусствоведа А.В. Лебедева, «музей – это рассказ языком подлинных предметов. В этом социокультурный смысл музея, и в этом он незаменим»⁸⁶. При этом коллекции многих мировых музеев были сформированы благодаря колонизации: огромное количество предметов культурного наследия вывозилось во время разного рода военных завоеваний. Теперь в ряде западных обществ закономерно встаёт вопрос: кому должны принадлежать по праву музейные экспонаты, привезённые из других стран?

Справедливо ли, что посмотреть на статуи Парфенона жители Греции могут только в Лондоне, в Британском музее?⁸⁷ Процесс «репатриации» экспонатов начался в 2007 году после выпуска Декларации ООН «О правах коренных народов». В одном из её пунктов содержится призыв вернуть коренным народам разных стран «культурную, интеллектуальную, религиозную и духовную собственность», которую у них забрали без «свободного предварительного информированного согласия или нарушив их законы, традиции и порядки»⁸⁸.

Так, в 2009 году Франция вернула Египту несколько фрагментов настенного рисунка, которые хранились в Лувре. Египетская сторона утверждала, что рисунки были украдены. В 2012 году Нигерия потребовала

⁸⁶ Музейное дело умирать не собирается // 2035.media. – URL: <http://2035.media/2018/04/06/lebedev-interview> (дата обращения: 02.10.2021).

⁸⁷ Колониальное наследие: Должны ли музеи вернуть всё, что им не принадлежит // Wonderzine. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/252531-museums> (дата обращения: 22.09.2021).

⁸⁸ Декларация Организации Объединённых Наций «О правах коренных народов» // Документы ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_indigenous.shtml (дата обращения: 22.09.2021).

у Музея изящных искусств в Бостоне вернуть стране около тридцати объектов, захваченных британскими военными в конце XIX века во дворцах Бенин-Сити в ходе карательной экспедиции. В 2017 году Нигерия официально попросила Британский музей вернуть бенинскую бронзу. Значительная часть этой коллекции до сих пор находится в Британском музее, где она оказалась в результате карательной экспедиции⁸⁹.

Противники возвращения экспонатов говорят, что подобные прецеденты ставят под удар устройство музея само по себе, ведь культурное наследие хотя и принадлежит определённому народу, не существует в вакууме: им могут интересоваться те, кто с ним непосредственно не связан. К тому же представить ситуацию, в которой все музейные экспонаты вернутся в страны, где они были созданы, практически невозможно. Вместе с тем некоторые общественные движения продвигают идею о том, что музеи не должны молчать о том, как появились экспонаты в их коллекции. В 2017 году в противовес устоявшемуся мнению о нейтралитете музеев группа американских студентов инициировала кампанию #MuseumsAreNotNeutral, в рамках которой проводятся исследования, посвящённые тому, как музейная культура пересекается с различными видами социальной дискриминации и деколонизацией. На сайте кампании опубликован перечень американских музеев, экспозиции которых, на взгляд авторов, излишне политизированы⁹⁰.

Количество гражданских инициатив, направленных на сохранение объектов культурного наследия, растёт год от года, впрочем, как и количество выступлений, поощряющих снос старых кварталов в угоду урбанистическому прогрессу. Обе стороны приводят веские аргументы.

⁸⁹ Колониальное наследие: Должны ли музеи вернуть всё, что им не принадлежит// Wonderzine. – URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/252531-museums> (дата обращения: 22.09.2021).

⁹⁰ La Tanya, A., Murawski, M. Museums Are Not Neutral: We Are Stronger Together // Panorama: Journal of the Association of Historians of American Art. – 2019. – no. 2. – URL: <https://editions.lib.umn.edu/panorama/article/public-scholarship/museums-are-not-neutral/> (дата обращения: 01.10.2021).

В своей работе «В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем» Г. Люббе, рассуждая об исторической актуализации прошлого, ссылается на архитектора и градостроителя Б. Хубера, который утверждает, что в местах, где сносится более 2–3 % старых построек в год, жители чувствуют себя неуверенно и неудобно. Побочным эффектом прогресса является «утрата привычности». Консервируя прошлое, защитники памятников архитектуры защищают «узнаваемость», удерживающую в настоящем то, что связывает современность с прошлым в индивидуальной и коллективной памяти⁹¹. Исследуя процессы консервации и защиты памятников, Г. Люббе формулирует «неразрешимые трудности», с которыми эта деятельность так или иначе сталкивается в современных условиях. Это, во-первых, угроза перенасыщения архитектурной среды памятниками. Нередко технический прогресс придает статус реликта не только зданиям, а целым инфраструктурным системам, так что в итоге деятельности активистов «атмосфера музея» устанавливается над многими культурными ландшафтами. Граница между охраной памятника и музеефикацией теряет чёткость. Во-вторых, это отсутствие единого подхода к определению допустимого количества архитектурных изменений законсервированного памятника, в силу чего порой потомкам достается не памятник прошлого, а результат мероприятий по его охране⁹².

Если вновь обратиться к тезису Т. Беннета, по которому музей – это плод синтеза культуры и государственной власти, не останется сомнений в том, насколько важны музеи в социокультурной памяти общества. Не случайно смена власти, политического курса и/или идеологии влечёт за собой ликвидацию известного рода музеев. Например, это относится к музеям «Каторга и ссылка», закрытым в середине 1930-х годов из-за

⁹¹ Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного; вступ. ст., сост. указ. В. Куренного, М. Румянцевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 2-изд. – С. 60.

⁹² Там же, С. 63.

усиления тоталитарного режима, равно как и к музею Ленина, ликвидированному в ноябре 1991 г. Смена политического режима сопровождается изменением общественных идеалов, а иногда и полным отказом от прежних ценностно-смысловых ориентиров. Вполне логичным процессом в такой ситуации служит гиперболизация негативных сторон прежнего режима и замалчивание неудобных фактов об установлении нового⁹³. В книге «Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах» (2020) Н. Эппле обращает внимание на своеобразное «отталкивание» от всего советского после распада СССР и такое же отрицание «лихих 90-х» в современности, предполагая, что слом традиции в России более традиционен, чем её сохранение. В итоге вместо проработки и последующего принятия прошлого опыта (как негативного, так и позитивного) «высвечиваются определенные сюжеты, темы и мотивы, на которые существует известный злободневный запрос»⁹⁴. Естественно, музеи не могут оставаться в стороне от этих процессов. Так, например, в экспозициях музея Бутырской тюрьмы, открытом в 1971 году, почти не освещён период сталинских репрессий, тогда как описанию условий содержания преступников в царской России посвящён целый раздел.

С точки зрения европейского опыта интересен конфликт вокруг Музея Второй мировой войны в Гданьске, разразившийся в 2018 году. Музей, в разработке концепции которого приняли участие всемирно известные историки Т. Снайдер и Н. Дэвис, был призван представить универсалистский взгляд на войну, вписанный в общеевропейский контекст. Идея создания музея принадлежала Д. Туску, проевропейски ориентированному премьер-министру Польши в 2007–2014 гг. Однако

⁹³ Решетников, Н.И. Музей как образовательный институт и глобальные вызовы современности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. – №3(18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-obrazovatelnyy-institut-i-globalnye-vyzovy-sovremennosti> (дата обращения: 16.03.2022).

⁹⁴ Эппле, Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М.: «НЛО», 2020. – С. 247.

новому, по духу националистическому, правительству Польши не понравилась идея создания международно-ориентированного военного музея на польской земле. Как заявили его представители, Музей Второй мировой войны должен уделять больше внимания собственным жертвам Польши, а также героической борьбе поляков против нацистов и сталинского режима. Кураторы были уверены, что музей закроют, и открыто заявляли об этом в рекламе. Кроме того, музей открыли на несколько недель раньше анонсированной даты, чтобы попытаться опередить попытки его закрыть⁹⁵.

Несмотря на выраженный конфликт мнений Музей Второй мировой войны быстро занял место одного из ведущих военно-исторических музеев Польши. Развернувшаяся вокруг него полемика в итоге положительно сказалась на посещаемости. Масштабная ультрасовременная экспозиция с сильным эмоциональным подтекстом была по достоинству оценена посетителями. Российские СМИ писали об экспозиции гданьского музея как о «неправильной» и «политизированной». Как утверждалось в этих источниках, сталинский режим авторы экспозиции поставили в один ряд с другими тоталитарными строями, а роли СССР в победе над Германией уделяется слишком мало внимания, несмотря на стенды, посвящённые блокаде Ленинграда, советским партизанам, Сталинградской битве. Ибо параллельно с ними рассказывается о французах, югославах, британцах, американцах, и посетители музея видят полную картину войны, хотя расстановка акцентов в ней может вызывать споры.

Отзывы посетителей музея неоднозначны, но большинство подчёркивает главное: в центре внимания экспозиции – не политика, а обычный человек, застигнутый врасплох страшной войной⁹⁶.

⁹⁵ Амундсен, Б. Что в Польше называют правдой о Второй мировой войне? // Интернет-проект Иносми. – URL: <https://inosmi.ru/social/20190712/245451324.html> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹⁶ Варламов, И. Взгляд поляков на Вторую мировую: Сталин = Гитлер // Блог Ильи Варламова. – URL: <https://varlamov.ru/2591527.html> (дата обращения: 01.10.2021).

В этой связи стоит особенно подчеркнуть роль масс-медиа, благодаря которым даже люди, которые не ходят в музей, знают, что в таком-то месте, в такое-то время проходит та или иная выставка. Первоначально сотрудничество со СМИ было направлено на привлечение аудитории, но впоследствии стало очевидным влияние медиа на содержание экспозиций, поскольку именно в них обсуждается, что и как должно экспонироваться. Кроме того, в последние годы появилось большое количество специализированных порталов, на которых музеи могут разместить не только анонсы предстоящих событий, но и подробную информацию о коллекциях и фондах, виртуальные туры и 3D-экскурсии, аудиогиды и тематические статьи⁹⁷. Хорошим примером такого ресурса является Всероссийский виртуальный портал «Посети музей», созданный с целью сделать музеи более доступными. Технические умения компании, его разработавшей, позволили преобразовать историко-культурное наследие, представленное в музеях, в интерактивный вид⁹⁸.

С началом пандемии цифровизация из тренда превратилась в насущную необходимость. Всего за несколько месяцев музейный мир осуществил настоящий цифровой прорыв. Подавляющее большинство музейных администраторов озаботилось созданием разнообразных видеоэкскурсий, стали популярными онлайн-эфирные трансляции выставок. Третьяковская галерея предложила посетителям онлайн-игру «Музейный профессионал». Задания позволяют игроку познакомиться со спецификой работы хранителя музея, реставратора, сотрудника научного отдела и отдела учёта⁹⁹. Результаты этой своеобразной цифровой революции в

⁹⁷ Баранюк, М. Всероссийский виртуальный портал «Посети музей». – URL: <https://vinchi-interactive.ru/blog/vserossijskij-virtualnyij-portal-poseti-muzej.html> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Москвичева, М. Вынужденный уход в онлайн открыл для музеев новые возможности. Культура получила цифровую прививку // Электронное периодическое издание «МК.ru». – URL: <https://www.mk.ru/culture/2020/06/21/vynuzhdennyj-ukhod-v-onlayn-otkryl-dlya-muzeev-novye-vozmozhnosti.html> (дата обращения: 01.10.2021).

музейном мире еще предстоит осмыслить и оценить, однако уже понятно, слом устоявшихся традиций свершился.

Выводы

Понятие культурной памяти многогранно. В рамках исследования музеефикации и сохранения культурного наследия наиболее значимыми являются социологические, историографические, искусствоведческие и психологические теории, связанные с этим понятием. В последнее время область изучения культурной памяти расширяется за счет междисциплинарных исследований коллективной исторической травмы. Понятие коллективной исторической травмы предполагает единство собственно события и памяти о нем. Вследствие этого исследовательское поле *trauma studies* неизбежно пересекается с полем науки о наследии.

Термины «травматическое», «трудное», и «диссонантное» наследие синонимичны. Характерными особенностями наследия такого типа являются отсутствие типичных характеристик культурной ценности, негативный характер событий или явлений, с которыми это наследие связано и неоднозначное общественное отношение к ним. «Трудное» наследие считается инновационной, формирующейся категорией. Подходы к сохранению такого наследия отражают процессы (пере)осмысления обществом трагических исторических событий. Базой культурной памяти о травмах являются репрезентации, реализуемые посредством коммеморативных практик.

Коммеморация выступает репрезентацией прошлого, так как содержит в себе оценочную интерпретацию случившегося и отношение к нему, обусловленное сложившейся социокультурной ситуацией, идеологическим контекстом и властным императивом. Сакрализация и музеефикация служат наиболее приемлемыми формами коммеморации трудного наследия. Эти две формы органично сочетаются друг с другом, но, как правило,

сакральная коммеморация предшествует всем остальным. Недостатком музеефикации «трудного» наследия являются попытки нивелировать масштаб государственных преступлений достижениями (например, научными, экономическими и промышленными). Оценивая роль российских музеев в коммеморации «трудного» наследия, мы можем отметить, что потенциал музея в данной области используется не полностью.

Современный музей вышел за рамки просветительского центра, и является агентом общественного мнения. Продвигая новые ценности, он оказывает непосредственное влияние на восприятие прошлого и формирование социокультурной идентичности. Вместе с тем процесс развития или деградации музейной деятельности является прямым следствием динамических изменений общества, и зачастую служит своеобразным индикатором грядущих или случившихся перемен. Итогом преодоления музейного кризиса в России стала коммерциализация музейной сферы, приведшая к ослаблению идеологической составляющей экспозиций. Музеи постепенно трансформируются в учреждения сферы социально-культурного сервиса и предлагают различные услуги. Невысокий входной барьер в отрасль способствует росту количества частных музеев, особенно в регионах с развитой туристской инфраструктурой. Музейное дело часто рассматривается как перспективное направление малого бизнеса, способное повысить инвестиционную привлекательность региона.

Устаревание традиционной музейной концепции привело к функциональным изменениям. Старые музеи сами по себе становятся памятниками, а новые совмещают в себе выставочные пространства, мастерские, зрительные залы и прочее. С ростом количества гражданских инициатив, направленных на сохранение объектов культурного наследия, возникла угроза перенасыщения архитектурной среды памятниками. На фоне отсутствия единого подхода к определению допустимого количества изменений объектов культурного стирается граница между их охраной и музеефикацией.

Динамика общественно-политических изменений отражается на роли музеев в системе социокультурной памяти общества. Музеи подвергаются критике как за излишнюю нейтральность экспозиций, составленных без учёта истории происхождения коллекций, так и за гиперболизацию негативных черт прошлого и замалчивание фактов.

Все большую актуальность приобретает вопрос классификации музеев. Долгое время основными классификационными признаками считались административная принадлежность учреждения и профильная направленность. Последние тенденции заставляют предположить, что с течением времени «чистые» в классификационном плане типы музеев будут встречаться всё реже. Вместо профильных принципов и административной принадлежности на первый план уже сейчас выходят формы коммуникации с посетителем и ресурсная составляющая музеев.

Глава 2. Теоретические и практические аспекты музеефикации тюрем

2.1. Российский и международный опыт музеефикации тюрем

В отличие от других объектов архитектуры и градостроительства, например, промышленных предприятий, практика музеефикации зданий исправительных учреждений ещё не сложились окончательно. Острота вопроса обусловлена отсутствием единого мнения относительно статуса закрытых тюрем. Старинные тюремные замки безоговорочно рассматриваются как памятники архитектуры и подлежат соответствующей защите. Нередко они находятся в центральной части городов, что способствует их музеефикации. Гораздо сложнее обстоит дело с тюрьмами XX века: их архитектура исключительно функциональна, а отношение к ним намного более противоречивое.

В ряде европейских стран сокращение численности заключённых приводит к закрытию тюрем. В Северной Америке, наоборот, регулярно строятся новые тюрьмы, рассчитанные на большее количество арестантов. На сегодняшний день в России функционирует 647 исправительных колоний, 97 колоний-поселений, 6 исправительных колоний для осуждённых к пожизненному лишению свободы, 204 следственных изолятора и 75 помещения, функционирующих в режиме следственного изолятора, 8 тюрем и 18 воспитательных колоний для несовершеннолетних¹⁰⁰.

В соответствии с «Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года» в целях оптимизации к 2024 году 88 учреждений

¹⁰⁰ Краткая характеристика ФСИН России // Официальный сайт ФСИН России. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 12.11.2021).

подлежат ликвидации¹⁰¹. Вне зависимости от причин закрытия тюрем относиться к ним необходимо как культурному наследию и вопрос их дальнейшей судьбы решать соответствующим образом.

Масштабные исследования по этой теме были проведены группой канадских учёных. В период с 2009 по 2014 гг. они посетили 45 музеев, посвящённых теме тюремного заключения в Канаде. На основании сделанного анализа опубликовано несколько работ, касающихся путей возможного использования тюрем. В настоящее время имеют место три варианта развития событий: снос; реконструкция с целью перепрофилирования и музеефикация.

подавляющее большинство закрытых тюрем подлежит сносу. Безусловно, сохранение всех объектов невозможно и нецелесообразно. Иногда качество строительства и материалов делают их консервацию нереальной, а реставрацию слишком затратной. Заброшенные лагеря, тюрьмы и СИЗО есть практически в каждом регионе Российской Федерации. Например, в Магаданской области имеется несколько заброшенных колоний. С 1937 по 1956 гг. на территории нынешней Магаданской области функционировал один из самых страшных лагерей ГУЛАГа – Исправительно-трудовой лагерь «Бутугычаг». В его состав входили несколько отдельных лагерных пунктов, где на рудниках велась добыча урана и олова без каких-либо защитных средств. Сегодня частично сохранились только самые поздние постройки. На территории по-прежнему сохраняется повышенный радиационный фон, а воду из местных водоёмов запрещено использовать в пищевых целях. Ещё один пример: исправительно-трудовая колония «Галая» и известный в уголовном мире из-за используемой полосатой формы исправительно-трудовой лагерь

¹⁰¹ Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – С. 5544.

«Омчак», расформированный в конце 90-х годов. Оба учреждения практически полностью разрушились.

Невостребованность материально-технической базы расформированных пенитенциарных учреждений в Магаданской области можно объяснить спецификой региона (низкий уровень урбанизации, неразвитая инфраструктура, низкая инвестиционная привлекательность и т. п.). Вполне ясны причины сноса старых тюрем и в больших городах. Так, в 2012 году в Новосибирске было решено снести здание пересыльной тюрьмы НКВД и передать участок частному застройщику. Это решение вызвало протест местных активистов, по мнению которых, вместе со зданием уничтожат следы преступлений и память о жертвах политических репрессий. Но городские власти объяснили снос здания его аварийным состоянием и невозможностью реставрации¹⁰².

На территории современного Ленинского района Новосибирска располагался самый крупный сиблаговский блок Кривощёковских лагерей № 5, 6, 7. На начало 1941 года в Кривощёковском отделении насчитывалось 7807 заключённых. Здесь же находился и Кривощёковский лагерь №1 для малолетних детей и женщин, описанный А.И. Солженицыным в произведении «Архипелаг ГУЛАГ». Колония в Кривощёково существовала вплоть до конца 90-х годов. Бараки лагеря № 5 сохранились до сих пор, так как были построены несколько позже¹⁰³. В помещении бывшего штрафного изолятора, сейчас находится действующий изолятор временного содержания. Некоторые сохранившиеся здания сдаются в аренду, а на остальной территории давно уже жилая застройка.

¹⁰² Место захоронения расстрелянных в следственно-пересыльной тюрьме №1 УНКВД Новосибирска // Карта Памяти: Некрополь террора и Гулага. – URL: <https://www.mapofmemory.org/54-02> (дата обращения: 24.04.2022).

¹⁰³ Голодяев, К. Тюрьмы и лагеря столицы Сибири // Выступление на Втором научно-практическом семинаре «Репрессированная сибирская провинция» (Новосибирск, 18-19.10.2016). – URL: http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/tyurmy_i_lageryastolicy_sibiri.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

В 2008 году на месте бараков Кривощёковских лагерей был возведён Троице-Владимировский собор, но освящён он был не в память узников лагеря, а в честь их охранников: внутренних войск МВД¹⁰⁴. В ситуации, когда сохранение объекта невозможно, альтернативой может быть установка памятных досок или возведение мемориальных комплексов.

Вместе с тем с каждым годом растёт количество вариантов трансформации старого тюремного фонда. Рассмотрим самые распространённые из них:

1. *Использование в качестве кинематографических декораций.*

Государственная исправительная колония штата Огайо стала узнаваемой благодаря снятому в её стенах фильму «Побег из Шоушенка» (1994 г.).¹⁰⁵ Помимо этого, в мире достаточно примеров использования в кино действующих тюрем и пенитенциарных учреждений, но особый интерес представляет жандармерия французского города Сен-Тропе, ставшая местной достопримечательностью, как место съёмок серии легендарных французских комедий «Жандарм из Сен-Тропе» (1964–1982 гг.). В июне 2016 г., после упразднения учреждения, жандармерия стала музеем «Жандармерии и кино». Это уникальный случай объединения в одном музее двух настолько разных направлений¹⁰⁶.

2. *Открытие средств размещения в зданиях бывших тюрем.* Это своего рода «тренд» в индустрии гостеприимства. Примеров достаточно по всему миру. Так, в бывшей тюрьме графства Карлтон в Оттаве расположился хостел HI Jail Hostel, а в пригороде Чикаго успешно

¹⁰⁴ Голодяев, К. Тюрьмы и лагеря столицы Сибири // Выступление на Втором научно-практическом семинаре «Репрессированная сибирская провинция» (Новосибирск, 18-19.10.2016). – URL: http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/tyurmy_i_lageryastolicy_sibiri.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

¹⁰⁵ Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

¹⁰⁶ La gendarmerie de Saint-Tropez devient un musée. – URL: <http://www.ouest-france.fr/culture/musees/la-gendarmerie-de-saint-tropez-devient-un-musee-4322696> (дата обращения: 18.04.2022).

функционирует отель Jail Hill Inn. В здании, которому более 150 лет, до 1977 года располагалась тюрьма.

3. *Преобразование в объекты коммерческой недвижимости.* Так, в бывшей тюрьме Сен-Мишель де Ренн (Франция) теперь находятся рестораны, ночные бары и дискотека.

4. Перевод зданий тюрем в жилой фонд. Так случилось со Следственным изолятором в Руммельсбурге (Германия) и тюрьмой в Бур-ан-Брес (Франция).

5. Правоохранительными органами здания тюрем используются для *инсценировки беспорядков и проведения учений для подготовки тюремного персонала*, а производителями охранных систем для тестирования оборудования. Каждый год, начиная с 1997, Национальный институт юстиции США инсценирует Тюремный бунт в Исправительной колонии Западной Вирджинии в Мундсвилле.

6. В отдельных случаях после закрытия тюрьмы *могут быть переданы общественным организациям*, как исправительный объект Бэй Вью в Нью-Йорке, который стал Центром социальной справедливости для женщин. В здании Исправительного центра Фултона (Нью-Йорк, США) открыт центр социальной реинтеграции для бывших заключенных.

7. Существуют примеры *преобразования мест заключения в художественное пространство* (Ридинг Гол в Беркшире (Англия)) и *университетские помещения*, – здание бывшей тюрьмы Святого Павла было частично интегрировано в кампус Католического университета г. Лион.

В России нет отлаженных механизмов трансформации закрытых тюрем и колоний под социальные нужды и бизнес-проекты, поэтому примеры их коммерческого использования единичны: в одном из зданий Тобольского Кремля в непосредственной близости от Тюремного замка при Музее сибирской каторги и ссылки работает хостел.

Однако существуют примеры передачи тюремного здания образовательному учреждению. Так, в одном из бывших тюремных

корпусов располагалось общежитие для студентов Тобольской духовной семинарии. В первые годы после открытия семинария была сильно ограничена в площади, поэтому в бывших камерах разместились епархиальные склады, медицинский кабинет, бухгалтерия, гостиница для паломников, баня, студенческая парикмахерская, столярная мастерская и общежитие для семейных студентов¹⁰⁷.

Существует ещё один пример передачи тюремного здания образовательному учреждению. В городе Тюкалинск Омской области в 1896 году под руководством архитектора А. Даугеля на месте старой пересыльной тюрьмы было построено двухэтажное каменное здание, рассчитанное на 75 мест. Летом партия заключённых доходила до 4 тысяч человек, и им приходилось ночевать под открытым небом¹⁰⁸. Позднее были построены одноэтажное здание больницы, дом исправника, здание столовой и прачечной и дом для свиданий осуждённых. Примечателен тот факт, что здание тюрьмы по проекту имело большие окна, совершенно не характерные для тюремной архитектуры того времени. По некоторым данным, ещё на этапе строительства архитектор Даугель предположил, что когда-нибудь здесь будет учебное заведение. Его слова оказались пророческими, и с 1930 года здание тюрьмы и дом исправника были переданы для размещения в нем сельскохозяйственного техникума, который располагается там по сей день. Управлением культуры г. Тюкалинска разработан проект экспозиции, описывающий все этапы существования тюремного комплекса. В настоящее время ведётся оформление передачи здания Дома исправника на баланс Тюкалинского краеведческого музея, филиалом которого будет являться экспозиция тюремного комплекса. Анализ проекта представлен в третьей главе диссертации.

¹⁰⁷ Студенческое общежитие «Тобольский тюремный замок» // Сайт Тобольской духовной семинарии. – URL: <http://www.tds.net.ru/index.php> (дата обращения: 24.04.2022).

¹⁰⁸ История тюкалинской милиции // Официальный портал Омской области. – URL: <http://mgpr.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList/3-52-256-1/officialsite/MVD/istoricheskai-spravka.html?printVersion=true> (дата обращения: 12.11.2021).

В литературе встречаются различные варианты обозначения музеев, посвящённых системе исполнения наказаний. Анализируя историю возникновения пенитенциарных музеев в советской России в 1920-е годы, М.А. Погорелов различает криминологические, исправительно-трудовые (пенитенциарные) и тюремные музеи. Так, криминологический музей представлял собой «кабинетный» музей, чьи коллекции использовались для исследовательских и образовательных целей, а также для репрезентации различных форм девиантности¹⁰⁹. Тюремные музеи организовывались «благодаря низовой инициативе, при участии заключённых и имели скорее просветительские и «воспитательные» задачи». Исправительно-трудовые музеи выполняли как научные, так и прикладные просветительские функции¹¹⁰. В настоящее время все чаще употребляется термин «пенитенциарный» музей, обобщающий черты описанных Погореловым типов. Мы же пользуемся термином «тюремный» музей, так как главным образом рассматриваем музеефицированные тюрьмы. Попытаемся классифицировать их, принимая во внимание различия этих объектов по контексту создания и принципам экспонирования.

подавляющее большинство современных тюремных музеев было открыто в период с 1961 по 2010 год, причем заметный рост произошел после 1970 года¹¹¹. Несмотря на растущую популярность, целесообразность музеефикации тюрем по-прежнему остается предметом дискуссий. Сторонники создания музеев подчеркивают значимость старых тюрем как объектов культурного наследия, но с точки зрения морали задаются вопросом об уместности их превращения в объекты досуга. Наряду с этим высказывается мнение, что доступность тюрем широкой публике может оказывать негативное влияние на авторитет пенитенциарной системы.

¹⁰⁹ Погорелов, М.А. Пенитенциарные музеи в советской России в 1920-е гг. // Антропологический форум. – 2021. – № 50. – С. 106.

¹¹⁰ Там же, С. 105.

¹¹¹ Костромина, Е.А., Сивова, А.А., Косолапов, Ю.В. Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – № 4(86). – С. 48.

Музеефикации старинных тюремных замков, расположенных в исторической центральной части городов способствуют следующие факторы:

1. Фактор безопасности. Угроза безопасности жителей прилегающей территории, включая вероятность побега осуждённых, опасность захвата заложников, бунта и т.п.

2. Инфраструктурно-территориальный фактор. Центральная часть города – стратегически важная территория, использование которой должно способствовать реализации культурного и экономического потенциала региона. Расположение в этой части города пенитенциарных учреждений никак этому не способствует.

3. Эстетический фактор. Подавляющее большинство зданий пенитенциарных учреждений имеют отталкивающий внешний вид. Архитектурно-фигуральная концепция зданий обычно не продумана. Иногда она просто отсутствует, так что постройки на территории учреждения располагаются хаотично.

4. Психологический фактор. Непосредственная близость тюрем оказывает угнетающее эмоциональное воздействие на жителей и гостей города, а также способствует формированию негативного имиджа территории.

5. В том случае, когда пенитенциарные учреждения заняты вредным производством имеет место экологический фактор¹¹².

Процессы преобразования бывших пенитенциарных учреждений стоит рассматривать в контексте доминирующих социально-экономических и политических тенденций. Исследования канадских учёных подтверждают, что результат преобразования тюрем напрямую зависит от финансирующих структур. Так, большинство тюремных музеев в Канаде было создано и

¹¹² Шукан, А.А., Карасова, И.Ю. Негативные аспекты пенитенциарных учреждений в центре российских городов // Международный студенческий научный вестник. – № 5. – 2018. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18654> (дата обращения: 24.01.2022).

находится под управлением региональных ассоциаций, занимающихся сохранением культурного наследия. Это приводит к тому, что в экспозиции этих музеев есть как экспонаты, касающиеся тюремного заключения, так и экспонаты общеисторического характера¹¹³.

Некоторые тюремные музеи полностью зависят от государства. Примерами учреждений, существующих при поддержке Канадской службы исполнения наказаний, являются музей Кейлор-Хаус в Дорчестере, Канадский тюремный музей в Кингстоне и Музей полиции и исправительных учреждений в городе Принс-Альберт. Перечисленные музеи пропагандируют идею о том, что уголовное правосудие в Канаде базируется на защите прав, чести и достоинства заключённых, а устаревшие практики заключения, включая телесные наказания, уходят в прошлое¹¹⁴.

В России функционирует большое количество таких музеев, – практически в каждом городе, где есть крупная тюрьма или следственный изолятор. Учреждения, открытые на базе действующих тюрем, изначально задумывались как наглядное пособие для сотрудников УФСИН, а позже стали интересны простым обывателям. В качестве примера можно назвать Музей Бутырской тюрьмы, Музей Владимирского централа, Музей СИЗО № 1 в г. Тюмень.

Бутырская тюрьма – одна из самых известных тюрем в России. В 1971 году здесь было принято решение о создании музея. Первая экспозиция создавалась заключёнными и включала экспонаты, посвящённые истории тюрьмы: дореволюционные кандалы, цепи, ошейники, фотографии татуировок, ножи, заточки, самодельные устройства для татуажа, поделки заключённых – парусники, модель крейсера, карты¹¹⁵. По разным свидетельствам в сталинское время в Бутырской тюрьме

¹¹³ Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Ревзин, Г. Функция неизменна // «Коммерсантъ Weekend». – 2009. – № 43. – С. 25.

находилось до 20 тысяч заключённых. 136 узников Бутырской тюрьмы на Архиерейском соборе Русской православной церкви были причислены к лику святых и прославлены как новомученики и исповедники российские XX века. Однако материал об этих событиях в экспозиции отсутствует, и период политических репрессий показан только с точки зрения исправления заключённого под влиянием режима¹¹⁶.

Постоянно действующая экспозиция, посвящённая истории уголовно-исполнительной системы УФСИН России по Тверской области, создана при финансовой поддержке администрации и губернатора Тверской области. Одна часть выставочного зала посвящена жизни и быту заключённых, а другая истории УФСИН по Тверской области. Посетителей ждёт подробный рассказ о его руководителях и заслуженных работниках, о достижениях, которых удалось добиться управлению.

В структуре ГУФСИН России по Пермскому краю создано два музея. Один находится в управлении по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности в г. Соликамске. Другой – в исправительной колонии № 35, расположенной в поселке Центральный Чусовского района.

В Беларуси, также в ведомственной подчинённости, функционирует Музей тюремного быта в г. Гродно. Он действует при государственном учреждении «Тюрьма №1» и расположен в самом центре города, в здании, где ранее располагалось тюремное начальство и жилые помещения. Насыщенная экспозиция музея условно разделена на части в соответствии с исторической хронологией. На макетах показаны планы тюремных сооружений в разное время. На одном из них можно увидеть несохранившийся храм св. Николая, некогда располагавшийся на территории тюрьмы. В этом же отделе экспонируются предметы одежды «зэков» и надзирателей, тюремная утварь. Воссозданы две камеры: одна

¹¹⁶ Ревзин, Г. Функция неизменна // «Коммерсантъ Weekend». – 2009. – № 43. – С. 25.

образца царской России, другая периода советской власти, – и комната тюремного начальства. Отдельная часть экспозиции посвящена людям, в разное время отбывавшим наказание в Гродненской тюрьме. Один из стендов раздела посвящён памяти сотрудников тюрьмы, погибших на службе¹¹⁷.

Посещение российских ведомственных музеев при действующих учреждениях возможно только по предварительному согласованию, с обязательным соблюдением ряда условий: острые предметы, мобильные телефоны сдаются на хранение в контрольно-пропускном пункте, проводится специальный инструктаж для посетителей. Для сравнения: в странах Юго-Восточной Азии, которые считаются основоположниками «тюремного» туризма, можно не только посетить действующую тюрьму с экскурсией, но и провести в ней ночь и даже выбрать сокамерника из заключённых¹¹⁸.

Примером успешной коммерциализации старого тюремного фонда посредством музеефикации является старейшая канадская тюрьма в городе Труа-Ривьер. Проект тюрьмы был создан архитектором Франсуа Байяром в 1815 году. С момента запуска в 1822 году и до закрытия в 1986 году тюрьма Труа-Ривьер была старейшим исправительным учреждением Канады. Изначально рассчитанная на приём около 40 заключённых, тюрьма иногда принимала более ста человек одновременно. В настоящее время здание тюрьмы признано памятником архитектуры и в составе «РОР – музея» пользуется высоким спросом среди экскурсантов. Несмотря на то, что санитарное состояние здания потребовало проведения масштабных ремонтных работ, основные архитектурные элементы были сохранены – например, потолок первого этажа, поддерживаемый кедровыми балками.

¹¹⁷ Тюремный музей. – URL: <https://grodno.in/museum/prison-museum/> (дата обращения: 24.04.2022).

¹¹⁸ Тюремный туризм: чтоб жизнь медом не казалась. – URL: <http://world-travel.uz/touristInfo/description/426-tyuremnyi-turizm-chtob-zhizn-medom-ne-kazalas.html> (дата обращения: 24.04.2022).

По возможности сохранены старинные двери, а единственная лестница, которая неоднократно перестраивалась, сохранила прежнее расположение.

В канадском опыте музеефикации тюрем можно выделить три повторяющиеся темы, которые касаются репрезентации заключенных в экспозиции. Во-первых, особое внимание уделяется опасности заключённых, когда речь идет о лицах, совершивших акты насилия. Например, в музее тюрьмы графства Йорк в Фредериктоне, штат Нью-Брансуик, проводится выставка Аллана Леже, серийного убийцы по прозвищу «Речное чудовище Мирамичи». Она располагается в камере, где он содержался в ожидании суда. Во-вторых, заключённые часто изображаются с контрабандным оружием, как в канадском тюремном музее в Кингстоне, Онтарио. В-третьих, это случается гораздо реже, заключённые могут быть представлены как призраки, обитающие в тюрьме после смерти или казни, как, например, в общежитии старой тюрьмы в Оттаве, Онтарио. При этом в отличие от заключённых, сотрудники бывших тюрем в канадских музеях изображаются в позитивном ключе. За вклад в общественную безопасность при работе с заключёнными их называют альтруистами, а погибших при исполнении своих обязанностей – героями, увековечивая их имена на мемориальных досках¹¹⁹.

Отметим, что в Канаде есть несколько тюремных музеев, в чьих экспозициях сделан акцент на страданиях заключённых: среди них тюрьма Дак Лэйк в Саскачеване и Тюрьма патриотов в Монреале. Экспозиции этих музеев продвигают идею о том, что тюремное заключение является инструментом доминирования и одним из аспектов репрессивной политики. Сходную прагматику имеют экспозиции российских музеев, посвящённых жертвам политических репрессий.

¹¹⁹ Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste / J. Piché, K. Walby // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020)

Обращаясь к опыту азиатских стран в вопросах музеефикации тюрем, мы можем привести пример камбоджийского Музея геноцида Туол Сленг (Tuol Sleng Genocide Museum) в г. Пном-Пень. Музей расположен в здании бывшей школы, где в период с 1975 по 1979 гг. действовала учреждённая режимом «красных кхмеров» секретная тюрьма S-21. По разным оценкам за время существования тюрьмы её узниками стали около 20 тысяч человек, из которых выжило только 12. В процессе музеефикации помещения была максимально сохранена схема расположения и обстановка помещений. В комнате, где фотографировали заключённых, на столе лежат стопки фотографий, свидетельствуя о циничном детальном учёте жертв. Распечатанные в увеличенном размере фотографии, сопровождаются комментариями и являются основой раздела экспозиции, посвящённого государственным преступлениям. В других разделах экспозиции музея фотографии сопровождаются подлинными предметами из тюремного «арсенала»: неизгладимое впечатление на посетителей производит ржавяющий железный остов кровати, к которой приковывали цепью заключённого, инструменты пыток, и, даже несмотря на то, что музей активно посещали школьники, – огромная карта Камбоджи, составленная из сотен черепов и костей, найденных вьетнамцами, когда они оккупировали Камбоджу. Этот ужасающий экспонат должен был не только напоминать о случившихся в тюрьме преступлениях, но предостеречь от подобного в будущем. В 2002 году карту демонтировали, но черепа некоторых жертв всё ещё экспонируются в музее¹²⁰.

Исследования впечатлений посетителей тюремных музеев базируются на интервью, опросах и отзывах. Учитываются не только впечатления, но и мотивы посещения. Исходя из анализа отзывов о посещениях тюремных музеев в Канаде, можно выделить группу посетителей, которые указывают,

¹²⁰ Память о геноциде собственного народа. Музей Туол Сленг, Пном-Пень, Камбоджа (1975-1979). – URL: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/1322> (дата обращения: 14.07.2020).

что эти музеи заставили их усомниться в эффективности жестокого обращения с заключёнными. Другие посетители, наоборот, узнав о прогрессивных уголовных реформах, выступают за возвращение к старой тюремной практике, когда условия содержания и обращение с заключёнными, на их взгляд, соответствовали тяжести совершённых преступлений. Однако независимо от позиции в отношении условий содержания люди сходятся во мнении о том, что доступ к подлинным реалиям заключения возможен только через музеи.

Во Франции некоторые пенитенциарные учреждения также были подвергнуты музейной обработке, которая принимала различные формы, о чём свидетельствует выставочный центр «Дети и правосудие XIX–XX вв.», Музей национальной жандармерии (Мелун), Музей префектуры полиции (Париж), судебно-медицинская коллекция Национальной высшей школы полиции или парижский Музей адвокатов¹²¹.

Сама идея создания музея тюрем во Франции не нова. Её предложил Луи Гербетт, директор тюремной администрации, на Всемирной выставке 1889 года. Но только спустя столетие в 1995 году в окрестностях Парижа открылся Национальный музей тюрем. Музей отличался выдающимся культурным и сценографическим потенциалом, поскольку находился в бывшем арестантском доме, который был построен в 1855 году и входил в архитектурный комплекс замка Фонтенбло. Экспозиция включала в себя тюремные камеры, бани, помещения детских исправительных колоний, прогулочные дворы, часовню. К сожалению, музей был закрыт в 2010 году.

В 2005 году при непосредственном участии администрации пенитенциарных учреждений был создан портал «Criminocorpus», который объединил репродукции документов и предметы, относящиеся к теме тюремного заключения, хранящиеся в разных местах. Изначально

¹²¹ Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

«Criminocorpus» представлял собой ресурс, содержащий виртуальные выставки и исследовательские инструменты. В 2016 году принято решение отказаться от концепции портала в пользу создания виртуального Музея истории правосудия¹²². Первая виртуальная экспозиция была посвящена следственному изолятору в Гавре, снесённому в 2010 году. Первоначально содержание под стражей в расположенном в центре города арестантском доме было организовано в трёх общежитиях. В начале XX века пристроили корпус, где под влиянием тенденции к индивидуализации заключения, расположили камеры-одиночки. Таким образом, по архитектуре здания, построенного в 1860 году, можно проследить почти двухвековую эволюцию тюремного заключения во Франции. В 2010 году материалы фото и видеосъемки были смонтированы в онлайн-модуль, посещая который пользователь может выбрать и детально рассмотреть один из различных уровней здания. В галерее представлены видео и фотографии, планы учреждения с 1939 по 2014 гг. и раздел, объединяющий коллекции, выставки, статьи¹²³.

Работы, проведенные авторами «Criminocorpus», позволили создать цифровое пространство, посвящённое сбору, сохранению и общественной оценке тюремного наследия. В настоящее время в музее насчитывается 39 виртуальных экспонатов, и их число продолжает расти. Они разделены по нескольким темам: «Тюрьмы», «Каторга», «Искусство и правосудие», «Подозреваемые, обвиняемые, виновные», «Смертная казнь». Темы «Тюрьма» и «Каторга» включают 21 выставку самых разных участников¹²⁴.

¹²² Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

¹²³ Maison d'arrêt du Havre. Musée Criminocorpus consulté le 30 juillet 2020. – URL: <https://criminocorpus.org/fr/ref/144/1/> (дата обращения: 30.07.2020).

¹²⁴ Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

В силу своей специфики создание виртуального музея может рассматриваться как ограниченная и недостаточная реакция на ситуацию, в которой сегодня находится пенитенциарное наследие из-за угрозы исчезновения.

Французский опыт накопления разнообразных информационных ресурсов, посвящённых тюремному заключению, не является уникальным. В России существует проект «Виртуальный музей Гулага», база данных которого представляет собой обширное собрание материальных свидетельств эпохи советского террора, рассредоточенных по музейным коллекциям, карты расположения лагерей и построек, захоронений заключённых, памятников и мемориальных досок¹²⁵.

2.2. Классификация тюрем-музеев

Исследователи музейного мира неоднократно высказывали мнение об устаревании привычных подходов к классификации музеев, делая акцент на растущей популярности гибридных форм, сочетающих черты двух и более типов. Ярким примером такой гибридности являются музеефицированные тюрьмы, служащие объектом данного исследования. При всем многообразии существующих тюрем-музеев этот вид не рассматривается как особый тип. Разработка критериев классификации тюрем-музеев позволит в полной мере отобразить культурную специфику этих учреждений, выявить системные связи, характеризующие их функционирование в культурном пространстве региона, и спрогнозировать их развитие с учётом факторов внешней и внутренней среды.

А.Л. Субботин предлагает рассматривать классификацию с двух сторон. Во-первых, «как состоявшуюся систему знания, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты

¹²⁵ Виртуальный музей ГУЛАГА: [сайт]. – URL:<http://www.gulagmuseum.org/start.do> (дата обращения: 30.07.2020).

некоторой предметной области на основании их сходства в определенных свойствах». Во-вторых, как метод систематизации определённой предметной области, позволяющий собрать как можно больше существенной информации о ней¹²⁶. Такое понимание классификации позволяет нам использовать её в качестве базового метода исследования.

В основе предложенного нами подхода заложены критерии классической музееведческой классификации, которая традиционно осуществляется по организационным, правовым и содержательным признакам, определяющим специфику деятельности музея. Укрупнённая классификация производится по принадлежности, профильным группам, масштабу деятельности и статусу. Существующий подход не отражает современного музейного многообразия, так как внутри каждой из профильных групп все чаще формируются гибридные формы. Разнообразие объектов на фоне отсутствия масштабных исследований в области музеефикации пенитенциарных учреждений делает необходимым выделение классификационных признаков для их последующей типизации.

Профильная классификация различает исторические, художественные, искусствоведческие, литературные, отраслевые, технические и архитектурные музеи. Главным недостатком такого подхода является выделение лишь одного аспекта деятельности музея как социокультурного института, не всегда значимого для определения сути конкретного музея, специфики и ориентиров его деятельности¹²⁷.

Музеефицированная тюрьма, как правило, сочетает в себе несколько профилей. Во-первых, такой музей можно рассматривать как архитектурно-градостроительный, поскольку здание тюрьмы имеет набор специфических черт независимо от исторической эпохи, к которой оно относится. Если речь идет о средневековой тюрьме, архитектура здания является основным

¹²⁶ Субботин, А.Л. Классификация. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 9-10.

¹²⁷ Сапанжа, О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика // Вопросы музеологии. – № 1(5). – 2012. – С. 3-4.

фактором музеефикации и отправной точкой для формирования плана экспозиции. Тюрьмы нового времени являются наглядной демонстрацией исключительно функциональной архитектуры, поэтому их музеефикация опирается на принципы сохранения промышленных объектов, признанных культурной ценностью.

Во-вторых, тюремный музей можно назвать техническим или политехническим. Оснащение тюрьмы представляет огромный интерес для публики и отражает уровень технического прогресса на определенных этапах существования пенитенциарного учреждения. Подавляющее большинство тюремных музеев в своих экспозициях демонстрирует приспособления для пыток и казней, кандалы и наручники, рогатины для умирения буйных заключённых, клейма и многое другое.

В Музее Сибирской каторги и ссылки (г. Тобольск) в одном из корпусов посетителям демонстрируют «ключеуловители» – специальные трубы, расположенные в коридорах тюрьмы. В случае нападения, охранник должен был сбросить туда ключи от камер, чтобы они не попали в руки заключённым. Без специальных средств достать ключи из «ключеуловителя» невозможно.

Техническое оснащение тюрьмы является одним из главных факторов туристской аттрактивности музеефицированных тюрем. Американский учёный М. Уэлш в своей книге «Побег в тюрьму: тюремный туризм и притягательность наказания» (2015), посвящённой тюремным музеям, приводит детальный анализ нескольких наиболее популярных тюрем-музеев, рассматривая их с разных точек зрения. Закljučая, что именно на стыке технической и культурной составляющей формируется феномен тюремного музея, Уэлш называет их «техничко-культурным учреждением»¹²⁸. В основе такого термина лежит акцентирование внимания

¹²⁸ Welch, M. *Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment* / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 14.

на приспособлениях для пыток и казней, а также на попытках гуманизации этих процедур с помощью достижений науки и техники.

Например, кураторы музея Мельбурнской тюрьмы приложили немалые усилия, чтобы задокументировать роль науки (физики, анатомии и медицины) в погоне за идеальным падением с виселицы. На одном из стендов расположен плакат с цитатами из книги Чарльза Даффа «Руководство по повешению» (1828), гласящими о важности длины веревки: «Мистер Берри, английский палач в 1880-х годах, разработал таблицу, рассчитывающую длину верёвки в зависимости от веса человека, которого нужно повесить. Если верёвка была слишком длинной, она могла оторвать голову, а использование слишком короткой приводило к длительному удушению»¹²⁹.

Одна из цитат касается описания казни, признанной совершенной в технике исполнения: «Старший надзиратель больницы писал в 1918 году о повешении Артура Олдринга: “Смерть была абсолютно мгновенной. Самая лучшая казнь, которую когда-либо видели.”»¹³⁰.

В-третьих, тюрьмы-музеи являются отраслевыми музеями. В особенности это относится к музеям, созданным при действующих пенитенциарных учреждениях.

Теперь рассмотрим разработанную нами совокупность классификационных признаков, характерных для тюрем-музеев, и попытаемся проследить их влияние на деятельность музея.

Первая группа признаков опирается на ведомственную принадлежность и источник финансирования. Большая часть российских тюремных музеев находится на балансе государства и финансируется из федерального либо муниципального бюджета. Речь идёт и о музеях открытых на базе выведенных из эксплуатации объектов, и о музеях при

¹²⁹ Duff, C. A handbook on hanging / C. Duff. – London: Journeyman Press, 1981. – 191 p.

¹³⁰ Welch, M. Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 17.

действующих учреждениях. В Красноярском крае функционирует три ведомственных музея: два в г. Красноярск и один в г. Минусинск.

Экспозиция Музея тюремной истории в тюрьме № 1 в Минусинске включает более 280 уникальных экспонатов, посвящённых истории Минусинской тюрьмы. Особое внимание уделено сотрудникам учреждения, в частности, ветеранам боевых действий. Музей «Красноярский тюремный замок» в Следственном изоляторе (далее СИЗО) № 1 в Красноярске расположен в здании 1872 года постройки. За всю историю ни одному из заключённых не удалось сбежать отсюда. Экскурсия позволяет узнать историю уголовно-исполнительной системы Красноярского края со времён каторги и ссылки до советского периода.

В Медицинском пенитенциарном музее красноярской Клинической тюремной больницы № 1 представлены подлинные медицинские инструменты и техника, используемые в учреждении с 1960-х годов¹³¹.

В зарубежных странах, например в Канаде, большинство тюремных музеев создано по инициативе региональных общественных ассоциаций, занимающихся сохранением культурного наследия. Согласно результатам исследований канадских ученых, этот факт оказывает существенное влияние на характер экспозиции музеефицированной тюрьмы: в неё включают разделы общеисторического и краеведческого характера¹³².

Помимо государства и общественности, инициаторами создания, а в последующем и кураторами могут выступать религиозные организации. В качестве примера можно назвать Церковно-исторический музей при храме в честь новомучеников и исповедников в посёлке Ложок Искитимского района Новосибирской области. Руководитель проекта «Сохраним наследие» Новосибирской митрополии и один из основателей музея клирик

¹³¹ В тюрьме г. Минусинска открылся музей // ГУФСИН России по Красноярскому краю. – URL: https://24.fsin.gov.ru/news/detail.php?month=5&year=2021&ELEMENT_ID=145669 (дата обращения: 21.01.2022).

¹³² Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

Игорь Затолокин в течение шестнадцати лет собирал исторические свидетельства об Искитимском штрафном лагере. В мае 2019 года собранные артефакты объединили в экспозицию первого и единственного на территории Новосибирской области музея, посвящённого памяти жертв репрессий. Число заключённых в Искитимлаге составляло 2000–3000 человек, пятую часть из них составляли политзаключенные и священнослужители¹³³. Именно осуждённым священнослужителям посвящена основная часть экспозиции музея. Учитывая данный факт, можно согласиться с выводами канадских ученых о взаимосвязи ведомственной подчинённости и характера экспозиции.

Следующий признак, имеющий определяющее значение в организации деятельности тюремных музеев, – это время создания музея. Выделим три вида тюрем-музеев в соответствии с этим признаком:

а) музеи, которые были открыты по прошествии нескольких десятилетий лет после ликвидации пенитенциарного учреждения (а также на месте снесённых или разрушенных по различным причинам тюрем);

б) музеи, организованные сразу или в течение нескольких лет после закрытия учреждения;

в) музеи, созданные при действующих пенитенциарных учреждениях.

В первом случае музеефикация опирается на возможности художественной реконструкции, во втором объект стараются законсервировать в мельчайших деталях. Сравнительная характеристика этих подходов является скорее музееведческой проблемой, нежели культуроведческой, а потому является темой отдельного исследования.

Третий вид музеев имеет ряд принципиальных характеристик. Традиционное понимание музея предполагает его общедоступность. Музеи при действующих тюрьмах и следственных изоляторах имеют особый режим посещения. Помимо предварительного согласования с начальством

¹³³ Репортаж о музее под Новосибирском // Сетевое издание «НГС. Новости». – URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2019/11/05/66290845/> (дата обращения: 14.01.2022).

учреждения действует контрольно-пропускной режим. Некоторые музеи и вовсе недоступны широкой публике, как, например, Музей СИЗО №1 в Тюмени. В настоящее время посещение доступно только для представителей Управления федеральной службы исполнения наказаний, поскольку в учреждении содержатся осуждённые на пожизненное заключение. Тюремный замок, в котором располагается один из блоков изолятора, построен по указу императрицы Екатерины II в 1786 году. В 1998 году во время ремонта чердачных помещений тюремного замка были обнаружены вещи, принадлежавшие каторжанам. Тогда у начальника следственного изолятора и возникла идея создания экспозиции. Официальной датой открытия музея считается 18 мая 2016 г.

В экспозиции музея более 400 подлинных фотографий, документов и предметов, рассказывающих о жизни каторжан и сопровождающих их семей¹³⁴. Другие исторические периоды функционирования тюремного замка в экспозиции не представлены.

По нашему мнению, охват исторического промежутка, отражённого в экспозиции, также является важным признаком. Большинство музеев стремится осветить весь период существования пенитенциарного учреждения. К этому типу можно отнести такие объекты как Тюрьма Трубецкого бастиона в Санкт-Петербурге, Музей сибирской каторги и ссылки в Тобольске, Елецкий острог, Музей тюремной истории в Минусинске и др. В экспозиции этих музеев одинаково подробно представлены все периоды существования тюрьмы. В том случае, когда кураторы музея намеренно игнорируют определённый временной промежуток, речь идёт о «трудном» наследии, относительно которого общество не примирилось и не имеет о нём единого мнения¹³⁵. Например, в

¹³⁴ Олейник, Б. Музей тюменского СИЗО-1 – среди лучших в России / Б. Олейник // Сетевое издание «Тюменская линия». URL: <https://t-l.ru/208160.html> (дата обращения: 14.01.2022).

¹³⁵ Самовер, Н.В. «Трудное наследие» как Всемирное: Россия в контексте международного опыта // Журнал Института наследия. – 2018. – № 3. – С. 3-5.

экспозиции музея Бутырской тюрьмы практически нет информации о сталинских репрессиях, тогда как царская тюрьма описана очень подробно.

Помимо временного промежутка, представленного в экспозиции, огромное значение имеет общая направленность музея. В соответствии с этим признаком можно выделить:

а) исторические (монографические и общеисторические) музеи (такие музеи являются самыми распространёнными; они имеют обширную, разноплановую экспозицию);

б) мемориальные музеи, в которых внимание сосредоточено на определённом историческом периоде и личностях;

в) к архитектурно-техническим можно отнести законсервированные объекты, демонстрирующие определённые достижения тюремной архитектуры.

По типу хранимого наследия тюрьмы музеи бывают: а) коллекционными; б) ансамблевыми; в) виртуальными.

Коллекционными будут считаться музеи, созданные вне стен подлинных тюрем, но на месте их расположения, как Церковно-исторический музей в Новосибирской области. Ещё один пример – Музей исправительной колонии № 35 в посёлке Центральный Чусовского района Пермской области. С момента открытия в феврале 1998 года и по 2008 год музей располагался в здании детского сада. В настоящее время экспозиция, состоящая из пяти небольших залов, занимает несколько комнат жилого дома. Музей создан по приказу Главного управления службы исполнения наказаний Пермского края, и, как большинство ведомственных музеев, посвящён сотрудникам колонии. В первом разделе экспозиции, описывающем социально-бытовые условия жизни сотрудников, представлены предметы быта (посуда, мебель, швейные машинки, радиоприёмники, вышитые скатерти и полотенца, охотничье и рыболовное снаряжение и многое другое). На стендах второго и третьего разделов – документы, фотографии, карты и макеты, рассказывающие об истории

исправительных учреждений Чусовского района и жизни лагерных пунктов во время Великой Отечественной войны. Заканчивается экспозиция рассказом о современных достижениях и условиях службы. Несколько стендов посвящено династиям сотрудников¹³⁶.

Подавляющее большинство тюрем-музеев являются ансамблевыми, поскольку в них само здание тюрьмы является центральным объектом экспозиции. Расположенные на территории, прилегающей к зданию тюрьмы, мастерские, прогулочные дворики, наблюдательные и контрольно-пропускные посты являются неотъемлемой частью системы исполнения наказания и представляют не меньший интерес.

Говоря о виртуальных музеях, стоит различать сайты музеев, используемые в представительских целях и виртуальные музеи с виртуальными экспонатами. Свой сайт есть почти у каждого музея. Помимо контактной информации и обзора фондов он может включать виртуальные туры и экскурсии, но принципиальным является реальное существование учреждения. Виртуальный музей существует исключительно в сети Интернет и может выполнять большое количество задач¹³⁷. Так, французский виртуальный Музей правосудия «Criminocorpus» изначально был создан как база данных, где пользователи могли свободно получать доступ к оцифрованной версии архивных документов¹³⁸. В настоящее время в состав виртуального музея, кроме исторических документов (текстовых и графических), собранных в четырнадцать тематических разделах, входит блог и рецензируемый электронный журнал с открытым доступом. По

¹³⁶ Тарасова, К. Тюремные музеи. Хранители истории // «Преступление и наказание» – № 4. – 2012. – URL: <https://www.zakonia.ru/analytics/tjremnye-muzei-khraniteli-istorii> (дата обращения: 21.01.2022).

¹³⁷ Василина, Д.С. Виртуальный музей как феномен современной культуры // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3(24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-muzey-kak-fenomenovremennoy-kultury> (дата обращения: 25.01.2022).

¹³⁸ Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

мнению пользователей, «Criminocorpus» является уникальным в своем роде исследовательским инструментом, представляющим интерес и для историков и юристов, и для непрофессионалов. Это больше, чем музей: в его нынешнем виде веб-сайт лучше всего можно было бы описать как «историографическую лабораторию»¹³⁹.

Стоит отметить, что критерии классификации тюрем-музеев имеют выраженную взаимосвязь. Тип хранимых артефактов находится в тесной связи с расположением музея: коллекционные музеи являются более компактными, а потому могут быть расположены в любом месте.

Музеи-заповедники требуют большей площади и, если создаются в черте населенных пунктов, могут быть ограничены в пространстве. Тем временем расположение их в пригороде, за городом или даже на островах позволяет создать уникальные по наполнению объекты. Музеефикация таких всемирно известных тюрем, как Алькатрас (США) и островная тюрьма Рообен (ЮАР) позволила сохранить уникальную флору и фауну этих мест¹⁴⁰.

В центральных районах многих российских городов располагается действующая тюрьма. Эта проблема остро стоит как для многих областных центров (Владимир, Екатеринбург, Астрахань, Чебоксары, Тамбов, Тюмень), так и для городов федерального значения. В Москве – это Бутырская тюрьма, Матросская тишина), а в Санкт-Петербурге – Кресты.¹⁴¹ Некоторые учреждения располагаются в тюремных замках с вековой историей, которые, по мнению историков, давно подлежат музеефикации. Представители пенитенциарной системы солидарны с историками, так как

¹³⁹ Demirbas, I. Criminocorpus: Browsing through the French History of Crime and Medicine / I. Demirbas // *Medical History*. – 2017. – Т. 62. – № 1. – P. 152–154. – URL: https://www.researchgate.net/publication/321505085_Criminocorpus_Browsing_through_the_French_History_of_Crime_and_Medicine (дата обращения: 14.05.2022).

¹⁴⁰ Welch, M. *Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment* / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 285

¹⁴¹ Шукан, А.А., Карасова, И.Ю. Негативные аспекты пенитенциарных учреждений в центре российских городов // *Международный студенческий научный вестник*. – № 5. – 2018. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18654> (дата обращения: 24.01.2022).

условия содержания заключённых в этих технически устаревших зданиях уже давно стали ненадлежащими.

Ассортимент предоставляемых музеем услуг также может являться критерием для классификации. Например, есть исключительно просветительские музеи, а есть учреждения, сочетающие просветительскую деятельность с предоставлением культурно-досуговых услуг. В последнее время особой популярностью пользуются различные интерактивные мероприятия. Мастер-классы и квесты удачно вписываются в формат тимбилдинга и пользуются спросом среди индивидуальных и корпоративных клиентов. Наряду с сувенирными магазинами при музеях, такие услуги являются источником дополнительного дохода. Наибольшее разнообразие таких услуг предлагают старинные тюрьмы-музеи. Чем больше времени прошло с момента закрытия тюрьмы, тем легче воспринимаются в их стенах любые развлекательные услуги. Возможно, это связано с тем, что живых свидетелей функционирования тюрьмы уже нет. Там, где есть мемориальная составляющая, дополнительные услуги если и внедряются, то гораздо деликатнее, из уважения к памяти места.

Подводя итоги, мы констатируем, что использование классической музееведческой классификации применительно к тюрьмам-музеям является недостаточным. Тогда как разработанный нами набор классификационных признаков пусть и не является окончательным, но уже позволяет рассматривать музеефицированную тюрьму и как социокультурный институт, и как культурный феномен. Чем больше специфических черт тюремных музеев будет учтено в процессе классификации, тем более полное представление об этих объектах мы обретём. Полученная по итогам классификации характеристика может использоваться в диагностических и прогностических целях. Безусловно, классификация музеев должна отвечать потребностям сегодняшнего дня, поэтому дальнейшее развитие музеев приведёт к еще большему устареванию сложившихся подходов и потребует их коррекции.

2.3. Принципы и стратегии музеефикации тюрем.

Настоящая тюрьма рассматривается как объект, позволяющий понять и, в скромной мере, прочувствовать суть лишения свободы. Для этого музейными кураторами реализуется одна из трёх стратегий:

1. Первая стратегия – это сохранение архитектуры, пространств и объектов при их выведении из эксплуатации. Для реализации такой стратегии в музееведении применяется консервация.

Консервация считается важнейшим этапом реставрации и представляет собой «комплекс мер, обеспечивающих длительную сохранность историко-культурных и природных объектов путём стабилизации их физического состояния и создания долговременной защиты от неблагоприятных воздействий окружающей среды»¹⁴².

Например, в исторической тюрьме в Корнуолле (Канада) камеры и другие помещения находятся в том же состоянии, что и в 2002 году, когда тюрьма закрылась. По тому же принципу организована работа Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36», расположенного на территории бывшей исправительно-трудовой колонии ВС 389/36 в деревне Кучино, Чусовского района, Пермского края. Первые постройки – деревянные бараки появились в 1946 году, а в 1972 в колонию перевели первых политических заключённых. В то время на территории современного Пермского края функционировало еще два политлагеря, но режим в «Пермь-36» был самым жёстким. В 1988 году лагерь был закрыт и заброшен. Идея создания музейно-архивного комплекса возникла в начале 90-х годов. Администрация Пермской области поддержала проект, и в 1992 году начались восстановительные работы, был создан музей политических репрессий и центр документации. В 1994 году на месте бывшей ИТК-36 был создан Мемориальный музейно-архивный комплекс «Мемориал жертв политических репрессий». Несмотря на очень

¹⁴² Российская музейная энциклопедия. Т. 1–2. М., 2001; 2-е изд. М., 2005

неудобное для посещений расположение, выставочный стал одной из главных достопримечательностей Пермского края.

Помимо традиционной для музея экспозиционной деятельности, территория комплекса «Пермь-36» стала местом проведения ежегодного международного гражданского политически-культурного форума «Пилорама». Изначально форум был задуман как фестиваль бардовской песни. В последствии помимо концертной программы стали проводить выставки, театральные постановки, кинопоказы, гражданские дискуссий. Деятельность общественной организации – учредителя и инициатора создания музея – долгое время подвергалась критике, и в 2015 году в результате конфликта с администрацией Пермского края музей был на некоторое время закрыт, а на территории комплекса запланировано создание новой экспозиции, посвящённой лагерной системе и сотрудникам УФСИН. В материалах периодических изданий можно встретить несколько противоречивых версий относительно причин закрытия музей и грядущего концептуального изменения экспозиции. Наиболее часто упоминается проблема финансирования объекта и открытая критика исследовательской деятельности сотрудников музея. Концепция музея как мемориального комплекса в итоге была сохранена, и сегодня это единственный в России музей, в котором можно увидеть почти весь комплекс построек советского лагеря.

2. Вторая стратегия предполагает реставрационные работы и реконструкцию, в процессе которых воссоздается интерьер тех времен, когда тюрьмы выполняли свои первоначальные функции.

В словаре музейных терминов приведено следующее определение реконструкции: «Научно обоснованное восстановление утраченного/руинированного культурного или природного объекта либо его частей»¹⁴³. Уточняется, что реконструкция «может быть осуществлена в виде чертежа, макета, модели и других разновидностей воспроизведения музейного

¹⁴³ Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. С. 60

предмета»¹⁴⁴. На практике частичная реконструкция является компонентом реставрации, которая определяется как «комплекс научно-обоснованных проектных разработок и практических мероприятий, обеспечивающих сохранение историко-культурного или природного объекта и выявление его общественной ценности»¹⁴⁵.

Примером реализации такой стратегии является Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Музей расположен в здании Церковно-учительской школы, построенном по заказу томской епархии в 1896 году. В 1922 году здание было передано городскому отделу НКВД. На верхних этажах располагалась квартира начальника и кабинеты сотрудников, а в подвале находилась внутренняя тюрьма, где содержались арестованные до вынесения приговора. Тот, кто попадал сюда, как правило, уже не возвращался. Тюрьма просуществовала до 1944 года, и после закрытия отдела НКВД здание было отдано под квартиры, а подвал стал использоваться для хозяйственных нужд. Музей был открыт только в 1989 году. Помимо подлинных документов, личных вещей репрессированных, предметов быта постоянная экспозиция включает реконструкции кабинета следователя и камеры предварительного заключения. Структура экспозиции не только позволяет воссоздать атмосферу тех лет, но и осознать масштабы массовых репрессий. В подземном проходе между двумя зданиями НКВД, установлена скульптура, изображающая согнутую спину человека, уходящего в темноту – образ одного из тысяч безвинно осуждённых.

3. Третья стратегия опирается на художественную реконструкцию и используется в местах заключения, где больше нет камер, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем. Воссоздается обстановка камеры для того, чтобы посетители могли прочувствовать лишение свободы. При этом для усиления впечатлений порой демонстрируются экспонаты из других тюрем. Например, в Центре Моррина в Квебеке в обстановке камер

¹⁴⁴ Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 60.

¹⁴⁵ Там же.

использованы кровати и стол, в два раза больше их реального размера. В витринах музея представлены кнут с девятью хвостами, шаром и цепью, а также позорный столб, хотя ни один из этих экспонатов не использовался в этой тюрьме¹⁴⁶.

Именно художественная реконструкция положена в основу проекта экспозиции Музейно-выставочного комплекса «Тюремный замок» г. Тюкалинск, который мы упоминали выше.

Любопытным примером реализации такой стратегии является Музей тюремного искусства «Запретная зона» в Угличе. В основе музея частная коллекция адвоката М. Лоткова. Инициатива создания музея была поддержана чиновниками УФСИН, которые и предоставили первые экспонаты коллекции. Благодаря профессиональной деятельности основателя музея коллекция пополнилась новыми экспонатами, среди них заточки, самогонные аппараты, картины, иконы, слепленные из хлеба фигурки.

Музей расположен в двухэтажном здании на набережной Волги и занимает две небольшие комнаты. Экскурсия длится около двадцати минут, но некоторые экспонаты порой достойны восхищения, принимая во внимание то, в каких условиях они созданы. В отзывах посетителей часто упоминается портрет дочери, нарисованный заключённым на простыне. Во второй комнате музея реалистично воссоздана тюремная камера. Изначально музей задумывался как социальный проект для воспитания трудных подростков, но, вопреки намерениям, музей немного даже стал романтизировать образ заключённого¹⁴⁷.

Необходимо отметить, что описанные выше стратегии музеефикации, как правило, используются параллельно, дополняя друг друга. Несмотря на

¹⁴⁶ Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

¹⁴⁷ Углич. Музей тюремного искусства «Запретная зона» [Электронный ресурс]. – URL: <https://starina-chuk.livejournal.com/189422.html> (дата обращения: 26.04.2022).

стремление кураторов к демонстрации исторической правды, им приходится учитывать неизбежность и воздействие работ, предваряющих открытие музея в здании бывшей тюрьмы. Так, организация экспозиции Музея Сибирской каторги и ссылки в Тобольске началась с противотуберкулёзной дезинфекции. В большинстве музеев, расположенных в старинных замках, реконструируются системы жизнеобеспечения здания: в первую очередь канализация, вентиляция и отопительная системы. В итоге тюремный музей становится местом одновременно аутентичным и инсценированным. Свойственная подлинной тюрьме атмосфера частично утрачивается. Так, во время экскурсии по тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге посетителей закрывают в одном из карцеров. Но температура и влажность в нём сейчас вполне комфортные, тогда как в прежние времена они почти не отличались от уличной.

Так как основным способом взаимодействия с посетителями музея-тюрьмы является экскурсия, помимо стратегий музеефикации, целесообразно классифицировать и гидов-экскурсоводов. За основу возьмём классификацию канадских исследователей Ж. Пише и К. Валби, которую они приводят в работе, посвящённой тюремным музеям Канады.

Согласно этой классификации, к первому типу можно отнести профессиональных историков, которые владеют фактической информацией и являются дипломированными специалистами в музейной сфере. Экскурсии, проводимые историками, сосредоточены на основной функции бывшей тюрьмы и её важной роли в формировании местной идентичности. Взаимодействие с публикой происходит в формате презентации.

Второй тип экскурсоводов – историки-любители, студенты или волонтеры, которые имеют небольшой музейный опыт. Их главная задача – создание положительных впечатлений от экскурсии. Эти гиды адаптируются к реакции экскурсантов, стараются избегать упоминания о телесных наказаниях, особенно когда среди экскурсантов есть дети. Взаимодействие с публикой происходит в формате открытого диалога,

посетители сами выбирают интересующие их разделы экспозиции и аспекты истории уголовного правосудия.

Третий тип – аниматоры. Многие музеи используют аниматоров в качестве экскурсоводов. Поддержать историческую атмосферу помогают старинные костюмы или образы конкретных персонажей. В большинстве случаев аниматоры мало заботятся о передаче фактической информации, скорее их выступления можно охарактеризовать как информационно-развлекательные. Так, в канадском музее Huron Historic Gaol экскурсия представляет собой театрализованное представление: актёр, исполняющий роль тюремного надзирателя, ведет посетителей по территории тюрьмы, навстречу попадаются другие персонажи, – тюремный врач, жена и дочь директора тюрьмы, заключённые, обвиняемые в убийстве, бродяги, мошенники и грабители.

Наконец, четвертый тип экскурсовода в тюремном музее – это так называемый экскурсовод-инсайдер, то есть человек либо имеющий личный опыт тюремного заключения, либо хорошо знающий систему изнутри. Инсайдерами могут быть тюремные надзиратели или бывшие заключенные. Во время экскурсии они стремятся поделиться с посетителями личными историями, в полной мере раскрывающими особенности тюремной жизни¹⁴⁸. Инсайдеры вызывают доверие у посетителей, дополняя фактическую информацию личными историями и анекдотами. Личный опыт и эмоциональные переживания, которыми делится экскурсовод, создают у посетителей иллюзию «подлинного» пребывания в тюрьме. Такие экскурсии пользуются большим успехом.

В России подавляющее большинство экскурсоводов составляют профессиональные историки, а инсайдерами выступают сотрудники

¹⁴⁸ Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) // *Déviance et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). – P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020).

УФСИН. Именно сотрудники УФСИН являются инициаторами создания музеев в действующих тюрьмах, расположенных в старинных замках.

2.4. Музеефицированная тюрьма как культурный феномен

Необходимо подчеркнуть, что проблема музеефикации тюрем носит междисциплинарный характер и не может рассматриваться исключительно как технологический процесс сохранения объекта культурного наследия. В этой связи проведение аналогий с объектами промышленной архитектуры, подвергающимися музеефикации, не является достаточным. В первой главе мы уже говорили о соответствии характеристик «трудного», «травматического» и «диссонантного» наследия музеефицированным тюрьмам. Разовьём эту точку зрения, опираясь на концепцию «травматических мест» А. Ассман, описанную в книге «Длинная тень прошлого. Новое недовольство мемориальной культурой» (2014). Говоря о многообразии «травматических мест» и формулируя их характерные особенности, Ассман в большей степени ориентируется на европейскую память о трагедиях Второй мировой войны. В этой связи мы считаем необходимым скорректировать эти характеристики в контексте международного опыта музеефикации тюрем.

1. Посещение музеефицированной тюрьмы оказывает особое эмоциональное воздействие. Чувственная конкретика и аффективный колорит углубляют восприятие экспозиции посредством иллюзорной идентификации с чужой участью.

подавляющее большинство музеев с тюремной тематикой демонстрирует различные приспособления для пыток, кандалы, смирительные рубашки и многое другое. Посетители могут рассмотреть в деталях эти предметы, иногда даже примерить. Например, лондонский музей-тюрьма Клинк приглашает посетителей в настоящую камеру пыток, путь к которой проходит через длинный ряд подземных галерей,

способствуя постепенному нагнетанию страха. Кураторы музея предлагают примерить «Испанский сапог»– приспособление, которое применялось для того, чтобы раздавить ногу заключённого, – или свинцовый ошейник. При этом используется техника интерактивной педагогики и посетителям дают чёткие инструкции: *«Рассмотрите ошейник: он выстлан свинцом и содержит ряд шипов. Вызывая мучительную боль, шипы смертельно отравляли жертву свинцом. Ощутите вес ошейника и представьте, как бы крепко обхватил он вашу шею. Представьте себе, как жертва сможет глотать с таким тугим предметом на шее»*. Экскурсия завершается рассказом о пыточном стуле: *«Как только тело было полностью пристёгнуто, спинка стула поднималась и наклонялась вперед, в таком положении палачу было удобно применять различные приспособления, например, съёмники языка. Подумайте, что мог сделать с вами палач, когда вы привязаны к стулу. Угадайте, какие инструменты могут быть применены»*¹⁴⁹.

Практика музейного показа предполагает сохранение определённой дистанции между посетителем и реальными мучениями. Экскурсанты получают возможность «безопасного» знакомства с различными орудиями пыток, включая колодки, позорные столбы, кошку-девятихвостку и дыбу, устройство которых подробно описано на стендах. Таким образом, формируется эфемерный личный опыт, который, в сущности, является основой сопричастности к травматической составляющей любого музея-тюрьмы. Из этого вытекает следующая характерная особенность тюремного музея.

2. Музеефицированные тюрьмы одновременно аутентичны и инсценированы.

Аутентичность в музеологии традиционно противопоставлялась реконструкции и инсценированию. Но в тех случаях, когда сохранилась

¹⁴⁹ The Clink Prison Museum. – URL: <https://www.clink.co.uk/history-of-clink.html> (дата обращения: 20.04.2022).

лишь малая часть исторически оригинального материального наследия, объект оказывается в промежуточном пространстве между консервацией и реконструкцией. Анализируя «травматические места», А. Ассман назвала это явление «инсценируемой аутентичностью»¹⁵⁰. Подтверждая свою мысль, А. Ассман цитирует Р. Клюгер, автора широко известной книги «Жить дальше» (1992) о детстве и ранней юности, проведенных в немецком концлагере. Клюгер описывает посещение мемориального комплекса Дахау так: «Там все было чисто, ухожено, и требовалось гораздо больше фантазии, чем у обычных людей, чтобы представить себе, что здесь происходило сорок лет тому назад. Камни, доски, бараки, плац для построения. Древесина пахнет свежо и терпко, по просторному плацу разгуливает ветерок, а бараки выглядят прямо-таки гостеприимно. Что тут может прийти в голову, какие ассоциации? Скорее туристический кемпинг, нежели мучения и пытки»¹⁵¹. Нельзя не согласиться с А. Ассман, что в подобных случаях концепция мемориала должна чётко демонстрировать различие между местом, памятным для непосредственных участников фиксируемых событий, и мемориалом, адресованным туристам¹⁵².

Размещённые в бывшем пенитенциарном учреждении, тюремные музеи воспринимаются как подлинные исторические свидетельства, даже если в процессе в музеефикации применены методы художественной реконструкции. В Мельбурне Тюрьма, смоделированная по образцу восточной государственной тюрьмы (Филадельфия) и Пентонвилля (Лондон), расположена недалеко от центра города. Масштаб и симметричный дизайн здания символизируют дисциплину и власть. Оказавшись внутри здания, посетители следуют по длинному коридору с рядами камер, расположенных на трёх этажах. Мрачный интерьер освещён

¹⁵⁰ Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 139

¹⁵¹ Klüger, R. Weiterleben, Eine Jugend, Göttingen / R. Klüger. – Göttingen: Wallstein, 1994. – 285 p.

¹⁵² Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 140

тусклым светом потолочных фонарей. Такие места становятся главной приманкой для туристов, и историческая подлинность в этих случаях не подвергается сомнению¹⁵³.

По мере того как те или иные предметы становятся частью коллекции тюремного музея, они претерпевают культурную трансформацию, переходя от потребительной ценности (в своём первоначальном воплощении) к символической ценности (в своём нынешнем воплощении). Отбор экспонатов как правило осуществляется по одному из трёх критериев:

Во-первых, предпочтение отдается редким или откровенным (интимным) предметам. Так в аргентинском пенитенциарном музее в Буэнос-Айресе, туристы имеют возможность посмотреть на изготовленную заключёнными наркотическую атрибутику (например, бонг), которая представляет собой не только символ девиантного сообщества, но и средством психофизиологического бегства от мук тюремного заключения¹⁵⁴.

Во-вторых, предмет может быть выбран как типичный и репрезентативный для определённой категории. Плетки, выставленные в сиднейских казармах, практически идентичны тем, что экспонируются в музеях Лондона, Мельбурна, Гонконга и других городов.

В-третьих, куратор может выбрать объект из-за его принадлежности выдающемуся человеку или группе¹⁵⁵.

3. Полисемичность тюремных музеев.

Некоторые тюремные музеи воспроизводят идею о том, что лишение свободы – необходимая мера социальной защиты и что современные методы заключения стали более гуманными. Также стоит подчеркнуть различие в представлении образов сотрудников пенитенциарных учреждений и заключённых. В первом случае акцент делается на профессиональных заслугах, подчёркивается вклад, внесенный в работу.

¹⁵³ Welch, M. *Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment* / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 54.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

Когда речь идёт о заключённых, их образы часто подвергаются стигматизации. Подобного рода стереотипы подтверждают государственные, правовые и народные определения того, что представляет собой преступление, и позволяют оправдать осуждение и заключение в качестве надлежащей социальной реакции на противоправные действия.

В том случае, когда в тюремном музее есть мемориальный компонент, повествование в музейной экспозиции ведётся в основном от лица жертв: посетителю предлагается перестать быть сторонним наблюдателем и представить себя на их месте. Идея экспозиции не только в том, чтобы рассказать о прошлом; её этический посыл для настоящего и будущего в том, что важно отстаивать права человека, а тёмные страницы истории не должны повториться.¹⁵⁶ Убедительность этих историй во многом зависит от техники позиционирования и дистанцирования, а также от общей силы музейного эффекта.

4. Музеефицированная тюрьма символизирует культурную власть.

В работе «Рождение музея: история, теория, политика» (1995) известный культуролог Т. Беннет понимает музей как место синтеза культуры и государственной власти, подчеркивая главенствующую роль дисциплинарной функции музеев¹⁵⁷. Французский философ М. Фуко напоминает нам, что ранняя тюрьма была не только учреждением для заключения, но и выставочным пространством, используемым для демонстрации и распространения формирующегося уголовного знания¹⁵⁸. Сегодня некоторые тюремные музеи поддерживают этот нарратив, составляя эмпирическую базу такого научного направления как криминальная антропология.

¹⁵⁶ Хлевнюк, Д. О. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. – М., 2019. – С. 109-110.

¹⁵⁷ Bennett, T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics* / Bennett, T. – London: Routledge, 1995 – 288 p.

¹⁵⁸ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с франц. В. Наумова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – С. 24.

В продолжение темы обратимся к тезису В. Беньямина, сформулированному им в статье «Провинциальный музей»¹⁵⁹. Традиционное оформление музейных экспозиций не зависело от периода, эпохи или стиля, было единообразным и поддерживало репутацию музея, как неподвластного времени объекта. Со временем, развитие музейной эстетики и технологий привели к изменениям картины прошлого. Анализируя процессы преобразования экспозиционной практики, автор находит истоки возникновения музейного интереса к фиксации истории текущего момента. В этом контексте, В. Беньямин говорит об особой «власти» музея, проявляющейся в выборочном увековечивании феноменов настоящего¹⁶⁰. В конечном итоге, такой подход ведёт к увеличению рыночной стоимости и общественной значимости тех или иных феноменов. Чтобы это не отразилось на процессах трансляции исторической памяти параллельно с хронологическим, должен использоваться эволюционный принцип, подчёркивающий значимость тех или иных событий, и отвергающий их намеренное забвение.

Как и все музеи, тюрьма-музей опирается на практику «показа и рассказывания»¹⁶¹, следовательно, экспонирование артефактов рассчитано на воплощение и передачу определённых культурных смыслов и ценностей. Способность музея передавать культурные послания основывается на его репутации сильного и легитимного авторитета. Действительно, музей-это пространство, где людям предлагается исследовать тщательно подобранную коллекцию предметов, документов и изображений, и, хотя посетители имеют свободу передвижения, они по-прежнему ограничены заданным маршрутом.

Возможным условием создания успешного диалога между экспозицией и посетителем музея является отслеживание обратной связи. Первой к

¹⁵⁹ Вальтер Беньямин: новые сочинения / под ред. Е. Шестовой; пер. с англ. О. Гавриковой. – М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2017. – 229 с.

¹⁶⁰ Там же, с. 72-75.

¹⁶¹ Welch, M. Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment / M. Welch. – Oakland: University of California Press, 2015. – P. 63.

вопросам обратной связи в рамках музееведения обратилась Э. Хупер-Гринхилл, включив её в коммуникационный процесс как обязательный элемент. Кроме того, подход Э. Хупер-Гринхилл допускает различное восприятие экспозиции посетителями¹⁶². На практике кураторы музея не всегда учитывают этот факт при разработке экспозиции, выстраивая сюжетную линию выставки в хронологическом или тематическом порядке. Иногда посетитель игнорирует заданный маршрут, выбирая нелогичный, на взгляд создателя экспозиции. Таким образом, посетитель формирует своё прочтение и понимание смысла музейной экспозиции. Помимо передачи информации музей должен обращаться к эмоциям и воображению аудитории, не навязывая точку зрения на значение экспонатов. Эта идея является центральной для концепции «пост-музея», который наряду с важностью знаний специалистов, учитывает мнение посетителей.

Выводы

В разных странах мира пенитенциарная система демонстрирует различные тенденции развития. В Европейских странах сокращение численности заключённых приводит к закрытию тюрем, тогда как в Северной Америке, наоборот, регулярно строятся новые тюрьмы. В России, согласно плану модернизации имущественного фонда системы исполнения наказаний, также ожидается ликвидация ряда объектов и строительство новых. Подавляющее большинство закрытых тюрем подлежит сносу, ибо сохранение всех объектов данного типа невозможно и нецелесообразно. В последнее время всё чаще звучит мнение, что независимо от причин закрытия тюрем относиться к ним нужно как к культурному наследию и соответственным образом решать вопрос их дальнейшей судьбы.

¹⁶² Hooper-Greenhill, E. A New Communication Model for Museums // Museum Languages: Objects & Texts. Ed.G. Kavanagh. Leicester Univ. Press, 1991. – P. 59-60.

В настоящее время бытует множество различных вариантов трансформации старого тюремного фонда. Бывшие тюрьмы используют в качестве кинематографических декораций и выставочных пространств, преобразуют в объекты коммерческой недвижимости (гостиницы, развлекательные и офисные центры), передают образовательным учреждениям и даже переводят в жилой фонд. В России ещё отсутствуют отлаженные механизмы приспособления бывших тюрем к социальным нуждам и бизнес-проектам, так что примеры их использования в таком роде единичны.

На процесс музеефикации тюремных объектов могут влиять идеолого-политические, эстетические, экологические, инфраструктурно-территориальные, экономические и психологические факторы, а также потребность в обеспечении социальной безопасности. Наиболее распространенной формой музеефикации тюрем является консервация. Вторая стратегия предполагает реставрационные работы, в процессе которых воссоздается интерьер тех времен, когда тюрьмы выполняли свои первоначальные функции. Третья стратегия опирается на художественную реконструкцию и используется в бывших местах заключения, где не сохранились камеры, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем. В тех случаях, когда пенитенциарное наследие находится под угрозой исчезновения, альтернативой музеефикации может быть создание виртуальных музеев.

Использование классической музееведческой классификации применительно к тюрьмам-музеям является недостаточным. Актуальная классификация тюрем-музеев должна учитывать не только их ведомственную принадлежность и профильную направленность, но инициаторов и временные рамки создания, охват исторического промежутка в экспозиции, расположение объекта и ассортимент предоставляемых услуг.

Глава 3. Тюрьма-музей в культурном пространстве региона (на примере Западной Сибири)

3.1. Музеефикация «травматического» наследия в тюремных музеях Западной Сибири

Так исторически сложилось, что прошлое Сибири неотделимо от каторги и ссылки. Заселение Сибири осуществлялось не только вольными переселенцами и казаками, но и внушительным числом каторжников и ссыльных, присутствие которых во многом определило особенности социально-экономической эволюции региона. При этом степень участия ссыльных в развитии края напрямую зависела от контингента, характера занятости и периода пребывания. Ссыльные крестьяне приживались легче и быстрее налаживали быт и хозяйство. Другие каторжане составляли основную массу постоянных рабочих в промышленности (золото- и соледобывающей индустриях, винокурении, строительстве путей сообщения)¹⁶³. Несмотря на неоспоримый вклад в развитие промышленного и сельскохозяйственного потенциала Сибири, «система организации ссылки и каторжных работ выступала сдерживающим фактором перехода сибирского общества от традиционного аграрного уклада к преимущественно промышленному»¹⁶⁴. С конца 1920-х гг. на фоне усиления тоталитарного режима начинается активное использование труда заключённых в строительстве объектов промышленности и транспортной инфраструктуры. В стране создается сеть исправительно-трудовых лагерей, имевших чёткую отраслевую направленность и специализацию. К концу 1930 г. в Сиблаге содержались почти 25000 заключённых, чей труд

¹⁶³ Иванов, А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII-XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона / А.А. Иванов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – №1 (27). – С. 50.

¹⁶⁴ Там же, С. 51.

использовался во всех отраслях народного хозяйства¹⁶⁵. В последующие годы советской эпохи пенитенциарная система продолжала разрастаться в регионе.

Наследие российской исправительной системы разнообразно и неоднозначно. Итогом анализа российского опыта музеефикации тюрем стала систематизация сведений о музеях Западной Сибири (Таблица 3.1.). Большинство музеев данного округа открыты по инициативе сотрудников УФСИН и являются ведомственными. Музеи, работающие при действующих учреждениях, либо вообще не доступны для посещения широкой публике, либо имеют существенные ограничения. Примечательно, что все музеи, кроме Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» в г. Томске, были открыты после 2005 года. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, дело в модернизации пенитенциарной системы. Необходимость улучшения условий содержания в тюрьмах и СИЗО потребовала переоборудования и строительства новых зданий, что позволило изъять из эксплуатации старый фонд, представляющий наибольшую ценность с точки зрения музеефикации. Во-вторых, тюрьмы музеи раньше не рассматривались как культурное наследие. В-третьих, свою роль сыграло стремление российских властей развивать внутренний туризм и реализовывать культурно-познавательный потенциал регионов. Выделяемое для этого финансирование позволило провести модернизацию некоторых музейных экспозиций и выставок, а также создать новые музейные комплексы, объединяющие разные виды культурного наследия.

Необходимо отметить, что в настоящее время реализация новых музейных проектов должна соответствовать принципам «Стратегии развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 года», предусматривающей комплексный подход к сохранению материальной и нематериальной составляющих культурного наследия, в

¹⁶⁵ Уйманов, В.Н. Роль СИБЛАГа ОГПУ в экономическом развитии Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник Кузбасского института. – 2011. – №1 (4). – С. 37-42.

том числе природной среды, ландшафта. Считается, что именно комплексный подход создаст основу для создания и распространения востребованных и влиятельных форм актуализации прошлого, и, как следствие, будет способствовать привлечению новой музейной аудитории.

Помимо нацеленности на обеспечение «максимально эффективного использования потенциала музеев Российской Федерации для укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей», стратегия основывается на принципах, вытекающих из природы музея, «как института сохранения исторической памяти народа, хранящего и транслирующего народообразующую систему ценностей»¹⁶⁶.

Далее в этой главе будут подробно рассмотрены кейсы трёх тюремных музеев, расположенных в регионах Западной Сибири, а также проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы. Рассматривая проблему классификации, мы упоминали специфику тюремных музеев, обусловленную временем открытия музея после ликвидации учреждения, а также рядом других характеристик. Применение метода case study позволит самым полным образом продемонстрировать классификационные характеристики разных типов музеев. Описательный case study поможет дополнить рассмотрение показательных примеров личными эмоциями и осмыслением. Для рассмотрения нами были выбраны три музея, имеющих принципиальные особенности. Так, Музей Сибирской каторги и ссылки в г. Тобольск будет рассмотрен в качестве примера включения тюрьмы в музейный комплекс историко-архитектурного заповедника.

Инфраструктура музея-заповедника, в том числе здания и помещения, расположенные в непосредственной близости сервисные предприятия (в том числе кафе и рестораны, экскурсионное бюро, сувенирные магазины)

¹⁶⁶ Стратегия развития деятельности музеев Российской Федерации на период до 2030 года // Союз музеев [сайт]. – URL:http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22197:strategiya-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda&catid=10589&Itemid=176 (дата обращения: 02.06.2022)

являются базовым источником формирования историко-культурной среды. При этом стоит отметить особую роль Русской Православной церкви: на протяжении более 140 лет в Тобольске формировался «центр духовной и материальной культуры, объединивший Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник и Тобольско-Тюменскую епархию»¹⁶⁷. Исторически сложилось, так что, эти объекты имеют единое бытовое пространство, в силу чего со временем «рубежи материальной и духовной культуры органично слились во взаимодействии двух институтов»¹⁶⁸.

Принципиально важной характеристикой этого музея является самый короткий временной промежуток между закрытием тюрьмы и её музеефикацией. К тому же в течение всего существования комплекс тюремных построек не менял своего назначения, что позволило осуществить частичную консервацию объектов музейного показа. Популярность музея среди посетителей и ассортимент, предоставляемых услуг позволяют сделать вывод о высоком уровне интеграции в культурное пространство региона, несмотря на принадлежность к объектам травматического наследия.

Второй объект – Мемориальный музей жертв политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» в Томске. Этот музей также расположен на месте фактического расположения тюрьмы, однако он был открыт через несколько десятилетий после ее упразднения. По этой причине в качестве основной музейной стратегии используется реконструкция. В сравнении с Музеем Сибирской каторги и ссылки, томский музей имеет ярко выраженную мемориальную составляющую, хотя оба места непосредственно причастны к репрессиям. Реализуя мемориальную миссию, томский музей инициирует различные коммеморативные практики, практически игнорируя коммерческую составляющую музейной

¹⁶⁷ Сидорова, Ю.С. Вопросы продуктивной организации социокультурных ресурсов региона (на примере деятельности Тобольского музея-заповедника) // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 4. – С. 101.

¹⁶⁸ Там же.

деятельности: ассортимент платных услуг ограничен экскурсионным обслуживанием.

Третий объект – Церковно-исторический музей в посёлке Ложок Новосибирской области. Он включен в состав Церковного исторического комплекса, в который также входит Церковно-исторический музей Новосибирской епархии Русской православной церкви и Музей колокольного звона сибирского центра колокольного искусства Новосибирской митрополии. Церковный исторический комплекс представляет собой музейно мемориальный проект, координирующий музейно-выставочную, научно-исследовательскую и просветительскую деятельность.

Церковно-исторический музей в посёлке Ложок нам интересен по ряду причин. Как и два предыдущих учреждения, он характеризуется аутентичностью места расположения. Он находится на территории советского Искитимлага, при этом постройки лагеря не сохранились. Музей располагается в цокольном этаже храма новомучеников и исповедников, воздвигнутого в память о священнослужителях, ставших жертвами репрессий. Поскольку музей создан по инициативе церкви, он реализует исключительно просветительскую деятельность, не предоставляя услуг по организации досуга. Кроме того, принципиально отличается организация процесса музейной коммуникации в рамках экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности церковного музея, в первую очередь за счёт дополнения образовательно-воспитательной функций миссионерской и катехизической составляющих.¹⁶⁹

¹⁶⁹ Полякова, Е. А., Лапин, Е. С. Экспозиционная деятельность церковных музеев как пантекстуальный феномен в отражении православной культуры (на примере церковных музеев Западной Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №48. – С. 118-124.

Таблица 3.1.

Тюрьмы-музеи Западной Сибири

№ п/п	Название музея	Год закрытия учреждения	Год открытия музея	Инициатор музеефикации	Метод (стратегия) музеефикации	Травматическая составляющая
1	Музей «Сибирской каторги и ссылки», г. Тобольск	1989	2012	Муниципальные власти	консервация реконструкция вместе со средой	- место массовых расстрелов 1937-1938 гг.
2	Музей «Следственная тюрьма НКВД», г. Томск	1944	1989	общество «Мемориал»	реконструкция	- элемент системы ГУЛАГ
3	«Музей тюремной истории, г. Минусинск	при действующей тюрьме	2014	УФСИН	консервация реконструкция	- элемент системы ГУЛАГ - место массовых расстрелов - аффективный колорит действующего учреждение
4	Красноярский тюремный замок, г. Красноярск	при действующем СИЗО	2009	УФСИН	консервация реконструкция	- аффективный колорит действующего учреждения
5	Музей КТБ-1 ГУФСИН (медицинский пенитенциарный музей) г. Красноярск	при действующей тюрьме	2011	УФСИН		- патологоанатомические экспонаты - аффективный колорит действующего учреждения
6	Церковно-исторический музей пос. Ложок Новосибирская область	1956	2017	РПЦ	реконструкция транслокация	- элемент системы ГУЛАГ
7	Музей СИЗО №1 г. Тюмень	при действующем СИЗО	2009	УФСИН	консервация реконструкция	- аффективный колорит действующего учреждения

В этой связи структура экспозиционно-выставочного пространства включает тематические разделы, посвященные истории православия и описания иконописных образов и священных предметов.

Процесс интеграции травматического наследия в культурное пространство региона целесообразно рассматривать полностью. Учитывая это, мы включили в исследовательское поле пока не осуществлённый проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы. Это долгожданный проект, имеющий большое значение для формирования местной идентичности Тюкалинского района Омской области. Он обещает способствовать росту туристской аттрактивности г. Тюкалинска. История пересыльной тюрьмы сопряжена со многими неоднозначно трактуемыми событиями; их прямые участники также являются героями минувшей эпохи. Анализ тематико-экспозиционного плана позволяет сделать вывод о многофункциональном характере музея с выраженной краеведческой компонентой. В этой связи травматическая составляющая тюрьмы-музея фактически отсутствует. Музейный эффект, обусловленный аутентичностью места, заметно ослабляется колоритом уездного города на Сибирском тракте, культивируемом с подачи районной власти.

3.1.1. Мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» (г. Томск)

Выбор Мемориального музея истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» в качестве показательного примера обусловлен его следующими характеристиками:

1. Аутентичность места расположения. С 1923 по 1944 гг. в здании музея находился следственный изолятор Томского городского отдела ОГПУ-НКВД.

2. Наличие травматической составляющей. В стенах этой тюрьмы было расстреляно более 23 тысяч человек.

3. Выраженный мемориальный характер музея предопределяет структуру экспозиции, которая включает личные вещи репрессированных, письма и огромное количество архивной документации (копии и оригиналы расстрельных дел, приказы, распоряжения НКВД и многое другое). На территории, прилегающей к музею, разбит Сквер Памяти. В период с 1992 по 2011 гг. здесь был установлен памятник жертвам большевистского террора на томской земле, памятные знаки репрессированным калмыкам, полякам, эстонцам, латышам и литовцам. Музей и Сквер Памяти представляют собой единый мемориальный комплекс¹⁷⁰. Реализуя мемориальную миссию, музей ведёт просветительскую деятельность, оказывает методическую и информационную помощь различным музеям Томска и Томской области.

4. Применение реконструкции, как основного метода музеефикации.

5. Инициатива открытия музея принадлежит общественной организации.

История музея

После закрытия тюрьмы в помещениях, включая камеры, был проведён ремонт, специфическое тюремное оснащение (двери камер, оконные решетки и т.п.) было демонтировано. Здание бывшей тюрьмы по-прежнему находилось в ведомстве НКВД, но теперь в качестве жилого дома для его сотрудников. Идея создания музея принадлежит членам исторической секции Томского областного общества «Мемориал», образованного в 1988 году. Изначально музей назывался «Музеем политической истории», но так как ему принадлежал только подвал здания, а основной его тематикой стала история политических репрессий, было принято решение изменить название на «Следственная тюрьма НКВД»¹⁷¹.

¹⁷⁰ Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» [сайт]. – URL: <https://nkvd.tomsk.ru/about/> (дата обращения: 28.05.2022)

¹⁷¹ Стаф, В. С. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГА // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77209/1/qr_3_2019_07.pdf (дата обращения: 01.10.2021)

Хотя экспозиция вошла в состав краеведческого музея и пользовалась поддержкой властей, оставался нерешённым имущественный вопрос. Музей долгое время находился под угрозой выселения и соседствовал с игровым клубом.

В настоящее время Музей «Следственная тюрьма НКВД» остаётся филиалом Томского областного краеведческого музея имени М.Б. Шатилова. 29 января 2022 г. состоялась последняя экскурсия перед закрытием музея на ремонт. Благодаря переходу здания в собственность Фонда Памяти жертв политических репрессий, экспозиционная площадь существенно увеличится, музей получит возможность развивать просветительскую деятельность в новых направлениях. Открытие обновлённой экспозиции запланировано на конец 2022 года.

Характеристика экспозиции и анализ экскурсии

До закрытия на ремонт постоянная экспозиция занимала четыре зала, представляющие собой помещения бывших тюремных камер. Был реконструирован тюремный коридор, восстановлены интерьеры камеры для подследственных заключённых и кабинет следователя. Так как с момента закрытия тюрьмы до открытия музея прошло 45 лет, в восстановленном интерьере использованы подлинные предметы из других тюрем. В частности, двери камер были предоставлены Томским следственным изолятором. В структуру экспозиции вошли разделы, всесторонне освещающие период сталинских репрессий. Разделы: «Хроника репрессий на Томской земле» и «Большой террор» – знакомят посетителей с документальными свидетельствами, подтверждающими масштаб злодеяний.

Раздел «Расстрельный крест» посвящён людям, приговорённым к высшей мере наказания и казнённым в Расстрельном рве Каштачной горы в Томске. Их фото экспонируются в виде большого креста. Следующий раздел «Колпашевский яр» рассказывает о ещё одном расстрельном месте, информация о котором осталась бы скрытой, если бы не половодье на Оби в

1979 году. Накануне майских праздников берег реки обвалился и обнаружил массовые захоронения расстрелянных. Выставка «Белостокская трагедия» в деталях раскрывает подробности «Польской операции НКВД» проведенной в 1937–1938 гг. Тогда около 100 человек (почти всё взрослое мужское население с. Белосток) были арестованы и расстреляны¹⁷². Разделы: «Их трагические судьбы», «Судьба священника», «ГУЛАГ и спецпереселенцы Нарымского края» – конкретизируют информацию о жертвах репрессий, предлагая вниманию посетителей следственные дела, фотографии, личные вещи, письма, поделки из дерева и камня, вышивки и рисунки. Завершают экспозицию персональные стенды с биографическими материалами и документами поэта Н.А. Клюева, философа Г.Г. Шпета, одного из первых директоров Томского краевого музея М.Б. Шатилова и многих других¹⁷³.

Анализ восприятия музейной интерпретации «трудного» наследия

Сформировать общее представление о восприятии музейной экспозиции нам позволил анализ отзывов посетителей. В качестве эмпирической базы мы использовали отзывы, размещенные на ресурсах наиболее популярных поисковых систем: Яндекс и Гугл. Это наиболее востребованные системы, поддерживаемые всеми видами мобильных устройств. Инструментарий геосервисов «Яндекс.Карты» и «Гугл Мэпс» позволяет просматривать отзывы практически о любом объекте, добавлять его в маршрут, ориентируясь на рейтинг, в том числе оффлайн. Стоит также обратить внимание на то, что пользователи таких сервисов оставляют отзывы добровольно и, при желании, анонимно. И, в отличие от реальных книг отзывов, не стесняются высказываться негативно.

¹⁷² Белостокская трагедия // Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» – URL: https://nkvd.tomsk.ru/researches/history_investigation/belostoktragedy/ (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁷³ О музее // Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» – URL: <https://nkvd.tomsk.ru/about/> (дата обращения: 25.04.2022).

Поисковая система Яндекс в настоящее время содержит 83 отзыв посетителей музея, Гугл – 466. На сайте музея доступна электронная версия книги отзывов, в которой отзывы распределены по году поступления. В своём исследовании мы сосредоточились на содержании отзывов без учёта половозрастных характеристик. Подавляющее большинство отзывов содержат положительную оценку музея. Негативные отзывы в основном не имеют отношения к экспозиции. В них упоминаются неудобство парковки, маленькая площадь помещения, нерасторопность обслуживающего персонала. Содержание экспозиции, которая, несмотря на небольшую площадь помещения, очень информативна, является неоспоримым достоинством. Отмечая профессионализм экскурсоводов, посетители подчеркивают, что их комментарии необходимы для понимания содержащихся в экспонируемых документах сведений:

«Без экскурсовода не берите! Не вольётесь в суть данного музея»¹⁷⁴.

«Просто смотреть не цепляет. Нужна экскурсия. За каждым экспонатом, за каждым документом стоит история. Горькая, страшная, ужасная... И это необходимо знать всем, чтобы никогда не повторяться. Репрессии ещё хуже войны»¹⁷⁵.

«Хороший музей с прекрасной экспозицией. Посещение рекомендую с экскурсоводом»¹⁷⁶.

У некоторых посетителей желание прослушать экскурсию возникает после самостоятельного осмотра:

«Этот музей значился обязательным пунктом посещения в Томске. Мы знали, куда шли, и что ожидать. Музей маленький, в первый раз мы были там без гида, походили, посмотрели полчаса, но вернулись через час

¹⁷⁴ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁷⁵ Там же

¹⁷⁶ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=Томский+мемориальный+музей+истории+политических+репрессий+отзывы&lr=66> (дата обращения: 22.04.2022)

на экскурсию. И не пожалели. Женщина-экскурсовод погрузила нас в ту реальность. Все мы изучали историю, смотрели фильмы, слышали что-то от родственников, но то, что поведала нам экскурсовод, не могло оставить равнодушным никого. Женщины едва сдерживали слезы, да и сама экскурсовод видно было, что в какой-то момент с трудом взяла себя в руки (...). 2 часа экскурсии пролетели незаметно, вышли опустошённые, с тяжестью в душе. Это наша история, мы должны ее помнить. Спасибо работникам музея!»¹⁷⁷.

Знакомство с искалеченными судьбами людей оказывает сильное психо-эмоциональное воздействие на многих посетителей:

«От услышанного и увиденного здесь подкашиваются ноги»¹⁷⁸.

На других гораздо более сильное впечатление производит политический подтекст. В разнообразии противоречивых мнений в полной мере проявляется специфика тюрьмы-музея как объекта диссонантного наследия:

«Редкий тип музея, где представлена информация о времени, о котором не любят рассказывать правду. Рекомендую. Хорошая прививка от меланхолии и иллюзий по поводу жизни в СССР»¹⁷⁹.

«Я не увидел в этом музее ничего позитивного, просто перечисляются жертвы режима и изуверские истории. Этот памятник истории ничему не учит. Очередной гвоздь в гроб СССР»¹⁸⁰.

«Из положительных моментов: можно взглянуть на материалы уголовных дел и наглядно убедиться, за какое “ни за что” были осуждены те, кого в настоящее время величают “жертвами кровавого режима”, а с

¹⁷⁷ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁷⁸ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=Томский+мемориальный+музей+истории+политических+репрессий+отзывы&lr=66> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁷⁹ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁸⁰ Там же

точки зрения законодательства – простые уголовники. Также многие экспонаты были довольно интересны. Всё остальное – абсолютная мерзость, которую ещё сильнее усугубляет экскурсовод, навязывающий посетителям негативное отношение к Иосифу Виссарионовичу Сталину, Народному Комиссариату Внутренних Дел, как к структуре, и ко всему Советскому государству вообще. До многих всё никак не доходит, что НКВД боролся в первую очередь с ворами, убийцами и саботажниками. Для любого адекватного человека васильковая фуражка с алым околышем – атрибут человека, который посвятил свою жизнь защите своей страны и своего народа. И ненависть к такому человеку может испытывать лишь последний негодяй»¹⁸¹.

Необходимо отметить, что противоречия порой спровоцированы экскурсоводом: *«Много информации собрали по данной теме. Но вообще, место не для всех. Тяжело все это переварить. Тягостный осадок. Да еще наш экскурсовод вешал нам свое мнение о Советском Союзе, о людях и т.д. Я сама экскурсовод, и было неприятно слушать, как нам навязывается какая-то его позиция, его отношение»¹⁸².*

«Любопытное место (...), но должен отметить, что было удивительно встретить в таком месте экскурсовода, практически открыто топящего за Сталина. Мне всё понравилось, и экскурсия, но я удивлён»¹⁸³.

Часто высказывается мнение о воспитательной и профилактической роли музея: *«Это место надо посетить каждому... И особенно радикально настроенной молодёжи...»¹⁸⁴.*

¹⁸¹ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=Томский+мемориальный+музей+истории+политических+репрессий+отзывы&lr=66> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁸² Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁸³ Там же

¹⁸⁴ Там же

«Предлагаю обязать к посещению всех чиновников перед вступлением в должность»¹⁸⁵.

«Очень интересная выставка, печальная и поучительная»¹⁸⁶

Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» является первым опытом музеефикации наследия ГУЛАГа в России. Возникший по частной инициативе, музей долгое время боролся с пренебрежением со стороны местных властей и отсутствием финансирования. Преодолевая трудности, кураторы музея продолжали работу и для многих потомков жертв репрессий стали своего рода «доверенными лицами». Коллекции музея пополнялись уникальными экспонатами из семейных архивов, позволившими вести рассказ о репрессиях от лица жертв и их близких. Иницилируя различные коммеморативные практики, как, например, проект «Последний адрес», музей претендует на роль авторитетного эксперта в теме репрессий и транслирует обществу категорично-негативную оценку этих событий прошлого. В целом, можно констатировать высокий уровень культурной интеграции музея «Следственная тюрьма НКВД» в культурное пространство региона. Он по праву считается одним из обязательных к посещению мест в г. Томске.

3.1.2. Музей Сибирской каторги и ссылки (г. Тобольск)

Любой тюремный музей представляет собой амбивалентное пространство. С одной стороны, он является культурным учреждением, реализующим познавательно-досуговую деятельность. С другой стороны, это место формирования общественного диалога, площадка для обсуждения

¹⁸⁵ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁸⁶ Томский мемориальный музей истории политических репрессий. Отзывы // Поисковая система Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=Томский+мемориальный+музей+истории+политических+репрессий+отзывы&lr=66> (дата обращения: 22.04.2022)

важнейших социальных проблем. Особенно, если тюрьма служит локусом трагических событий¹⁸⁷.

Выбор Музея Сибирской каторги и ссылки в г. Тобольск в качестве показательного примера обусловлен его следующими характеристиками:

1. В соответствии с разработанной нами во второй главе моделью классификации тюрем-музеев, принципиально важной характеристикой музея является аутентичность места его расположения. С позиции музееведения, аутентичность «самый убедительный ресурс, так как он показателен визуальностью и влиятелен трансляцией»¹⁸⁸.

2. Тобольский музей – один из немногих, открытых в сравнительно небольшой период после закрытия пенитенциарного учреждения. Именно это обусловило возможность использования консервации как метода музеефикации. К тому же на протяжении всей истории существования комплекс построек Тюремного замка не менял своего функционального назначения.

3. Чёткое деление экспозиции на тематические разделы в соответствии с историческим промежутком времени, позволяет выявить возможные различия в интерпретации событий прошлого.

4. Травматическая составляющая – место массовых расстрелов в 1937-1938 гг.

5. Популярность музея и наличие дополнительных услуг свидетельствуют о высоком уровне интеграции музея в культурное пространство региона.

История создания музея

Тюрьма, расположенная в замке, построенном в северо-западной части Тобольского кремля, открылась в 1855 году. На территории замка

¹⁸⁷ Постная, Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // INTER. – 2016. – №12. – С. 77.

¹⁸⁸ Сидорова, Ю.С. Вопросы продуктивной организации социокультурных ресурсов региона (на примере деятельности Тобольского музея-заповедника) // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 4. – С. 101.

располагалось пять корпусов: штабной, больничной, этапной, для особо опасных преступников и для политических заключённых. При каждом корпусе имелся прогулочный дворик. Режим тобольской каторжной тюрьмы считался самым тяжелым из всех каторжных тюрем России. С 1937 по 1938 гг. в Тобольске было расстреляно 2500 человек, из которых только в ночь на 14 октября 1937 года – 217 осужденных. В 1941 году в Тобольск были эвакуированы заключённые из московской бутырской тюрьмы. С этих пор тюремный замок оставался местом содержания наиболее опасных преступников: тюрьма получила статус спецучреждения с самым строгим режимом и действовала до 1989 года.

Официальное открытие музея в Тобольском тюремном замке состоялось 1 ноября 2012 года¹⁸⁹. Первыми объектами музейного показа на территории Тюремного замка стали карцеры и прогулочные дворики. Позднее стал открыт для посещения арестантский корпус № 1 и подземный ход для безопасного перевода осуждённых на работы в мастерские. В настоящее время Музей Сибирской каторги и ссылки является одним из ключевых объектов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

Характеристика экспозиции и анализ экскурсии

Индивидуальная экскурсия проводится профессиональным историком в формате презентации. В экспозиции два больших тематических раздела: Царская тюрьма и Советская тюрьма. Царская тюрьма располагается на втором этаже отреставрированного здания со свежим ремонтом, большими окнами. Воссоздана обстановка камер. Светлое просторное помещение не вызывает негативных ассоциаций, связанных с тюрьмой, несмотря на аутентичность места, большое количество фотографий и подлинных экспонатов. Манекен, изображающий надзирателя, – румяный, усатый

¹⁸⁹ Тайны тобольского тюремного замка // Тобольский городской Интернет-портал «Тобольск-Информ». – URL: <https://tobolsk.info/istoriya-tobolska/mesta/11403-tajny-tobolskogo-tyuremnogo-zamka> (дата обращения: 23.03.2022).

мужчина в форме – скорее напоминает зазывалу. В погожий летний день, когда из окон льётся солнечный свет, это место можно даже назвать приятным. Тем более, когда экскурсовод рассказывает историю пребывания в заключении М.И. Михайлова, который, только представьте, мог закрыться в камере изнутри. Экскурсовод рассказывает о писателях, чьи судьбы связаны с Тобольской ссылкой. Цитаты из их произведений размещены на стенах тюремного коридора.

После осмотра царской тюрьмы экскурсанты спускаются в Церковь Александра Невского, которая в советские времена использовалась как склад. Сейчас здесь проходят службы, восстановлено убранство. На стенах размещены списки репрессированных в период с 1937 по 1938 гг. Имена крестьян и простых рабочих перечисляются с указанием дат расстрела и реабилитации. В некоторых случаях разница во времени составляет всего несколько месяцев.

Вторая часть экспозиции рассказывает о работе тобольской тюрьмы в советский период до закрытия учреждения. Необходимо отметить колоссальный контраст с представлениями о царской тюрьме, помещения которой воссоздавались по фотографиям и другим историческим свидетельствам. При создании экспозиции «советской» части кураторы музея старались максимально сохранить всю обстановку. Холодные, даже летом, помещения с выкрашенными тёмно-синей краской стенами, камеры, карцеры, сырые подземные переходы с тусклым освещением. Музейная консервация началась с санитарной обработки.

На момент ликвидации в 1989 году тобольская тюрьма была местом заключения рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления. Условия их содержания соответствовали тяжести преступлений. Но после рассказа о репрессиях и посещения Церкви создается впечатление, что здесь мучили почти неповинных людей. Заканчивается экскурсия осмотром прогулочных двориков и территории, на которой располагались мастерские. По дороге к мемориальному камню, установленному у восстановленной

расстрельной стены, экскурсовод рассказывает историю побега двух заключённых. Он закончился неудачно: беглецов быстро поймали с помощью горожан. Почему-то невольно возникает сочувствие преступникам, которые были вынуждены вернуться в это страшное учреждение.

Анализ восприятия музейной интерпретации «трудного» наследия

В разгар туристического сезона Тюремный замок посещает самая разнообразная публика. Родители рассматривают фото каторжников и кандалы, а потом вместе с детьми дошкольного возраста осматривают камеры и карцеры советской тюрьмы.

В настоящее время поисковая система Яндекс содержит 46 отзывов посетителей музея, Гугл – 48. Чаще всего посетители музея положительно отзываются об исторической составляющей экскурсии. Причём основу положительных впечатлений формирует подлинность места. Информативная экспозиция вполне доступна для понимания без экскурсовода, однако большинство пользователей отмечают, что экскурсия с гидом гораздо интереснее. Таким образом, проявляется противоречивый характер музея как объекта «трудного» наследия: люди, посетившие музей без экскурсовода отмечают качество экспозиции, называют её интересной, но крайне редко характеризуют тюрьму как место трагических событий. Те, кто прослушал экскурсию, эмоционально высказываются о гнетущем впечатлении, произведённом посещением музея. При этом люди говорят именно о периоде репрессий:

«Попадая внутрь, наваливается ощущение горя и страданий. На стене жертв репрессий столько имён, столько ужаса. Пятёрка за организацию комплекса. Нельзя давать положительную оценку политическим репрессиям, жестокости и насилию»¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Музей Сибирской каторги и ссылки. Тюремный замок. Отзывы // Поисковая система Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/profile/201686953258> (дата обращения: 10.04.2022).

В подавляющем большинстве отзывов посетителей, воспользовавшихся услугами экскурсовода, даётся высокая оценка работы экскурсоводов, подчёркивается их профессионализм и увлечённость. Обзорная экскурсия по музею не имеет возрастных ограничений, и некоторые посетители отмечают, что в этот музей *«хорошо бы всех детей водить, глядишь, и поменьше жуликов бы было»*¹⁹¹. Мнение о воспитательной функции тюремных музеев высказывается довольно часто, однако при этом всегда нужно учитывать возраст посетителей, а также общий контекст экскурсии. В этой связи стоит обратить внимание на фрагмент отзыва одной из родительниц, текст которого, как и в предыдущих случаях, мы приводим, сохраняя стиль и орфографию:

«Ходили сегодня с ребёнком в тюремный замок. Не понравилось. Там сделали хороший ремонт, стены побелены, чисто, сухо и тепло. Никакой аутентичности, было не страшно и не слишком интересно. Множество однотипных камер и карцеров, где так же чисто и тепло. Особенно позабавили фотозоны, где можно было фотографироваться за плоской фигурой заключённого, вставив своё лицо вместо его лица в вырезанное отверстие, либо за решеткой, накинув на себя арестантскую робу и вставив руки в кандалы, закреплённые на решетке. Желания фотографироваться не возникало. Как и не было желания просто фотографировать ребенка в какой-либо камере. Хоть я и не суеверная, но примерять на него роль заключённого, нафиг надо. Прошли всю экспозицию достаточно быстро, за час. (...) Разговаривала с человеком, который был тут практически сразу после того, как закрыли тюрьму, говорит, что была намного интереснее. И ещё один момент: экспозиция открыта в здании женской тюрьмы, а в мужском здании сейчас хостел «Узник».

¹⁹¹ Музей Сибирской каторги и ссылки. Тюремный замок. Отзывы // Поисковая система Яндекс. – URL: <https://yandex.ru/profile/201686953258> (дата обращения: 10.04.2022).

Хотелось бы посмотреть на тех, кто пожелал там остановиться, я бы на это не согласилась»¹⁹².

К сожалению, в отзыве не указан возраст ребёнка, которому родители, возможно, с воспитательными целями готовы показать тюрьму без прикрас. Очевидно, посетители не воспользовались услугами экскурсовода. Может быть, поэтому посещение музея оказалось недостаточно интересным. В подтверждение этой гипотезы обратим внимание на отзыв ученика 11 класса, посетившего экскурсию:

«Хочется поблагодарить экскурсовода Наюля, очень интересно всё рассказано, на понятном для молодёжи языке, хотелось слушать и слушать, жаль, что всё быстро закончилось, замечательная экскурсия, Наюлю большое спасибо, вы лучший!»¹⁹³.

В своём стремлении быть интересным для любой публики Музей Сибирской каторги и ссылки следует новейшим тенденциям. Помимо традиционных форм экскурсионного обслуживания были разработаны квесты и мастер-классы. Интерактивные мероприятия имеют возрастные ограничения: игра «Наступит ночь, и проснётся мафия» доступна для лиц старше 16 лет. Мастер-классы: «Попилили» и «О пользе геометрии» – имеют возрастное ограничение 12+. Для совершеннолетних посетителей разработано два квеста: «Побег из Тюремного замка» и «22 метра». Участникам предстоит выполнить сложнейшие задания и самостоятельно найти способы освобождения из тюремного заточения. В основе сюжета – реальные события, произошедшие в Тобольской тюрьме строгого режима во второй половине XX века¹⁹⁴.

¹⁹² Тюремный замок. Музей Сибирской каторги и ссылки. Отзывы // Google. URL: <https://www.google.com/travel/entity/key/ChkI7ujIq8rkv4cSGg0vZy8xMWMYbGNkeGc1EAQ> (дата обращения: 10.04.2022)

¹⁹³ Там же

¹⁹⁴ Музей Сибирской каторги и ссылки // Сайт Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. – URL: tyutiamz.ru/home-rus/remnyj-zamok.html (дата обращения: 20.03.2022).

Можно предположить, что подобного рода экскурсионные аттракционы не соответствуют профилю музея, посвящённого «трудному наследию», и в особенности его травматической составляющей. В действительности, такие технологии призваны в какой-то мере нейтрализовать негатив тюремного контекста, но не избавиться от скорби, а подчеркнуть ценность продолжающейся вокруг жизни.

Рассказывая о своих впечатлениях, хотим отметить своеобразный крен в сторону мемориальности. Тема увековечивания памяти жертв репрессий красной нитью проходит через всю экскурсию. Это не критическое замечание в адрес кураторов музея, а скорее подтверждение злободневности вопроса, который так долго замалчивался. Осмелимся предположить, что если бы тема репрессий начала прорабатываться российским обществом раньше, в умах посетителей Тюремного замка не возникало бы сочувствия к тем, кто отбывал здесь заслуженное наказание.

Историки справедливо отмечают, что Тобольская тюрьма имела репутацию гиблого места, и во все времена заключение в ней считалось страшным наказанием. Вместе с тем в истории тюрьмы было два периода гуманизации условий содержания. Первый период пришёлся на 1910–1920 гг., второй – на 1950–1960 гг. В обоих случаях попытки усовершенствовать исправительную систему закончились ухудшением дисциплины и спровоцировали преступную активность осуждённых. Во времена хрущёвской оттепели сложилась парадоксальная ситуация. Питание у заключённых было лучше, чем у большей части населения региона. Работала богатейшая библиотека, регулярно проводились кинопоказы, было организовано индивидуальное обучение для заключённых. В отношении особо опасных преступников действовал запрет на работы. Всё это лишний раз заостряет проблему определения баланса между тяжестью преступления и условиями исполнения наказания, «между

положением осужденных и беднейших слоёв общества, а также между степенью государственной заботы о тех и других»¹⁹⁵.

Тюрьмы – это места, неотъемлемую часть чьей истории составляют насилие, смерть, попытки побега, социальная несправедливость и ошибки правосудия. Учитывая неоднозначность мнения общества и противоречивую интерпретацию этих явлений, сложное отношение к музеефикации этих объектов вполне объяснимо. Являясь хранителями памяти о наказании, тюремные музеи осуждают или оправдывают политический режим, крайне редко оставаясь нейтральными в этом вопросе. Так и Тобольский музей Сибирской каторги и ссылки невольно противопоставляет царскую тюрьму советской пенитенциарной системе, подчеркивая жёсткость режима последней на фоне надуманной «благостности» первой. В этой связи ещё большую важность приобретают формы коммуникации музея с посетителями. Традиционная экскурсия оказывается много более эффективным способом трансляции исторической оценки тех или иных событий, чем интерактивные формы взаимодействия. Мастер-классы, квесты и игры в силу преобладания развлекательной составляющей неспособны на это в такой же степени.

3.1.3. Церковно-исторический музей при храме в честь новомучеников и исповедников церкви русской (пос. Ложок, Новосибирская область)

Выбор Церковно-исторического музея при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви русской в качестве показательного примера обусловлен следующими его характеристиками:

1. Аутентичность места расположения, при практически полном отсутствии сохранившихся материальных свидетельств.
2. Выраженный мемориальный характер музея.

¹⁹⁵ Науменко, О.Н., Науменко, Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история. – 2017. – № 3. – С. 204.

3. Применение реконструкции и транслокации как методов музеефикации

4. Инициатива открытия музея, принадлежавшая РПЦ.

История музея

Посёлок Ложок Искитимского района Новосибирской области был известен на всю страну штрафным лагерем строгого режима, который функционировал с 1929 по 1956 гг. В лагере «Ложок» было три отделения: мужское, женское и детское (для жен и родственников врагов народа). Заключённые: уголовные, политические и священнослужители – работали в карьерах на добыче известняка и мрамора. Многие погибали от тяжёлого труда, голода и заболеваний: известковая пыль разъедала лёгкие и кожу. Тех, кто больше не мог выходить на работу, расстреливали. Считается, что именно после расстрела большой группы священнослужителей в 1940-х годах из-под земли забил родник. Вода имела приятный вкус и аромат, а уже через некоторое время появившийся родник стали именовать святым источником. Местные сравнивают Ложок с общей могилой тысяч заключённых. Люди убеждены, что души мучеников, погибших на этом месте, помогают больным исцеляться. В память о жертвах был установлен поклонный крест. Территория перешла в ведение Искитимской епархии, которая начала её облагораживать.

В 2015 году на ней был возведён храм. В конце того года началась разработка дизайн-проекта будущего музея. В июле 2017 г. проект был принят и стал частью Церковного исторического комплекса, состоящего из трёх музеев, призванных сохранять историю Церкви и православия. В 2018 году была завершена отделка помещений, и началось изготовление витрин, макетов и стендов. Над созданием уникального контента трудился руководитель церковно-исторического проекта Новосибирской митрополии «Сохраним наследие» протоиерей Игорь Затолокин.

Характеристика экспозиции

В настоящее время экспозиция включает 16 витрин, 22 стенда и интерактивные панели. На стендах представлена информация о гонениях на Русскую церковь в XX веке и возникновении системы ГУЛАГ. Подробно описана структура СибЛАГа, частью которого являлся Искитимский штрафной лагерь. В выставочных залах и вестибюле демонстрируются более 100 экспонатов, фотографии и документы из личных дел репрессированного духовенства, которые были переданы Новосибирской епархии в 2009 году УФСБ РФ по Новосибирской области. Среди уникальных экспонатов – личные вещи священномученика Николая Ермолова, переданные музеем его внуками.

Важнейшей особенностью музея является его краеведческая направленность. В экспозиции представлены археологические находки на территории этой области времён Гражданской войны. Богослужебные предметы, употребляемые в середине XX века, иконы, разбитые при разрушении храмов фрагменты колоколов, вещи священнослужителей, пострадавших за веру, узников лагерей в Западносибирском регионе и другие экспонаты.

Анализ восприятия музейной интерпретации

«трудного» наследия и методы коммуникации с посетителями

В Поисковых системах Яндекс и Гугл профайла Церковно-исторический музея нет, поэтому мы провели анализ отзывов о посещении Святого источника, на чьей территории он расположен. Поисковая система Яндекс содержит всего 5 отзывов, тогда как Гугл –1321. Сам источник и прилегающая к нему территория являются не только местом паломничества, но и туристско-рекреационной зоной. Судя по количеству отзывов, это место очень востребовано. Анализируя их содержание, мы вынуждены констатировать, что о существовании музея знают немногие. Из огромного массива отзывов мы выделили совсем небольшое количество, в которых

упоминается музей. К сожалению, в первую очередь люди говорят вовсе не об экспозиции:

«Очень интересное место со страшной, трагической историей. Вода вкусная и очень холодная. Раздевалка в купальне маленькая, но ощущения от погружения в ледяную воду непередаваемые!»¹⁹⁶.

«Великолепное место!! Большая парковка, 2 купели, источник, храм и даже музей. Такая красота совсем рядом!!»¹⁹⁷.

«Очень красивое место, музей открыли. Есть где можно перекусить, попить чай»¹⁹⁸.

«Я очень люблю это святое место, много лет часто сюда приезжаю, привожу гостей. Иногда окунаемся в купальню, но на улице, всегда заходим в храм, правда в самом храме не смиренные работники, порой остаётся негативное впечатление. Очень невнятно работает музей. Хотя сам музей, при первом посещении, меня глубоко потряс. Музей всем советую посетить, почитайте внимательно документы, посмотрите на экспонаты. Наша история»¹⁹⁹.

Остальные отзывы свидетельствуют о том, что территория Святого источника является для местного населения в первую очередь местом отдыха:

«Красивое святое место. Есть возможность подъехать поближе к озеру, приготовить шашлык, полюбоваться закатом»²⁰⁰.

«Основная достопримечательность места – ключ с ледяной водой, которая не прогревается даже летом»²⁰¹.

Народная молва о трагическом прошлом этого места стимулирует некоторых людей к поиску дополнительной информации, и

¹⁹⁶ Ложок, Святой источник, Новосибирская обл. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁹⁷ Там же

¹⁹⁸ Там же

¹⁹⁹ Ложок, Святой источник, Новосибирская обл. Отзывы // Поисковая система Google. – URL: <https://www.google.ru/search> (дата обращения: 22.04.2022)

²⁰⁰ Там же

²⁰¹ Там же

просветительская деятельность Церкви отчасти этому способствует. Именно паломники и прихожане храма являются наиболее осведомлённой аудиторией. Таким образом, можно сказать, что музей находится на начальной стадии интеграции в культурное пространство региона.

Вообще говоря, в мире есть множество примеров превращения мемориальных и травматических мест в музейно-рекреационные комплексы, например, мемориальные комплексы на месте концлагерей Бухенвальд и Дахау. И это не свидетельствует только о забвении трагических событий. Посредством объединения мемориального и рекреационного элементов в принципе может поощряться разговор о травматических событиях.

3.2. Проект музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы

История города Тюкалинск началась в 1758 году, когда инженер-поручик Бутенев спроектировал деревню на 30 дворов на берегу реки Тюкалки. В 1763 году в связи со смещением Московско-Сибирского тракта здесь основали ямскую слободу²⁰². В 1823 году ямская слобода Тюкала получила статус заштатного города, а 26 ноября 1876 г. стала окружным городом Тюкалинского округа Тобольской губернии. К этому времени в городе насчитывалось более 700 жилых домов, функционировали две церкви, приходское и двухклассное училища. К началу XX века работали 27 тюкалинских заводов и фабрик, велась торговля продовольствием, пушниной, в том числе на экспорт. Тюкалинск являлся перевалочным пунктом для ссыльных, отправленных из центральных регионов России этапом на восток. Сначала в городе появился острог, а к концу XIX века был построен Тюремный замок. После строительства железной дороги

²⁰² Ляликов, И.В. Градостроительство малых городов юга Западной Сибири в XVIII – второй половине XIX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. – 2013. № 2. – С. 87-94.

Сибирский тракт постепенно стал утрачивать важность, из-за чего замедлилось развитие Тюкалинска.

Современный Тюкалинск является административным центром одноимённого района, а часть исторического Московско-сибирского тракта дублируется автомобильной дорогой федерального значения Р-402. Тюкалинск занимает третье место в Омской области, после Омска и Тары, по количеству историко-архитектурных памятников: здесь насчитывается 37 объектов, 29 из которых являются памятниками регионального значения. Наличие большого количества исторически ценных объектов, а также расположение в непосредственной близости от федеральной трассы являются ключевыми факторами для развития местного туризма и туристско-экскурсионной деятельности.

В соответствии с проектом музеефикации, расположение экспозиции «Тюкалинск. Уездная тюрьма и ссылка» планируется в филиале Тюкалинского историко-краеведческого музея (ул. Ленина, 41). По ведомственной принадлежности музей является муниципальным. Профиль музея: исторический. Жанр экспозиции: музей-экспозиция с элементами интерактива. Экспонаты будут размещены в шести (с учётом коридора) помещениях первого этажа административного здания Тюкалинского сельско-хозяйственного техникума.

В музейно-выставочный комплекс входят следующие строения:

1. Тюремный замок (1887, автор проекта А. Г. Просянников, производитель работ А. Даугель) (рис. 1). В 1994 году двухэтажному зданию тюремного замка присвоен статус памятника истории и культуры. В согласии с первоначальной функцией (городская тюрьма), здание имеет коридорную планировочную схему. В результате реконструкции в середине XX века появились два пристроя и дополнительные дверные проёмы, было заложено несколько оконных проёмов²⁰³. В 1930-е годы была

²⁰³ Гуменюк, А.Н., Балюта, П.А. Памятники архитектуры г. Тюкалинска конца XIX – начала XX вв. Каталог / А.Н. Гуменюк, П.А. Балюта // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 236.

демонтирована металлическая ограда и возведён пристрой, в котором расположился актовый зал.

Рисунок 1. Тюремный замок²⁰⁴

Примечательно, что для строительства старого здания тюрьмы только часть кирпича производили в Тюкалинске, остальной привозили из Свердловска (Екатеринбурга).

2. Управление тюрьмы с кордегардией (1896 г., архитектор А. Даугель). В отличие от остальных построек комплекса, в конструкцию двухэтажного здания управления тюрьмы (оно же Дом исправника) не было внесено никаких изменений (рис. 2). Первоначальная функция – общественное здание – предусматривала комбинированную планировочную схему (сочетание коридорной и анфиладной).

Исправник занимал второй этаж, первый этаж занимали арестованные. Дом находился в собственности у купца Волкова, который сдавал его тюремной казне. С 1930 года помещение отдано для сельскохозяйственного техникума. На втором этаже тюрьмы в одиночной камере сидел первый председатель исполкома Тюкалинского уездного Совета, большевик Павел Усольцев. Напротив его камеры находился карцер. В тюрьме Павел Усольцев писал письма на бересте, делал чертежи тюремных зданий. На

²⁰⁴ Туризм в Тюкалинске. – URL: <https://tukalinskinfo.ru/turizm/44-proektur> (дата обращения: 28.05.2022).

первом этаже, прямо по коридору, слева, находилась дверь в подземный ход, который вёл в солдатскую казарму.

Рисунок 2. Управление тюрьмы с кордегардией
(фото 2021 года)

3. Тюремный лазарет (1986, архитектор А. Даугель) представляет собой прямоугольное одноэтажное здание с коридорной планировочной схемой. До нашего времени сохранилось требование для Тюкалинской тюремной больницы на 6 ноября 1899 года. Первоначальная конструкция здания дополнена двумя пристроями (кирпичным с южной и деревянным с восточной стороны здания)²⁰⁵.

4. Дом свиданий (1986, архитектор А. Даугель) (рис. 3). Прямоугольное одноэтажное здание с анфиладной планировочной схемой так же, как и Дом исправника, претерпел лишь незначительные изменения: вместо ворот были установлены двери²⁰⁶.

5. Тюремная кухня с прачечной (1986, архитектор А. Даугель). Прямоугольное одноэтажное здание с анфиладной планировочной схемой.

В результате реконструкций некоторые оконные проёмы переделаны в дверные, возведён кирпичный пристрой с тыльной стороны здания.²⁰⁷

²⁰⁵ Гуменюк, А.Н, Балюта, П.А. Памятники архитектуры г. Тюкалинска конца XIX – начала XX вв. Каталог // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – с. 236.

²⁰⁶ Там же

²⁰⁷ Гуменюк, А.Н, Балюта, П.А. Памятники архитектуры г. Тюкалинска конца XIX – начала XX вв. Каталог // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – с. 236.

Содержание будущей экспозиции раскрывает страницы истории тюкалинской ссылки, пересыльной, уездной тюрьмы, тюкалинских событий 1918–1919 гг. в восстановленных исторических интерьерах.

Рисунок 3. Дом свиданий (фото 2021 года)

Для более полноценного представления о Тюкалинской уездной тюрьме возможно проведение экскурсий в бывшее здание тюрьмы (бухгалтерское отделение техникума) с посещением бывших камер-одиночек, карцера и осмотром её архитектурных и интерьерных элементов.

Таблица 3.2.

Тематико-экспозиционный план музея

Раздел. Тема	Вид и перечень экспонатов	Расположение
1. Московско-Сибирский тракт 1.1. «Великий кандалный путь»	1. Баннер, декорированный природным материалом МСТ от Москвы до Нерчинска и Кяхты, южная ветвь – Сибирский тракт с коллажем (природа по пути следования, обозначения городов, элементы фотографий партий ссыльных, обозов, почтовых троек и тп).	Зал 1
1.2. Коммерческий тракт	2. Схема коммерческого тракта 3. Карта Российской империи (территория Западной Сибири) 4. Графический материал, посвящённый Дж. Кеннану (схема маршрута от Тюмени до Семиполатинска, фото в одежде русского каторжника, фото ссыльных и каторжников на этапах (из личного архива Кеннана)). 5. Модель книги «Сибирь и система ссылки» на кубе, модель «Одежда каторжанина» на стойке, кандалы ножные (модель)	Зал 1

	<p>6. Картина Б. Троегубова «Чехов на Сибирском тракте» 7. Книга А. П. Чехова «Из Сибири» 8. Современные фото участков коммерческого тракта на территории Тюкалинского района (Рямки, Колмаково, участки Атрачи-Тюкалинск, Андронкино, Афонино, Половинка, Нагибино, Бекишево) 9. Фото с пробега «Маршрутом Чехова» 10. Экспонаты, поднятые на Коммерческом тракте (подковы, гвозди) 11. Баннер Фрагмент Сибирского тракта 12. Баннер Фрагмент Сибирского тракта с фотографии Дж. Кеннана</p>	<p>Зал 1</p>
<p>2. Пересыльная тюрьма</p>	<p>1. Баннер Черно-белое фото основного корпуса 2. Фото Тюремного комплекса из космоса 3. Схема Тюремного комплекса с фото строений (тюремный замок, административное здание, тюремная больница) 4. Копии документов на постройку тюрьмы 5. План Тюремного замка 6. Фото Тюремного замка 7. Тюремное меню 8. Археологические находки на территории Тюремного комплекса 9. Фото казармы солдат-охранников 10. Фото офицерской казармы 11. Фото тюремной камеры с арестантами 12. Фото М. Твена и цитата «Если такое правительство невозможно свергнуть кроме как с помощью динамита, что же, возблагодарим Господа Бога за динамит»</p>	<p>Зал 1</p>
<p>3. Тюкалинская ссылка 3.1. Невольные переселенцы 3.2. «В местах не столь отдаленных»</p>	<p>1. Выписка из документов о ссылке в Сибирь (категории ссыльных, кто направляет) 2. Репродукция картины А. Сохачевского «Прощание с Европой» 3. Репродукция картины Б. В. Смирнова «В тюремном вагоне на ссылку в Сибирь» 4. Репродукция картины Я. Мальчевского «Рождественский сочельник в Сибири» 5. Репродукция «Подлинное изображение ... Емельки Пугачева» 6. Схема расселения ссыльных на территории современного Тюкалинского района 7. Фото Г. А. Мачтета разных лет 8. Книги Г. А. Мачтета 9. Аудио-запись «Замучен тяжелой неволей» 10. Фото польских ссыльных: Ф.В. Воховский, Э.О. Графинский, К.А. Кобылянский</p>	<p>Зал 2</p>

	11. Фото С. П. Швецова 12. Фото Н. И. Долгополова	
«Брат на брата»	«В борьбе за советы» 1. Фото памятника Борцам революции 2. Фото с места казни 49 заключенных Тюкалинской тюрьмы 3. Письма из тюрьмы на бересте (реконструкция) 4. Фото П. А. Усольцева 5. Фото Л. Марацевича 6. Схема восстания против мобилизации в августе 1918 г. 7. Фото М.В. Голубева 8. Фото памятника Голубеву и Сальникову (авт. Н. Конкуль) 9. Фото А.В. Колчака	Зал 2
Уездная тюрьма	«Караулка» 1. Решетка на окне 2. Стол (на столе керосиновая лампа, письменные принадлежности, бумага) 3. Шкаф для бумаг 4. Манекен в форме унтер-офицера 5. Манекен в форме охранника с винтовкой 6. Икона с лампадой (в углу комнаты) 7. Фонарь керосиновый 8. Табуретки (2 шт.) 9. Кандалы ручные Тюремная камера 10. Решетка на окне, 11. Нары 12. Ушат с водой и кружка на цепи 13. Ушат для нечистот 14. Дверь с окошком Карцер 15. Толстая глухая дверь с засовами 16. Чашка с водой 17. Парашка из оцинкованного железа и деревянный ушат 18. Фонарь на стене тюремного коридора	Залы 3,4,5 Помещение бывшего карцера
Сельско-хозяйственный техникум (СХТ)	«Здесь будет учебное заведение» Экспонаты музея истории СХТ Ленинская комната	Музей СХТ Ленинская комната

Анализ тематико-экспозиционного плана (табл. 3.2) будущего музея говорит о его краеведческом характере. Информация о деятельности тюрьмы представлена фрагментарно и вписана в хронологию местной истории, её доля в общем объёме экспозиции невелика. Травматическая

составляющая экспозиции присутствует в разделе «Брат на брата», рассказывающем о казни 49 заключённых Тюкалинской тюрьмы в ночь с 10 на 11 ноября 1919 года. Краеведческая направленность экспозиции обуславливает нейтральность оценки, представленных в ней исторических событий. Основной посыл следующий: не важно, каких политических взглядов придерживались те или иные люди, – главное, какие поступки они совершали. Те, кто пожертвовал своей жизнью ради блага своих земляков, должны навсегда остаться в их памяти.

Выводы

Большинство музеев в Западной Сибири открыты по инициативе сотрудников УФСИН и являются ведомственными. Музеи, работающие при действующих учреждениях или вообще не доступны для посещения широкой публикой, или имеют существенные ограничения. Оценка интеграции таких музеев в культурное пространство региона может быть осуществлена лишь условно.

Нами были рассмотрены кейсы трёх общедоступных музеев, по-разному демонстрирующих экспозиционный нарратив, подбор экспонатов и комментарии к ним. Структура кейса включает анализ классификационных характеристик музеев, историческую справку о создании музея, описание содержания и структуры экспозиции и анализ восприятия музейной интерпретации «трудного» наследия. Функции рассмотренных музеев не ограничены задачами коллекционирования и исследования. Все три музея реализуют мемориальную миссию, транслируя обществу негативную оценку событий прошлого. При этом между ними есть принципиальные различия.

Выраженный мемориальный характер музея «Следственная тюрьма НКВД» (г. Томск) предопределяет сосредоточение внимания на отдельных личностях и судьбах. Демонстрация личных вещей репрессированных,

аудиозаписи писем заключённых, выставка поделок усиливает аффективный колорит восстановленных тюремных интерьеров. Экспозиция и логика экскурсий призваны показать масштабы сталинских репрессий, обесценивание человеческой жизни и отсутствие каких-либо рациональных объяснений всего произошедшего. Музей претендует на роль авторитетного эксперта в теме репрессий и в назидание современному обществу транслирует категоричную оценку событий прошлого.

Тобольский Музей «Сибирской каторги и ссылки» демонстрирует мотив противопоставления царской и советской пенитенциарной системы, чему способствует консервация материального наследия последней при тенденциозной реставрации первой. Отмечается существенная разница в восприятии музея после самостоятельного осмотра экспозиции и экскурсионного обслуживания. В этой связи важную роль играет выбор формы коммуникации музея с посетителями. Традиционная экскурсия остается эффективным способом трансляции исторической оценки событий и явлений, тогда как мастер-классы, квесты и игры в силу преобладания развлекательной составляющей неспособны делать это в достаточной мере. Вместе с тем разнообразие предоставляемых услуг является подтверждением того, что музеефикация может стать основой успешной коммерциализации «трудного» наследия.

Создание Церковно-исторического музея при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви русской является примером сакральной коммеморации «трудного» наследия. Иницилируемая православной церковью мемориализация сталинских лагерей и расстрельных мест положительно воспринимается современным российским обществом. Однако на фоне отсутствия туристско-рекреационной инфраструктуры объединение мемориального и рекреационного элементов имеет негативный эффект: территория, прилегающая к храму, в котором расположен церковно-исторический музей, воспринимается прежде всего как место летнего отдыха. Но,

учитывая небольшой срок существования музея и активную просветительскую деятельность Церкви, можно надеяться на постепенное улучшение ситуации.

Сакрализация, мемориализация и музеефикация тюрем и лагерей, по сути, является легитимацией травматического наследия, примиряющей население страны с её прошлым. Если общественный консенсус достигнут, то с течением времени травматическая составляющая «растворяется» в общеисторическом контексте. Эпохи наслаиваются друг на друга, и происходит постепенное преобразование объектов травматического наследия в формальные свидетельства непрерывного течения жизни. «Краеведческий» проект музеефикации Тюкалинской тюрьмы, несмотря на нейтральный идеологический посыл, имеет большое значение для формирования местной идентичности. Его реализация, без сомнения, будет способствовать росту туристской аттрактивности г. Тюкалинска.

Заключение

С момента своего зарождения гуманитарный дискурс о травме и травматическом претерпел изменения. Изначально травма была центральной категорией психоанализа. Считалось, что воспоминание о травме создаёт эффект её повторного проживания и является отправной точкой решения проблем, возникших в её результате. Более поздние психоаналитические школы считали травму фундаментальной категорией, но, признавая невозможность полного её исцеления, искали конструктивные способы проработки травматического опыта. Также было установлено, что массовый травматический опыт может быть свойствен целым культурным сообществам, которые принимают и разделяют его. В силу того, что принадлежность к сообществу налагает определённые обязательства, внутри него формируется разговор о травме и язык её репрезентации. Вокруг травмы образуется особое пространство, представляемое через ритуалы, артефакты, тексты, мемориалы, стимулирующие чувство вины и ответственности.

Стремление «законсервировать» травму призвано как можно долее поддерживать у людей чувство причастности к событию, ибо жизненно необходимо помнить об исторических трагедиях, чтобы предотвращать их повторение. Ради этого, среди прочих мотивов, развивается мемориальная культура, работающая на то, чтобы создавать подобие личной причастности к коллективному прошлому посредством коммеморативных практик. К их числу относится закрепление памятных дат и фиксация мест памяти с помощью сакрализации, мемориализации и музеефикации.

Мы выяснили, что наиболее приемлемыми формами коммеморации травматического наследия служат сакрализация и музеефикация, способные органично дополнять друг друга. Фокусируясь на жертвах трагических событий, сакральная коммеморация уделяет косвенное

внимание вопросам ответственности за случившееся и, как правило, предшествует другим коммеморативным формам, включая музеефикацию. Этим первенством она обязана своему свойству смягчать негативный эмоциональный фон, который, как правило, окружает травматическое наследие и умышленно нагнетается в тюрьмах-музеях. Это не удивительно, поскольку все репрезентации прошлого, производимые в коммеморативных практиках, содержат оценочную интерпретацию прошлых событий и соответствующее отношение к ним. Эта оценка и отношение всегда обусловлены социокультурным контекстом и порой прямо заданы императивом государственной власти. В последнем случае коммеморация травматического наследия не способствует ведению общественных дискуссий о трагических событиях и извлечению уроков из прошлого.

Особое место среди объектов, относящихся к травматическому наследию, занимают тюрьмы, – безмолвные свидетели жестокости преступников и мучений жертвы, хранители памяти о наказаниях и смерти. Тюремное заключение – проблематичный, но неустранимый социальный институт современной жизни. При всех культурных различиях в практике исполнения наказаний, общественность разных стран всё больше склоняется к мысли, что к упраздняемым тюрьмам, независимо от причин их закрытия, следует относиться как культурному наследию. При этом нет единого мнения относительно их предпочтительного статуса и единого алгоритма музеефикации. Если старинные тюремные замки подлежат защите, как памятники архитектуры, то с тюрьмами XX века, архитектура которых всецело функциональна, дело обстоит гораздо сложнее. Мы показали, что в настоящее время имеют место три варианта развития событий: снос, реконструкция с целью перепрофилирования и музеефикация.

Музеефикация может осуществляться с помощью трёх стратегий: консервации, то есть сохранения архитектуры, пространств и объектов

при их выведении из эксплуатации; реставрации, то есть воссоздание интерьера тех времен, когда тюрьмы выполняли свои первоначальные функции; и художественной реконструкции. Реконструкция используется в бывших местах заключения, где не сохранились камеры, или в музеях, расположенных вне стен бывших тюрем. Мы выяснили, что обычно эти стратегии дополняют друг друга, открывая широкой публике эксклюзивный доступ к реалиям тюремного заключения. В то же время самой востребованной формой музеефикации закрытых тюрем служит консервация. Что касается общих факторов, влияющих на процесс музеефикации таких объектов, то среди них различаются идеолого-политические, эстетические, экологические, инфраструктурно-территориальные, экономические и психологические факторы, а также потребность в обеспечении безопасности, если действующая тюрьма находится в черте города.

Многообразие существующих тюрем-музеев не позволяет рассматривать их как совершенно особый, в сравнении с другими музеями, и монолитный тип. Музеефицированная тюрьма чаще всего характеризуется гибридность: она сочетает в себе черты нескольких классификационных типов по профильным характеристикам, типу хранимого наследия и жанру экспозиции. Кроме этого, при классификации данных объектов целесообразно учитывать ассортимент предоставляемых услуг, расположение и наличие рекреационных элементов. Мы попытались доказать, что применительно к тюрьмам-музеям классическая музееведческая классификация является недостаточной. Более оптимальная классификация, эскиз которой предложен в работе, строится на основе таких критериев, как ведомственная принадлежность тюрьмы-музея, характер инициаторов и временные рамки его создания, охват исторического отрезка, представленного в экспозиции, общая направленность музея и тип хранимого наследия, расположение и ассортимент предоставляемых

музеем услуг. Будучи взаимосвязанными, эти критерии позволяют осмыслить всю многогранность тюрьмы-музея как социального института и культурного феномена.

В регионах Западной Сибири в настоящее время действует семь тюрем-музеев. Их деятельность обусловлена совокупностью факторов и отчётливой прагматикой, которые определяют их миссию, экспозиционный нарратив, подбор экспонатов и комментарии к ним. Так, исключительно мемориальный характер музея делает главенствующей роль просветительских функций. Ярким примером этого служит Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», находящийся в Томске. Он, как и вообще музеи такой направленности, претендует на роль авторитетного эксперта в соответствующей области исторического знания и предлагает научно-консультационные услуги. Это относится и к Музею Сибирской каторги и ссылки, расположенному в Тобольске, хотя его сервисный диапазон намного шире, чем у томского музея. Мы показали, что расширение ассортимента услуг и включение рекреационных элементов способствуют быстрой интеграции тюремных музеев в культурное пространство региона, но могут препятствовать осмыслению и оценке трагических событий истории. Такие тенденции характеризуют социокультурное функционирование тобольского музея, а также церковно-исторического музея в пос. Ложок Новосибирской области. Они также просматриваются в проекте музеефикации тюрьмы в Тюкалинске, районном центре Омской области.

В завершение работы отметим, что до тех пор пока музеефикация бывших тюрем по преимуществу определяется доминирующими и политико-идеологическими и социально-экономическими тенденциями, эту форму коммеморации травматического наследия нельзя считать устоявшейся. Это верно даже несмотря на достаточно большое количество тюремных музеев. Надежду на полное осмысление катастрофы и предотвращение её повторения может дать только

взвешенная музейная политика, предполагающая всестороннее осмысление и освещение проблем. В настоящее время музеефикация «трудного» наследия часто связана с преуменьшением масштаба государственных преступлений прошлого за счёт акцентирования достижений, им сопутствовавших: индустриальных, организационно-административных, экономических, военных и научных. Будучи не только объектом, но и агентом социокультурного влияния, музей призван способствовать достижению общественного согласия и примирению граждан с их историческим прошлым. Экспозиции тюрем-музеев должны напоминать о крайней опасности тоталитарных режимов и диктатур, а также немолчно свидетельствовать о ценности человеческого достоинства и свободы.

Список литературы

1. Ананьев, В.Г. История зарубежной музеологии: Идеи, люди, институты / В.Г. Ананьев. – М.: Памятники исторической мысли, 2018. – 392 с.
2. Ананьев, В.Г. Международная коалиция исторических мест совести // Музей. – 2016. – № 5. – С. 54-57
3. Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б.Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
5. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман; пер. с нем. Б. Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
6. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актер современной политики памяти: дискурс канонизации / Р.Ю. Батищев, Е. В. Беляев, А. А. Линченко // *Studia Humanitatis*. – 2018. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-pravoslavnaya-tserkov-kak-aktor-sovremennoy-politiki-pamyati-diskurs-kanonizatsii> (дата обращения: 11.04.2022).
7. Баранюк, М. Всероссийский виртуальный портал «Посети музей» / М. Баранюк. – URL: <https://vinchi-interactive.ru/blog/vserossijskij-virtualnyij-portal-poseti-muzej.html> (дата обращения: 01.10.2021).
8. Бегунова, Е.А. К определению понятия культурной памяти в зарубежной гуманитаристике / Е.А. Бегунова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – №39. – С. 53-60.

9. Беззубова, О.В. Музей и политика памяти / О.В. Беззубова // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – №3(24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-i-politika-pamyati> (дата обращения: 29.03.2022).
10. Бонами, З.А. Музей в дискурсе аффекта / З.А. Бонами // Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С. 51-78.
11. Буцинский, П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / П.Н. Буцинский. – М.: Вече, 2012. – 320 с.
12. Вальтер Бенъямин: новые сочинения / под ред. Е. Шестовой; пер. с англ. О. Гавриковой. – М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2017. – 229 с.
13. Варбург, А. Великое переселение образов / А. Варбург. – М.: Азбука-классика, 2008. – 416 с.
14. Василина, Д.С. Виртуальный музей как феномен современной культуры / Д.С. Василина // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3(24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-muzey-kak-fenomenovremennoy-kultury> (дата обращения: 25.01.2022).
15. Веденин, Ю.А. Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием / Ю.А. Веденин, П.М. Шульгин // Наследие и современность: информ. сб. – М.: Изд-во Ин-та культ. и прир. Наследия, 2002. – Вып. 10. – С. 9-25.
16. Всероссийский виртуальный портал «Посети музей»: сайт. – 2021. – URL: <https://go-museum.ru> (дата обращения: 01.10.2021)
17. Виртуальный музей ГУЛАГА: [сайт]. – URL: <http://www.gulagmuseum.org/start.do> (дата обращения: 30.07.2020)
18. В тюрьме г. Минусинска открылся музей// ГУФСИН России по Красноярскому краю: [сайт], – URL: https://24.fsin.gov.ru/news/detail.php?month=5&year=2021&ELEMENT_ID=145669 (дата обращения: 21.01.2022)

19. Гарькавый, И.В., Головкова, Л.А. Бутовский полигон / И.В. Гарькавый, Л.А. Головкова. – URL: <http://butovo37.ru/poligon.html> (дата обращения: 21.01.2022)
20. Гнедовский, М.Б. Старые и новые исторические музеи. Панорама мемориальных музеев («музеев совести») / М.Б. Гнедовский // Международный мемориал: проект «Уроки истории», 2022. – URL: <https://urokiistorii.ru/article/1194> (дата обращения: 21.01.2022)
21. Голодяев, К. Тюрмы и лагеря столицы Сибири / К. Голодяев // Выступление на Втором научно-практическом семинаре «Репрессированная сибирская провинция» (Новосибирск, 18.10.2016–19.10.2016). – URL:http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/tyurmy_i_lageryastolicy_sibiri.pdf (дата обращения: 11.04.2021)
22. Гуменюк, А.Н, Балюта, П.А. Памятники архитектуры г. Тюкалинска конца XIX – начала XX вв. Каталог / А.Н. Гуменюк, П.А. Балюта // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 235-243.
23. Гуров, М.Б. Государственная мемориальная культурная политика: к вопросу о сакральной коммеморации / М.Б. Гуров // Культурное наследие России. – 2018. – №1. –С. 54-59.
24. Давыдов, М., Вишленкова, М. «Герои двенадцатого года» и механизмы культурной памяти / М. Давыдов, М. Вишленкова // Сад ученых наслаждений: сб. тр. ИГИТИ к юбилею профессора И.М. Савельевой / отв. ред. Е.А. Вишленкова, А.Н. Дмитриев, Н.В. Самутина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 183-209.
25. Декларация Организации Объединенных Наций «О правах коренных народов» // Документы ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_indigenous.shtml (дата обращения: 22.09.2021)

26. Дорман, В. От Соловков до Бутово: русская православная Церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России / В. Дорман // *Laboratorium*. – 2010. – №2. – С. 327-347.
27. Загороднюк, Н.И. Формирование системы пенитенциарных учреждений тобольской губернии в конце XIII-первой трети XIX вв. / Н.И. Загороднюк // *МНИЖ*. – 2020. – №11-3(101). – С. 62-67.
28. Иванов, А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII-XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона / А.А. Иванов // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. – 2014. – №1 (27). – С. 42-53.
29. Каталог «Частные музеи России. Самородки России» /под. ред. А.Ю. Шабурова. – Москва, 2019. – Выпуск 1.
30. Каулен, М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М.Е. Каулен. – М.: Эстерна, 2012. – 432 с.
31. Колева, Г.Ю. Логика репрессий конца 1930-х гг. В пределах бывшей Тобольской губернии / Г.Ю. Колева // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2018. – №437.– С. 124-135.
32. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО от 16 апреля 1972 г. // *Документы ООН*. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 20.10.2021)
33. Костромина, Е.А., Сивова, А.А., Косолапов, Ю.В. Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт / Е.А. Костромина, А.А. Сивова, Косолапов, Ю.В. // *Сервис в России и за рубежом*. – 2019. – № 4(86). – С.42-53.
34. Краткая характеристика ФСИН России// Офиц. сайт ФСИН России: [сайт]. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 12.11.2021).

35. Кузовенкова, Ю.А. Парадигмы музеефикации индустриального наследия / Ю.А. Кузовенкова // Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт». – 2015. – № 5. – С. 6-16.
36. Люббе, Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного; под науч. ред. В. Куренного; вступ. ст., сост. указ. В. Куренного, М. Румянцевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 2-е изд. – 456 с.
37. Ляликов, И.В. Градостроительство малых городов юга Западной Сибири в XVIII – второй половине XIX века / И.В. Ляликов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. – 2013. № 2. – С. 87-94
38. Малинова, О.Ю., Ефремова, В.Н. Коммеморация исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики / О.Ю. Малинова, В.Н. Ефремова // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – С. 6-22.
39. Мастеница, Е.Н. Нематериальное наследие как объект музеефикации: теоретико-методологические основания / Е. Н. Мастеница // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2017. – № 1(1). – С. 79-87.
40. Мастеница, Е.Н., Серикова, А.Ю. «Диссонантное» наследие в трудах отечественных исследователей / Е.Н. Мастеница, А.Ю. Серикова // Образование и культурное пространство. – 2021. – №1. – С.79-86.
41. Махотина, Е.И. Нарративы музеефикации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии / Е.И. Махотина // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – С.75-92.

42. Мемориальный музей-заповедник Истории политических репрессий «Пермь-36»: [сайт]. – URL: <http://perm36.com> (дата обращения: 30.07.2020)
43. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: НесторИстория, 2018. –224 с.
44. Мороз, О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель / О. Мороз, Е. Суверина // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – URL:<https://magazines.gorky.media/nlo/2014/1/trauma-studies-istoriya-reprezentacziya-svidetel.html> (дата обращения: 30.07.2020)
45. Москвичева, М. Вынужденный уход в онлайн открыл для музеев новые возможности. Культура получила цифровую прививку / М. Москвичева // Электронное периодическое издание «МК.ru». – URL: <https://www.mk.ru/culture/2020/06/21/vynuzhdennyu-ukhod-v-onlayn-otkryl-dlya-muzeev-novye-vozmozhnosti.html> (дата обращения: 01.10.2021).
46. Музейное дело умирать не собирается. Интервью с доктором искусствоведения А.В. Лебедевым // Проект «Россия будущего: 2017 → 2035»: [сайт]. – URL: <http://2035.media/2018/04/06/lebedev-interview/> (дата обращения: 01.10.2021).
47. Музей Сибирской каторги и ссылки // Сайт Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: [сайт]. – URL: tyutiamz.ru/home-rus/remnyj-zamok.html (дата обращения: 20.03.2022)
48. Науменко, О.Н., Науменко, Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке / О.Н. Науменко, Е. А. Науменко // Новейшая история. – 2017. – № 3. – С. 198-208.
49. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.
50. Олейник, Б. Музей тюменского СИЗО-1 – среди лучших в России / Б. Олейник // Сетевое издание «Тюменская линия»: [сайт]. – URL: <https://t-l.ru/208160.html> (дата обращения: 14.01.2022)

51. Охотин, Н.Г., Гнедовский, М. Б. Стрaдание как экспонат / Н.Г. Охотин, М.Б. Гнедовский // Международный Мемориал: Проект «Уроки истории»:[сайт]. – URL: <https://urokiistorii.ru/articles/stradanie-kak-jeksponat-ili-muzej-stro> (дата обращения: 05.05.2022)
52. Погорелов М.А. Пенитенциарные музеи в советской России в 1920-е гг. / М.А. Погорелов // Антропологический форум. – 2021. – № 50. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/penitentsiarnye-muzei-v-sovetskoj-rossii-v-1920-e-gg> (дата обращения: 25.01.2022).
53. Поисковая система Яндекс. Музей Сибирской каторги и ссылки. Отзывы.– URL: <https://yandex.ru/profile/201686953258> (дата обращения: 20.03.2022)
54. Поисковая система Google. Музей Сибирской каторги и ссылки. Отзывы.–URL:<https://www.google.com/search?q=%D0%BC%D1%83%B7%D0%B5%D0%B9+%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8+%D0%B8+%D1%81%D1%81%D1%8B%D0%BB%D0%BA%D0%B8&oq=%D0%BC%D1%83&aqs=chrome.0.69i59j69i59i450j69i57j69i59j69i61.2557j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 20.03.2022)
55. Полякова, Е.А., Лапин, Е.С. Экспозиционная деятельность церковных музеев как пантекстуальный феномен в отражении православной культуры (на примере церковных музеев Западной Сибири) / Е.А. Полякова, Е.С. Лапин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №48. – С. 118-124.
56. Постная, Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта / Е. Постная // INTER. – 2016. – №12. – С. 68-77.
57. Разумовская, Т.А. Диалоги с болью: теория и практика катастрофы / Т.А. Разумовская // Социологический журнал. – 2010. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialogi-s-bolyu-teoriya-i-praktika-katastrofy-retsenziya-na-knigu-travma-punkty-sbornik-statey-sost-s-ushakin-i-e-trubina-m-novoe-literaturnoe> (дата обращения: 28.03.2022).

58. Рамочная Конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества // Сайт Совета Европы: [сайт]. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=199> (дата обращения: 23.10.2021)

59. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – С. 5544.

60. Рикёр, П. Память. История. Забвение. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.

61. Ревзин, Г. Функция неизменна / Г. Ревзин // Журнал «Коммерсантъ Weekend». – 2009. – №43. – с. 25.

62. Резвых, П. Романтические истоки туристской практики // Сад ученых наслаждений: сб. тр. ИГИТИ к юбилею профессора И.М. Савельевой / отв. ред. Е.А. Вишленкова, А.Н. Дмитриев, Н.В. Самутина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 259-275.

63. Репортаж о музее под Новосибирском // Сетевое издание «НГС.Новости»: [сайт]. – URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2019/11/05/66290845/> (дата обращения: 14.01.2022)

64. Решетников, Н.И. Музей как образовательный институт и глобальные вызовы современности / Н.И.Решетников // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. – №3(18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzey-kak-obrazovatelnyy-institut-i-globalnye-vyzovy-sovremennosti> (дата обращения: 16.03.2022).

65. Рождественская, Е. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста / Е. Рождественская // Логос. – 2017. – №5 (том 27). – С. 87-114.

66. Российская музейная энциклопедия. Т. 1–2. М., 2001; 2-е изд. М., 2005

67. Ростовцев, Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России / Е.А. Ростовцев, Д.А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Сер. 2., Вып. 2. – С. 106-126.

68. Сабанчиев, Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции / Р.Ю. Сабанчиев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1(43). –С. 33-38.

69. Самовер, Н.В. «Трудное наследие» как Всемирное: Россия в контексте международного опыта / Н.В. Самовер // Журнал Института наследия. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnoe-nasledie-kak-vsemirnoe-rossiya-v-kontekste-mezhdunarodnogo-opyta/viewer> (дата обращения: 15.02.2022)

70. Сапанжа, О.С. Классификация музеев и морфология музейности: структура и динамика / О.С. Сапанжа // Вопросы музеологии. – № 1(5). – 2012. – С. 3-12.

71. Сапанжа, О.С. Советская повседневная культура как объект наследия: опыт музеефикации и актуализации / О.С. Сапанжа // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Улан-Удэ, 18 апреля 2019 г. – Улан-Удэ: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2019. – С. 39-43.

72. Сапанжа, О.С. Феномен малого музея и микро-музея в современном культурном пространстве / О.С. Сапанжа // Музей. Памятник. Наследие. – 2018. – № 1(3). – С. 5-11.

73. Семенова, Г.В., Векилова, С.А., Полферова, А.С. Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире / Г.В. Семенова, С.А. Векилова,

А.С. Полферова // Развитие человека в современном мире. – 2019. – № 3. – С. 40-48.

74. Сидорова, Ю.С. Вопросы продуктивной организации социокультурных ресурсов региона (на примере деятельности Тобольского музея-заповедника) / Ю.С. Сидорова // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №4. – С. 99-102.

75. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 47-68.

76. Смирнова, Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. / Т.А. Смирнова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – №4. – С. 95-98.

77. Стаф, В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае / В.С. Стаф // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 183-187.

78. Стаф, В. С. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГА / В.С. Стаф// Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77209/1/qv_3_2019_07.pdf (дата обращения: 01.10.2021)

79. Стратегия развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 года // Союз музеев [сайт]. – URL: http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22197:strategiya-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda&catid=10589&Itemid=176 (дата обращения: 02.06.2022)

80. Субботин, А.Л. Классификация / А.Л. Субботин. – М.: ИФ РАН, 2001. – 94 с.

81. 30 лет скандальной пирамиде Лувра: Надругательство над историей или эстетика гармонии // Ежедневный интернет-журнал

«Культурология.ру»: [сайт]. – URL:<https://kulturologia.ru/blogs/220519/43183/>
(Дата обращения: 01.10.2021)

82. Тарасова, К. Тюремные музеи. Хранители истории / К. Тарасова // «Преступление и наказание» – №4. –2012. – URL:<https://www.zakonia.ru/analytics/tjuremnye-muzei-khraniteli-istorii> (дата обращения: 21.01.2022)

83. Тельчаров, А. Д. Музееведение / А.Д. Тельчаров. – М.: Научный мир, 2011. – 184 с.

84. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 903 с., ил.

85. Уйманов, В.Н. Роль СИБЛАГа ОГПУ в экономическом развитии Западной Сибири в 1930-е годы / В.Н. Уйманов // Вестник Кузбасского института. – 2011. –№1 (4). – С. 37-42.

86. Фелькер, А.В. «Непростое» наследие: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы / А.В. Фелькер // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И Миллер, Д.В. Ефременко. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 93-109.

87. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с франц. В. Наумова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 383 с.

88. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.

89. Ханевич, В. Он стал первым / В. Ханевич // Музей. – 2016. – № 5. – С.34-40.

90. Хаттон, П. История как искусство памяти / Патрик Хаттон; пер. с англ. В.Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – 424 с.

91. Хлевнюк, Д. О. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти / Д.О. Хлевнюк // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. –М., 2019. – С. 109-110.

92. Церковно-исторический музей при храме в честь новомучеников и исповедников церкви русской на святом источнике Искитимского района: [сайт]. – URL: <http://orthmuseum.ru/museumtwo> (дата обращения: 19.04.2022)
93. Черкаева, О.Е. Тема национал-социализма в Германии: специфика музейного показа / О.Е. Черкаева // Общество: философия, история, культура. –2019. – № 9. – С. 129-133.
94. Чуйкина, С. Как рассказать о ГУЛАГе языком исторической выставки: «право переписки» в московском «Мемориале» / С. Чуйкина // Laboratorium. –2015. – №7(1). – С.158-183.
95. Шуб, М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: диссертация...доктора культурологии / Шуб Мария Львовна. – Челябинск, 2018. – 491 с.
96. Шуб, М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательные потенциал / М.Л. Шуб // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 3(36). – С. 80-87.
97. Шукан, А.А., Карасова, И.Ю. Негативные аспекты пенитенциарных учреждений в центре российских городов // Международный студенческий научный вестник. – № 5. – 2018. – URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18654> (дата обращения: 24.01.2022).
98. Эппле, Н.В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах / Н. В. Эппле. – М.: «НЛЮ», 2020. – 321 с.
99. Юренева, Т.Ю. Музеи России в контексте европейских статистических измерений / Т.Ю. Юренева // Культура и искусство. – 2018. – № 7. – С. 8–20.
100. Bennett, T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics / Bennett, T. – London: Routledge, 1995 – 288 p.
101. Chaverou, É. Comment les musées sont devenus de «nouvelles cathedrals» / É. Chaverou. – URL: <https://www.franceculture.fr/societe/comment>

-les-musees-sont-devenus-de-nouvelles-cathedrales (дата обращения: 20.09.2021)

102. Criminocorpus. Musée d'histoire de la justice, des crimes et des peines. – URL: <https://criminocorpus.org/fr/> (дата обращения: 30.07.2020)

103. Demirbas, I. Criminocorpus: Browsing through the French History of Crime and Medicine / I. Demirbas // *Medical History*. – 2017. – Т. 62. – № 1. – P. 152–154 (дата обращения: 25.01.2022)

104. Duff, C. *A handbook on hanging* / C. Duff. – London: Journeyman Press, 1981. – 191 p.

105. Findlen, P. *Possessing nature: museums, collecting, and scientific culture in early modern Italy* / P. Findlen. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1996. – 449 p.

106. Hooper-Greenhill, E. *A New Communication Model for Museums* // *Museum Languages: Objects & Texts*. Ed.G. Kavanagh. Leicester Univ. Press, 1991. – P. 59-60.

107. Klüger, R. *Weiter leben, Eine Jugend, Göttingen* / R. Klüger. – Göttingen: Wallstein, 1994. – 285 p.

108. La Tanya, A., Murawski, M. *Museums Are Not Neutral: We Are Stronger Together* / La Tanya A., Murawski, M. // *Panorama: Journal of the Association of Historians of American Art*. 2019. no. 2. – URL: <https://editions.lib.umn.edu/panorama/article/public-scholarship/museums-are-not-neutral/> (дата обращения: 01.10.2021)

109. Leys, R. *Trauma: A Genealogy* / R. Leys. – Chicago: The University of Chicago Press, 2000. – 336 p.

110. *Maison d'arrêt du Havre*. Musée Criminocorpus consulté le 30 juillet 2020. – URL: <https://criminocorpus.org/fr/ref/144/1/> (дата обращения: 30.07.2020)

111. Meskell, L. *Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology* / L. Meskell // *Anthropological Quarterly*. – 2002. – Vol. 75, no. 3. – P. 557-574

112. Moses, S. Stigmatized Space: Negative Heritage in Historic Preservation (Master's Thesis) / S. Moses. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 2015. – 154 p.

113. Piché, J., Walby, K. Les musées de prison au Canada: une réflexion abolitionniste / J. Piché, K. Walby // *Déviante et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42), – P. 643-662. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-643.htm> (дата обращения: 14.07.2020)

114. Renneville, M., Victorien, S., Sanchez, J.-L. Le patrimoine pénitentiaire dans le musée d'Histoire de la justice de Criminocorpus (2007-2017) / M. Renneville, S. Victorien, J.-L. Sanchez // *Déviante et Société*. – 2018. – no. 4 (Vol. 42). –P. 619-642. – URL: <https://www.cairn.info/revue-deviance-et-societe-2018-4-page-619.htm> (дата обращения: 14.07.2020)

115. Tunbridge, J.E., Ashworth, G.J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict / J.E. Tunbridge, G.J. Ashworth/ – Chichester, Sussex: John Wiley & Sons Ltd, 1994. – 299 p.

116. Welch, M. Escape to prison: penal tourism and the pull of punishment / M. Welch. – Oakland:University of California Press, 2015. – 265 p.